

ISSN 0012-6756

**Дружба
народов**

2/2025

В НОМЕРЕ:

«МЕНЯ БЫ НЕ БЫЛО, ЕСЛИ БЫ ОН ПОГИБ!»

Время действия романа Марию БУШУЕВОЙ «Томский телеграфист» — с октября 1903 по апрель 1906 и июнь 2014 годов. Но хронология повествования не линейна, сюжет переносит читателя из века в век. Каждый герой — образ собирательный, текст не претендует на исторический буквализм, хотя автор широко использует архивные документы и воспоминания.

Сохранены и настоящие фамилии революционеров. Автор показывает, как в умелых руках из озорства и эпатажа наивной молодёжи раздувается «революционное пламя», сжигающее всё на своём пути, и выстраивает параллели с нашим временем.

«И ПОЗВОЛИТЕЛЬНО ПИСАТЬ КАК УМИРАТЬ»

Стихи Сергея ПОПОВА «Очная ставка» можно назвать крупномасштабными: столько в них обжитого густонаселённого пространства, в котором и боль, и «торжество отчаянной свободы». Лирика Инги КУЗНЕЦОВОЙ — интуитивная, хрупкая, полная мистических предчувствий: «Я думаю о куполе любви./ О клейком слове, что скрывает бездну». Андрей ГРИЦМАН скорбит по ушедшим друзьям-поэтам, по невозвратной атмосфере прошлого: «Так и жили навстречу мы, словно в пути. / Отражённые в памяти лица».

Дебютант «ДН» Юрий КИТАЕВ, размышляя о жизни, сетует: «И растения тоже... А мы ещё хуже растений... / Всё в пути и в пути... От привала бредём до привала... / Ничего не осталось. Ни мужества, ни сновидений... / Ветер, снег и молитва, чтоб завтра метель миновала». Точностью и безыскусностью привлекает дебютная подборка Анастасии КАМЕНСКОЙ, будь то стихи о зверях или об утопическом уюте «мира, где врагов прощают/ и друзей не предают».

«НУ ДА, ТАК И ЕСТЬ. КАК У ЛЕВИТАНА»

«Что-то шукшинское, с юморком в плёсской упаковке: тётка за свечным ящичком, по совместительству гид по храмовым достопримечательностям. Выходя навстречу очередной группе туристов, на глазах преображается в советскую школьную волевою директрису: “Мужчина, я кому это рассказываю? — укоряет отвлекшегося мужичка. — На кого вы там смотрите? Вы сюда смотрите. Поглядите, какая у нас Иверская! Красавица-то какая она у нас!...» В рубрике «Страна Россия» — очерк Инны ВОЛОШИНОЙ «Плёт. Непредвиденная тропа от искусства к жизни». В названии — координаты выстраивающего текст маршрута передвижения автора по городу.

«СЕГОДНЯ ГУЗЕЛЬ 10 ЛЕТ, РОМЕНУ РОЛЛАНУ 100»

«...А я опять думаю о тебе. Вижу, как ты стоишь, щурясь от солнца, и крошишь хлеб на утрамбованный, пахнущий арбузами и весной снег. Потом поднимаешь палку к небу и с удовольствием цитируешь Тукая. Что-то насчёт птиц, которые никуда не улетят, останутся здесь, с нами. Лес совсем не похож на Юматовский. Ни одной берёзки. А я все равно думаю о той жизни и о тебе». Воспоминания Гузели АГИШЕВОЙ «Бапэс и картатай» предваряют фрагменты из дневников башкирского писателя Сагита АГИША (1905–1973) — её деда.

Дружба народов

*Независимый
литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

*Основан
в марте 1939 года*

Редакционная коллегия

Адрес редакции:
117218, Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, стр. 2,
журнал «Дружба народов»
Телефон (многоканальный):
8-499-519-02-12

E-mail: dn52@mail.ru,
Сайт журнала:
<http://дружбанародов.com>

Юридическая поддержка:
Congress Consulting.
Свидетельство о регистрации
№ 73 от 14.09.1990 г.
в Министерстве печати
и массовой информации РСФСР.
Свидетельство о регистрации
товарного знака № 288681.
Зарегистрировано в
Государственном реестре
товарных знаков и знаков
обслуживания РФ
12 мая 2005 г.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»;
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

**Редакция не имеет возможности
рецензировать и возвращать
рукописи.**

**Во всех случаях полиграфического
брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию, указанную
в выходных сведениях.**

**При перепечатке наших материалов
ссылка на журнал «Дружба народов»
обязательна.**

Сдано в набор 20.12.2024.
Подписано в печать 25.01.2025.
Формат бумаги 70 x 108 ¹/₁₆
Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 22,4. Усл. кр.-отт. 23,1.
Уч.-изд. л. 21. Тираж 1200 экз.
Заказ . Цена свободная.

Главный редактор Сергей
НАДЕЕВ
Леонид
БАХНОВ
Ирина
ДОРНИНА

Ответственный секретарь Елена
ЖИРНОВА

Первый заместитель главного редактора Наталья
ИГРУНОВА

Галина
КЛИМОВА
Владимир
МЕДВЕДЕВ

Заместитель главного редактора Александр
СНЕГИРЕВ

Редакционный совет

Мария
АНУФРИЕВА
Сухбат
АФЛАТУНИ
Муса
АХМАДОВ
Ольга
БАЛЛА
Дмитрий
БИРМАН

Денис
ГУЦКО
Фарид
НАГИМ
Илья
ОДЕГОВ

Валерия
ПУСТОВАЯ
Ренат
ХАРИС

Александр
ЧАНЦЕВ
ЭЛЬЧИН

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Сергей ПОПОВ. Очная ставка. <i>Стихи</i>	3
Мария БУШУЕВА. Томский телеграфист. <i>Роман</i>	9
Анастасия КАМЕНСКАЯ. Звери, которые лучше, чем люди. <i>Стихи</i>	89
Иван ГОБЗЕВ. Компьюльсии. <i>Рассказ</i>	93
Игорь МАЛЫШЕВ. Признак чего-то верного. <i>Рассказы</i>	109
Андрей ГРИЦМАН. На пушкинских снегах. <i>Стихи</i>	120
Саша ТЕМЛЕЙН. Звёзды на крыше. <i>Повесть</i>	124
Инга КУЗНЕЦОВА. Эффект присутствия нестоек. <i>Стихи</i>	140
О.КАМОВ. Перед финалом. <i>Рассказы</i>	144
Степан ГАВРИЛОВ. Три рассказа, и все об одном	163
Марк МАРЧЕНКО. Как красивы души каждого из нас. <i>Рассказы</i>	176
Юрий КИТАЕВ. Ветер, снег и молитва. <i>Стихи</i>	187

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

Михаил ПЕРЕПЛЕСНИН. Магия света и тени	190
Анатолий ЩЕЛКУНОВ. Портрет художника Бердигулы Амансахатова. <i>Из дневника посла России</i>	191
«В этой жизни я говорю и пишу на русском». <i>Итоги «Русской премии» — 2024</i> <i>и сто слов о русском языке от финалистов Хелены ПОБЯРЖИНОЙ,</i> <i>Даниэля БЕРГЕРА, Адалата ИСМАИЛОВА, Сергея ПАГЫНА,</i> <i>Анастасии ХАТИАШВИЛИ, Натальи БЕЛОЕДОВОЙ, Тимура НИГМАТУЛЛИНА,</i> <i>Ильи ОДЕГОВА, Ирины ЧУДНОВОЙ</i>	196

МАЛЕНЬКИМ КАРАНДАШОМ

Амина ДАМАДАЕВА. Отпуск с Джамалудинчиком. <i>Рассказ</i>	200
---	------------

ПРОЗА. ДОС

Гузель АГИШЕВА. Бапэс и картатай	204
--	------------

СТРАНА РОССИЯ

Инна ВОЛОШИНА. Плёс. Непредвиденная тропа от искусства к жизни	234
--	------------

КРИТИКА

«Только детские книги читать...» <i>Круглый стол. Продолжение разговора:</i> <i>Елена АЛБУЛ, Ирина БАЛАХОНОВА, Ирина БОГАТЫРЁВА,</i> <i>Юрий НЕЧИПОРЕНКО, Валентина ПАТРОНОВА, Елена УСАЧЁВА</i>	237
--	------------

ПОДРОБНОЕ ЧТЕНИЕ

Валерия ПУСТОВАЯ. Дверь к себе (А.Шипилова. «Скоро Москва: Рассказы»; А.Горбунова. «Нет никакой Москвы»)	256
---	------------

ЛИТЕРАТУРНЫЙ БАРОМЕТР

Евгений АБДУЛЛАЕВ. Двадцатые: третья перезагрузка	264
---	------------

ПРАВИЛА ИГРЫ

Борис МИНАЕВ. Время Тартюфа	268
-----------------------------------	------------

SUMMARY	272
----------------------	------------

Сергей Попов

Очная ставка

* * *

Кто сказал, каждой твари по паре?
Прибаутки для счастья малы —
русопяты, семиты, татаре,
самоеды, абреки, хохлы...

За язык никого не тянули,
а несёт без руля и ветрил.
Гули-гули, залётные пули.
Кто забыл, кто не так повторил.

Полумесяц над тундрой ковёрной,
над ковидной кривою орёл.
И орнамент равнинный и горный
на игре в непонятки расцвёл.

Словно прошлое вышито плохо,
и с такой вышиванкой беда,
протянула непруха-эпоха
до тротила разрыв-провода.

И круги разошлись без остатка,
зачудила горячая смесь...
Кобура, камуфляж, плащ-палатка —
это так называется здесь.

Попов Сергей Викторович — поэт, прозаик, драматург. Родился в 1962 году. Окончил Литературный институт им. А.М.Горького. Публикации в журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Звезда», «Новый журнал», «Интерпоэзия», «Арион» и др. Автор многих книг стихов и прозы, среди них сборники стихов «Травы и тропы» (М., 2020) и «Вся печаль» (М., 2021). Лауреат многих литературных премий, в том числе премии журнала «Дружба народов» (2023). Живёт в Воронеже.

Всё устроено по-человечьи —
распальцовка, базар, мордобой,
чтоб галдело всемирное вече
в пользу очередной мировой.

Янки, панки, уйгуры, арабы
на одном гомонят языке.
И по милости этой оравы
самолёты срывает в пике.

Офигенно, решительно, гарно
инь и ян в кочевом кураже
на посадку заходят попарно,
потому что сажают уже.

И в сердцах затворяют ворота,
и в слезах растворяют мозги.
По долинам горланит икота,
но по взгорьям не слышат ни зги.

Вот и зренье становится слухом.
Вот и слух утекает во тьму...
И о чём эти песни над ухом,
не понятно уже никому.

* * *

Палевый разливается, бежевый, золотой...
Если, как встарь, обходишься запятой,
то не кончается речитатив цикад
в травах у хижины окнами на закат.

В Новом Афоне это или в Крыму?
Год не припомню, Хроноса не уйму —
лишь насекомый свет от него хранит,
чтоб не смолкало пение аонид,

дабы до точки не доходил пока —
как ни кроваятся в очередь облака,
как ни противится кипенный лист перу,
жизнь укрощая обмороком к утру.

И ни морской, ни горний огонь вдали
на берегу пристанище не спалит —
дымкой забвения брошенный край земли
тысячу лет под перистые залит.

Но препинанья — точно слова не в счёт —
ярые знаки время стирают в прах...
Всей саранче — и золото, и почёт
да исполать норе на семи ветрах!

Медный на дне румянится, истовый, с края кровь...
Но пунктуация всё выправляет вновь,
и за слепую веру в неё без слёз
море, как прежде, буйствует на износ.

* * *

Кто с многоточием, кто с точками над і
в смертельном сговоре пожизненно завис,
под знаком ветра, препинанием воды,
с неверной почвой объясняя компромисс.

Всё изменяется и якобы течёт,
но время кривды — небогатая вода,
и точек в нём, как ни крути, наперечёт,
и с восклицательными сушая беда.

Гуляет ветер по страницам темноты,
пустое слово выбирается на свет,
где полевые и военные цветы,
как запятые, презентуются в ответ.

Но то, что стебли — вопросительной дугой
и все в подпалинах седые лепестки,
цветёт и пахнет пунктуацией другой,
где допущения убийственно легки.

И позволительно писать, как умирать,
и брать в кавычки всё, что вздумается, влёт:
какая твердь, какая смерть, какая рать —
кромешный Хронос как по писаному врёт.

Кто с правдой парится, кто силится тире
себе подобному поставить между дат...
И при обозе, при остроге, при дворе —
везде и всюду каждый сам себе солдат.

* * *

На площадях братва затихает птичья
по протоколу выбывшего величья

братской весны в окрестностях средостенья,
где шиковали бешеные растенья,

напоминавшие лавры и ветви пальмы —
даром что листья все как один опали,

отгомонили, предательски облетели —
и ни улики тебе, ни следов на теле,

где с юридическим не разобраться телом
в позднеосеннем сумраке запотелом —

всё, что морщинами отозвалось по коже,
на преступленье обморочно похоже,

но не узнать виновных в пернатых тварях,
перистых тучах, вытравленных трамваях —

разве что в камне, надписи, позолоте,
мёртвом молчании на невозможной ноте —

но над пустыми лавками истуканы
не признают, что нынче они лишь камни,

а загрудинной боли ночные всходы —
лишь отголоски выстуженной свободы

среди постаментов и триумфальных арок
с вечным помётом и пустотой в подарок,

где безразлична вешним безумным братьям
очная ставка с холодом и разъятьем.

* * *

Обменяет время на копейки,
отсидев в отделе до пяти,
и гужбанит с чувством на скамейке
в конуру родную по пути.

И пока не выстоится сумрак
до кровавой истовой луны,
на безлюдье нежится рассудок
и глаза забвением полны.

Торжество отчаянной свободы,
волшебство уснувшего ума.
И хотя не близко до субботы —
предвоскресной кажется зима.

И пока мороз костей не ломит
и позёмка душу не скребёт,
огоньки неведомого ловит
в темноте заядлый нищеврод.

То ли это блещут изумруды
в позабытой сказке про царя,
то ли взоры нового иуды
по купцам шатаются зазря?

Или, проступивши из эфира,
застывает кровь небытия
на разломах плавленого сыра,
и соблазном светятся края?

P.S.

Срок хранения кончился быстро
благородных раскладов ума,
и дымком упряднённого быта
овевало жилые дома.

Не спеша от пожатий в объятья,
от сугрева к другому столу,
где крошечные сёстры и братья
заводили беседу-юлу

о воздушных приятнях вчерашних,
о разбеге блажной суеты,
о смешных Гименеевых шашнях —
свет погашен, и чашки пусты.

Цепенела луна на шпагате
бельевом в окантовке окна.
Но к такой аллегории, кстати,
вся весна не была сведена.

Потому как за вирусной дрожью,
за воротами мутных дворов,
приподняв непобритую рожу,
продымлён и с устатку суров,

мог ночующий видеть смещения
и смущенья бесстыдных светил,
и живую прошивку свеченья,
что мороз напоследок схватил.

* * *

Под стать обратному отсчёту
дымятся твари и слова —
зола выходит на работу,
прекраснодушием права.

Усвоить беличий и птичий
из первых крыльев или лап
без церемоний и приличий
гортань зоолога могла б,

из глубины миропорядка
извлечь звучащее зерно...
Но ей изведенное сладко
и человечье суждено.

Всему свои дупло и небо,
но если коготь и крыло
не есть заноза и потреба,
Психея вспыхивает зло.

Пока на буквенном пространстве
в буквальном смысле виден край,
дымит исследователь в трансе:
«Душа моя, не умирай!

Навстречу мнимому спасенью
от общей речи роковой
тебе под ангельскою сенью
орехи щёлкать не впервой,

ведь вся пернатая опека
на то и кажется чужой,
что на кону скончанье века,
где нет у птичечеловека
обратной жизни за душой».

Мария Бушуева

Томский телеграфист

Роман

В основе сюжета — архивные документы судебного дознания 1903—1905 годов и воспоминания членов Обской группы Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) о том же периоде своей деятельности. Используются материалы историко-краеведческих сайтов. Каждый образ в романе — образ собирательный, поэтому в тексте нет точного соответствия датам биографии какого-либо конкретного революционера. Сохранены настоящие фамилии только упоминаемых социал-демократов (Шамшиных, Шамигуриных, Преловского и пр., в том числе предателя Струнина). Реальная историческая фигура — упоминаемый в тексте известный сибирский учёный-областник Г.Н.Потанин.

Дни мрачных бурь, дни горьких искушений.
А.Пушкин

Глава первая. Извозчик Куликов

Секретно

Начальник Томского Губернского жандармского управления

Октября 16 дня 1903 года

Прокурору Томского окружного суда

Пристав IX участка гор. Томска при отношении от 17 Октября за № 289 уже перепроводил мне 2 протокола от 14 и 15 октября, из коих видно, что легковым извозчиком г. Томска Ишимского уезда Боровской волости Трофимом Леонтьевым Куликовым за неуплату и за нерозыском адреса о месте квартирования

Мария Бушуева (Китаева) — прозаик, критик, автор нескольких книг прозы, в том числе биографического романа «Королёв. Главный конструктор» (2022) и множества публикаций в сетевых и «толстых» журналах. Лауреат журнальных премий. Живёт в Москве.

Титулярного Советника Алексея Александрова Диева, возимаго им в пьяном виде, Диев доставлен в близлежащий полицейский участок, при обыске Диева в упомянутом участке в сюртуке бокового кармана между прочими бумагами найдены одна нецензурная брошюра и две печатныя прокламации возмутительного (зачёркнуто) противоправительственного содержания.

Сообщая о сем Вашему Высокородию имею честь присовокупить, что мною сего числа приступлено по сему делу к формальному дознанию в порядке 1035 ст. Уст. Угол. Суд. по обвинению Диева в преступлении, предусмотренном 252 ст. Ул. При этом прошу уведомления Вашего, кто из чинов прокурорского надзора будет назначен для наблюдения над производством этаго дознания.

Верно: Начальник Управления
Полковник Ромашов

Срочное
Секретно
Начальник Томского Губернского жандармского управления.
Октября 16 дня 1903 года
Томскому полицмейстеру

Прошу распоряжения Вашего Высокоблагородия о прибытии во вверенное мне Управление к 11 часам утра 19 октября помощника пристава IV-го участка г. Томска Бокатова и извозчика Трофима Леонтьева Куликова.

Полковник Ромашов

Алексей Александрович Диев был до муки, до отчаяния потрясён. Протрезвевший, еле волоча ноги из полицейского участка — его отпустили за подписку о невыезде — брёл, шурша палой листвой и вспоминая слова тётки Стефаниды, думал горько, что его, сорокалетнего одиночку-холостяка, бес попутал жениться на красивой восемнадцатилетней Шурочке. Или поздняя любовь — демоново наваждение. Шурочка родила Диеву играючи троих детей подряд и заставила его бросить скучную, не сильно денежную должность мелкого чиновника — уйти в железнодорожные служащие, где платили много больше. Железная дорога кормила город, и работавших на станции ценили. А Диев, возможно, и повыше бы поднялся по служебной лестнице Табеля о рангах — вскарабкался бы за счёт своего трудолюбия и кроткого характера. Правда, был тревожен и робок, оттого порой выпивал, зато начальству не перечил и отличался постоянной исполнительностью — таких, если не сильно ценят, зато, иногда о них вспомнив, продвигают на ступеньку выше в противовес опасным карьеристам-конкурентам. Он и внешне характеру своему соответствовал: небольшого роста, худенький, слегка подпрыгивающий при ходьбе — это если сильно торопился, тогда и серенькие прядки редковатых волос тоже подпрыгивали на его голове. Острозычная Шурочка называла его, шутя, отцом-воробьишкой. Надо сказать, она любила почитывать нелегальщину. Всё запрещённое почему-то ещё с детства будоражило ей кровь. В церкви её всегда так

и подмывало сделать что-нибудь неправильное, к примеру, вместо исповеди признаться батюшке в любви или картинно снять у иконы крестик, напугав стоящих рядом молящихся. О своих шаловливых мыслишках она, смеясь, рассказывала мужу. Он слушал, не одобрял, конечно, но и не возражал. Шурочке возразить — день терпеть от неё обиды и насмешки.

Собственно говоря, никакого отношения к нелегальной брошюре и прокламациям, найденным полицией в его сюртуке, сам Диев, отставной титулярный советник, человек законопослушного тихого нрава, не имел. Это младший брат его Шурочки, шалопутный Мишка, выгнанный из пятого класса реального училища и снискавший у гимназисток славу местного героя-хулигана, притащил и спрятал компромат в комнате сестры, такой же заводной и огнистой, а после попросил Диева отвезти пакет какому-то неизвестному господину Лебедеву. Для смелости Алексей Александрович выпил, тут-то его и словил на площади извозчик Трофим. Извозом его Диев пользовался часто, да вот задолжал, а бородач оказался мстительным крохобором — из-за долга, пустячного, в общем-то, не к неизвестному Лебедеву повёз Диева, а прямёхонько в полицейский участок. В пути, как назло, выпала из кармана Алексея Александровича одна из запрещённых прокламаций, о чём зловерный извозчик торжествующе доложил в участке. Слава Богу, от страха и выпитого язык у Диева заплетался — и адреса Лебедева он бородачому доносчику сообщить не успел. И на вопрос, заданный в участке, куда направлялся, ответил «прокатиться для души хотел», губы прыгали, оттого звуки наскакивали друг на дружку — вряд ли слова ответа можно было разобрать. Но хоть и пьяноват был и от страха трясся, Мишку-хулигана не выдал. Сестру его, свою любимую Шурочку, и детей пожалел: трое малых за её юбку держатся — от пяти до года. Да и Мишка-недоросль ещё взрослого ума не набрался, для него все опасности пока — игра, не в тюрьму же его адресовать...

Ох, беда, беда, узнав о помолвке Диева, сокрушалась Стефанида Акинфиевна, жена его родного дяди Антония, известного в Томске протоиерея, это ж не девка — чёрт в юбке, едва ходить научилась, помню, уже скатерть со стола в гостиную сорвала, озорница, да не просто сорвала, а ножонками своими ещё потоптала, прям по моей вышивке, сама-то она и сейчас ни шить, ни вышивать, только дай ей гитару — день напролёт будет, как цыганка, петь да развлекаться.

Родню, и свою, и по супруге, вытащил из Пензенской губернии в Томск отец Антоний. И на удивление — прижились. Сибирь всех вобрала и, несмотря на морозные зимы, пригрела. Зимой деревянная резьба томских домов обрастала снежным покровом, а когда звонили колокола, снежные хлопья слетали с козырьков соседних крыш. Вся эта белоснежная узорная и летучая красота трогала тайные струны души Диева: титулярный советник был неравнодушен к поэзии, сам в юности вписал пару романтических стишков в альбом одной пензенской девице, голубоглазой блондинке. Та первая любовь, будто слившись с томскими зимами, давно утратила цвет юности, затонула в сибирской белоснежной дымке, на фоне которой Шурочка, яркая брюнетка, казалась экзотичным цветком.

Мать Шурочки была двоюродной сестрой Стефаниды Акинфиевны. В доме у своего дяди Диев с будущей супругой и познакомился, в кровном родстве они не состояли, оттого препятствий к женитьбе не было. Поговаривали в их разночинных кругах, что Наследник мог страдать гемофилией как раз из-за того, что в царском роду были браки братьев и сестёр...

Секретно

Начальник Томского Губернского жандармского управления

Октября 16 дня 1903 года

В Службу Движения Сибирской железной дороги

По встретившейся надобности имею честь просить распоряжения о высылке во вверенное мне Управление всех личных документов служащего в конторе заведующего Кондукторскими бригадами Алексея Александрова Диева.

Верно: Начальник Управления

Полковник Ромашов

Вечером примчался Мишка. Черноволосый, как сестра, тоже острый на язык и говорливый, лицом он походил на неё мало: ярко-зелёные глаза Шурочки у младшего брата сохранили округлую форму, но, потеряв зелень, приобрели столь блёклый голубой цвет, что порой казались белыми. В центре белизны, точно дыра револьверного дула, чернел зрачок. Тревожному Диеву иногда мерещилось, что через Мишкины зрачки веет потусторонним холодом. Приятная округлость Шурочки сменилась у брата юной худобой, немного тяжелили гибкий торс только ноги. Ни певческими, ни музыкальными дарованиями Мишка не обладал, а вот плясать был горазд — подрабатывал второй год в кордебалете театра, построенного по заказу купца Первой гильдии Евграфа Королёва, — оттого, наверное, мышцы Мишкиных икр окрепли. Правда, в театре, который так и звали — королёвским, музыкальных спектаклей было не так много, платили массовке гроши, а содержать шалопутного Мишку было некому: мать ушла в мир иной вслед за отцом одиннадцать лет назад, — подкармливала и помогала растить Мишку младшая сестра Стефаниды, живущая в своём доме на Садовой улице, некрасивая и очень добрая Олимпиада Акинфиевна, которую Мишка прозвал тёткой Лебёдкой. Она и упросила дядю Антония пристроить способного паренька работать на телеграф, поскольку читал и писал он бойко, разбирался в технике и покорила протоиерея тем, что легко исправил его телефонный аппарат. В Томске уже действовала телефонная линия — и протоиерею Антонию, правда, не как духовному, а как частному лицу телефон провели. Стояли аппараты в городской управе, в университете, в библиотеках. Сеть обслуживала почти пятьсот абонентов, в том числе Алексея Ивановича Макушина, бывшего городским головой. Делал Макушин много полезного: заработал городской водопровод, стали активно мостить улицы, появились новые больницы и начальные школы... А городская интеллигенция уважала его старшего брата, в 1873 году открывшего на любимой горожанами набережной реки Ушайки первый в Сибири книжный магазин. За два десятилетия продавал, как в городах Сибири, так и в сельских книжных

лавках, несколько миллионов книг, затем учредил он в Томской губернии Общество содействия устройству бесплатных библиотек. Как раз у него в типографии и книжном магазине появились первые телефонные аппараты.

А вот епископа Макария, от личного телефона отказавшегося, демократически настроенная интеллигенция не жаловала, несмотря на его огромную заботу о народном образовании. Даже то, что епископ создал в Томске детские ясли, куда тут же определила старшего мальчика Шурочка, не прибавило ему лестных отзывов со стороны «прогрессивных сил». Сильно раздражал основанный епископом Дом трудолюбия при Иоанно-Предтеченском женском монастыре со своей типографией. Духовная литература всё чаще подвергалась даже в местной либеральной печати атеистической критике. Диев с детства верил в Бога и считал старого епископа почти святым, однако, опасавшийся насмешек Шурочки, выказывал такие консервативные, с её точки зрения, мысли только в доме дяди-протоиерея. Тот кивал и сетовал на утрату в обществе веры...

Мишка прибавил себе год — и уже третий месяц работал на телеграфе, следил за технической исправностью линии, причём использовал место службы и для помощи местной РСДРП — распространения прокламаций и запрещённой литературы, — совсем не беспокоясь о том, как бы отразилась его активность, попадись он полиции, на репутации уважаемого в городе протоиерея. До нелепого случая с извозчиком всё у Мишки получалось ловко. Он обладал одной чертой, удивлявшей Диева: стоило им вместе выйти из дома, Мишка мгновенно растворялся на улице, точно Мишки рядом с Диевым и не было. Ну, чисто как наш кот, говорил Диев Шурочке, оглянувшись, а твоего брата и след простыл. Слова мужа Шурочка передала брату, и тот, без лишних раздумий, придумал себе псевдоним — Котов.

Поражали Диева и другие особенности Мишки: его обострённое чутьё и буквально телеграфная способность быстро выуживать любую информацию. Вот и сейчас, примчавшись в семейный дом сестры, он осуждающе сказал не оправившемуся от потрясения Диеву: «Напились и всё завалили».

— Уже слухи идут по городу? — испугался Диев. — Извозчик болтает?

— Извозчик — дурак и мерзавец, но узнал я от Лебедева: у него внедрён к жандармам свой человек. Хоть меня не сдали, и на том спасибо.

— А что меня ждёт?

— Что-то, — сказал Мишка сердито. — Ничего хорошего.

Видно было, что он осуждает за провал Диева и совершенно не винит себя.

Глава вторая. Роковая торговка

Июнь 1905 года. Новониколаевск

Давно замечено, проверено и доказано: лучшие связные, самые незаметные и непотопляемые, обычно женщины или старушки, торгующие на улицах — кто пирожками, кто вязаными детскими шапочками и носочками.

Один прохожий остановится, приценится и что-то купит: всё подешевле, чем в лавке, другой купит из жалости — стоят, бедные, на ветру и на холоде,

не зная отдыха, пока весь товар не распродадут. А равнодушный пешеход — пробежит, на них не оглянется. Порой пройдёт мимо стражник порядка, женщина ему улыбнётся, и он, невольно подумав о ждущей его дома супруге и тарелке наваристого борща, потеплеет душой. А на старушку глянет — мать свою вспомнит, в глубине его безыскусных мыслей тень детства мелькнёт: кружка молока, вкусные булочки с изюмом... Как напомнившую о сокровенном и родном заподозрить в чём-то предосудительном?

Так никто и не догадывался, что черноволосая женщина приятной наружности, полноватая, уютная и улыбчивая, торгующая на привокзальном перроне станции Обь собственными пирожками и жареной курятиной, — связная сибирского кружка РСДРП, передающая нелегальную литературу. Для этого на площади около вокзальной церкви поставили палатку, в которой один из подпольщиков, имевший прозвище Купец, продавал хлеб и квас: под ящиком с хлебом прятался от полиции вкопанный в землю ящик с запрещённой литературой. Секретный ящик заполнял сам Купец: брошюры и прокламации брал у немолодого, усталого вида фельдшера станции Обь. Откуда поступала литература фельдшеру, продавец кваса не знал. И даже предположения у него не возникало, что кроме невидимых им поставщиков незаметно передаёт нелегальщину медику ещё и улыбчивая торговка пирожками, сама иногда в жару покупающая квас. В Новониколаевском кружке РСДРП, назвавшемся Обской группой, состояло больше ста человек, разбитых на «восьмёрки-десятки», пересекающиеся только благодаря связным. Двое связных были знакомы, а третьего могли уже и не знать. Такая конспирация предохраняла при арестах, которые случались.

В Новониколаевск привокзальная торговка переехала из Томска два месяца назад. На имевшиеся небольшие средства то ли сняла, то ли выкупила квартиру в старом двухэтажном доме купеческого типа: низ каменный — верх деревянный. Денег ей ждать было неоткуда, а кушать просили две девочки и мальчик, муж у торговли отсутствовал — вот и пришлось крутиться, придумывая, как прокормиться самой и прокормить малышей.

Была в её полноватой фигуре и какой-то неожиданной улыбке необъяснимая женская притягательность, заставляющая суровых молодых мужчин, зайдя по рекомендации проверенного партийца в дом на Переселенческой улице, желать остаться в нём хотя бы в качестве жильца. Затягивала, конечно, не темноватая квартира, полная скрипучей мебели, а загадочный взгляд молодой хозяйки, манила и высокая грудь. В некоторых «десятках» никто хозяйку, сдающую углы, ни разу не видел, но слух о её женской силе прошёл и там, за глаза её сразу прозвали Роковой Торговкой. Поговаривали, что из-за страсти к ней погиб то ли офицер, то ли чиновник.

День был жаркий, душный, потому охлаждённый в бочке со льдом квас раскупили быстро, а вот пирожки в кастрюльке, обёрнутой белым полотенцем для сохранения тепла, оставались: горячего в жару не сильно хочется. Молодой мужчина в тёмных брюках и косоворотке под несколько помятым пиджаком, покупая пирожки, шепнул:

Анастасия Каменская

Звери, которые лучше, чем люди

* * *

Зверю для счастья немного надо:
воздух и воля, еда и вода.
Звери не знают ни рая, ни ада,
и потому не грешат никогда.

Звери наносят урон урожаю,
но забирают лишь то, что съедят.
Вот почему я зверей уважаю
и не считаю, что звери вредят.

Звери судьбою своею довольны
и ничего не желают менять.
Люди придумали деньги и войны.
Зверю придумок людских не понять.

Все мы умрём. И с мольбою о чуде
будем толпиться у райских дверей —
звери, которые лучше, чем люди,
люди, которые хуже зверей.

* * *

Что бы мы ни говорили —
нас другой поймёт едва.
Что бы мы ни говорили —
всё слова, слова, слова...
Прозвучавшие впервые,
извлечённые из книг...
Даже самые живые,
Даже лучшие из них

не спасают, не решают
ничего, в конце концов,
но как будто воскрешают
дорогих нам мертвецов,
но как будто обещают
утопический уют
мира, где врагов прощают
и друзей не предают.

Каменская Анастасия Евгеньевна — родилась в 1988 году в г. Калинин. Окончила два факультета Тверского государственного университета: в 2004 году — филологический, в 2018 году — культурологический. Куратор социокультурных проектов; занимается реабилитацией и реинтродукцией диких птиц. Автор двух сборников стихов: «Глобус» (Тверь, 2011) и «Живые существа» (Тверь, 2024). Участница Форума АСПИР «Липки» им.С.А.Филатова (2024). Живёт в Твери. В журнале «Дружба народов» печатается впервые.

* * *

Святой Франциск был тощ, как хвощ,
он жил то тут, то там.
Святой Франциск был тих, как дождь,
шуршащий по листьям.

И щедр, как лес, что всем вокруг
Чертоги распростёр,
как старший брат, и лучший друг,
и зооволонтёр.

Горяч, как внутренность Земли,
и чист, и потому
животные и птицы шли,
с огромным интересом шли,
и шли, и шли, и шли, и шли
на проповедь к нему.

Слетались галки с дальних крыш,
скворцы бежали вскачь.
И самый добрый слушал — стриж.
И самый умный — грач.

* * *

Из насекомых состоящий,
огромный, будто настоящий,
над ночью слышится окрест
филармонический оркестр.

В оркестре главное — цикады.
Бог ведь как эти музыканты
звучат и выглядят, но здесь
наверняка цикады есть.

А иногда услышать можно,
как прорывается тревожно
всему оркестру поперёк
не то птенец, не то зверёк.

И так отчаянно свистит он,
как будто движим не инстинктом
врождённым, а совсем иной
печальной силой неземной.

Как будто ангел беспокойный
трубит над спящей колокольней
и песню вечную свою
поёт в потерянном раю.

Как будто наголо обритый,
солдатик плачет перед битвой,
вдруг осознав, что жизнь одна
и утром кончится она.

* * *

Собака знает, что она — собака.
Ей скажешь: «Эй, собака!» — И она
с готовностью кивает: «Я собака!»
Не то что кот, чьё дело сторона.

Она живёт старательной и строгой,
пасёт отару, караулит дом,
следит за огородом и дорогой,
виляет жизнерадостным хвостом.

Она живёт с людьми, очеловечась,
чтоб каждую минуту день-деньской
делить свою коротенькую вечность
с довольно длинной вечностью людской.

Она живёт, не ведая, однако,
того, что люди знают наперёд, —
что в доме будет новая собака,
старательная новая собака,
когда собака старая умрёт.

* * *

Годы идут привычным чередом...
Но что-то вдруг проснётся в человеке —
и человек спешит в далёкий дом,
казалось бы, покинутый навеки.

Забывтый мир прошепчет: «Приходи,
я так давно не виделся с тобою».
Забывтый мир пульсирует в груди
невывразимой нежностью и болью.

И вот я здесь. И ясно мне теперь,
что сердце — это старый дом, в котором
бесчисленные отзвуки потерь
разносятся по гулким коридорам.

* * *

Сквозь дождевую череду,
стирая копоть лет с лица,
я всё иду, иду, иду
на замыкание кольца.

Терявшийся в чужих мирах,
в конце концов, мой путь прямой:
я прах и возвращаюсь в прах.
Я тороплюсь домой.

* * *

То мягкие, то резкие
шаги слышны во мгле.
Там звери ходят редкие —
их мало на Земле.

Их люди в книгу Красную
однажды занесли
как дивную, прекрасную
особенность Земли.

Но звери те не ведают
о статусе своём
и равноправно бегают
с любым другим зверьём.

Но звери те неграмотны,
и не читают книг,
и вымрут все, как мамонты,
когда-нибудь. А их
перенесут учёные
из Красной книги — в Чёрную.

* * *

Библиотека. Полутьма.
Фонарь качается в руке.
На полках пыльные тома
стоят, как тёплые дома,
в забытом Богом городке.

И процветает мир словес.
И город не остыл пока.
Но снег уже летит с небес,
как штукатурка с потолка.

Иван Гобзев

Компульсии

Рассказ

Это началось ещё в детстве, когда ему казалось, что он во что-то наступил. Тогда ему нужно было остановиться и проверить, по очереди подняв ноги и вывернув голову, нет ли чего на подошве. На подошве всякий раз ничего не было. Это утомляло, и он старался смотреть на дорогу более внимательно, чтобы точно знать, что там ничего нет и он ни на что не наступит. Но это не помогало: ему казалось, что он на мгновение отвлёкся и успел во что-то вступить! И ему снова приходилось останавливаться, выворачивать шею и задирать подошву, на которой, конечно, ничего не было. Испытав временное облегчение, он шёл дальше, но недолго.

Было ещё кое-что: время от времени он должен был особым образом моргать определённое количество раз. Он и сам не знал, какое именно, никакой чёткой закономерности не было. Внутренний голос подсказывал, когда он моргнул сколько нужно раз, — правда, не сразу, а после нескольких ошибок. Тогда он мог на некоторое время расслабиться, но вскоре моргать приходилось снова.

Та же история повторялась с губами, которые он вынужден был сжимать, разжимать и втягивать, как будто без конца что-то жуёт, пока они не начинали болеть и шелушиться от возникшего раздражения, но и тогда он не мог остановиться.

И было ещё много чего, что превращало каждый детский день его в мучительную борьбу с какой-то непостижимой необходимостью.

Зачем он всё это делает, он не знал. Никаких навязчивых мыслей у него не было, он просто вдруг в некоторый момент испытывал потребность совершать ту или иную последовательность действий. Психиатры, которым его показывали,

---

Гобзев Иван Александрович родился в 1978 году в Москве. Учился в МГУ на философском факультете, там же защитил кандидатскую диссертацию по философии. Печатался в журналах «Нева», «Урал», «Волга» и других. Автор нескольких романов, повестей и десятков рассказов. Живёт в Подмосковье.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2017, № 10.

тоже не обнаружили у него навязчивых мыслей, как они их называли — обсессий, — которые бы дали объяснение, зачем он всё это делает. Но констатировали навязчивое поведение, которое они обозначали как «компульсии». Была предложена психотерапия с медикаментозным лечением, но родители отказались. Они не хотели, чтобы их ребёнок пил психотропные препараты, им казалось, что это может ему повредить, тем более, по их мнению, он был совершенно нормальным, если не считать этих маленьких причуд, которые, скорее всего, пройдут с возрастом. Ребёнок и правда был нормальный, и даже в чём-то способнее других, и в самом деле с возрастом некоторые из компульсий исчезли. Он перестал ежеминутно задира́ть ноги, на счёт жмурить глаза и мять губы — это ушло само собой. И он был этому очень рад, хорошо помня о страданиях, которые вынужден был терпеть, потому что никто не мог ему помочь, даже мама.

И вот, самые мучительные навязчивости оставили его. Но пришли другие.

* * *

— Вася, ты скоро? — это звонила его девушка. Она с их общими друзьями ждала внизу — собирались ехать на пикник на озеро.

— Одну минуту! — ответил он. — Забыл кое-что, выхожу!

Он убрал телефон в карман. Потом достал и убрал опять, но в этот раз не опустил до конца в карман и не отпустил, а, придерживая тремя пальцами, двинул вниз, потом вверх и только потом задвинул в карман окончательно. Подумав секунду, дважды коснулся того места на джинсах, где теперь был телефон.

Удовлетворённый, он прошёл на кухню. Плита была выключена. Он посмотрел на неё раз, потом, отвернувшись на мгновение, ещё раз.

Свет тоже был везде выключен. На всякий случай он несколько раз особым образом прикоснулся к выключателю, который показался ему подозрительным. Сделав это, он направился к выходу. Но на этот раз почувствовал, что не удовлетворён. Что именно было не так и почему — он не знал, просто чувствовал, что что-то не так.

— Зачем я это делаю? — пробормотал он, возвращаясь к выключателю.

Ответа не было. Он совершенно не понимал зачем, не понимал, почему делает именно так и столько. Просто как будто внутренний голос диктовал ему, что и как надо. Коснись два, пять, потом семь! Двумя пальцами, на третьем заходе подключи третий! Потом ещё девять, затем один и шесть. Свободен! Нет, ещё один!

При этом у него никогда не было уверенности, что он сделал всё правильно. Не было такой уверенности и у внутреннего голоса — они оба не знали, столько ли и так ли или нужно ещё.

«А что, если вообще не сделаю? — подумал он. — Что будет? Если не стану ничего этого делать?!»

Он знал, что ничего не изменится, но какое-то смутное суеверное ощущение необходимости заставляло его продолжать.

Разобравшись с выключателем, он вернулся в прихожую и открыл дверь. Здесь его ждали манипуляции с дверной ручкой со стороны квартиры, а потом и снаружи. Затем требовалось разобраться с ключом в замочной скважине, ну а после правильным образом убрать его в карман.

Но тут опять зазвонил телефон.

— Ну зачем она это делает, — простонал он, — только всё усложняет!

Да, теперь предстояли заново процедуры с телефоном. Он достал его, дважды быстро подкинул так, чтобы в полёте он не касался пальцев, и ответил:

— Я уже выхожу!

— Вась, ну сколько можно ждать?! Неудобно же перед людьми...

— Сейчас-сейчас, я бегу, ключ заклинило!

Ему было неприятно, что пришлось солгать.

— Это просто меня заклинило и никак не расклинит, — сказал он, убирая-доставая, убирая-доставая, убирая-доставая телефон.

* * *

После пикника состоялся неприятный разговор.

— Вась, ты понимаешь, что за твоей спиной тебя обсуждают?

— В смысле? — он сделал вид, что не понимает.

— В прямом. Думаешь, эти твои штуки никто не замечает?

— Какие штуки? Ты о чём? — покраснел он.

— Ох, Вася... Со мной-то ты можешь говорить честно?

Он покраснел ещё сильнее.

— Егор сказал, что у тебя всегда это было, ещё со школы.

— А, ну да... А что они говорили?

— Ну, смеялись, спрашивали, каково мне с тобой.

— И каково?

— Да непросто, Вась! Ты вот когда целуешь меня, например, что делаешь?

— Что?

— Это я спрашиваю, — что?! Поцелуешь, а потом ещё несколько раз губами ткнёшь. Обнимаешь, так потом догонишь и ещё обнимешь, и всё как-то формально, как будто считаешь про себя — сколько!

Василий вздохнул.

— Вася, может, к врачу надо сходить? К психиатру? Я не считаю тебя ненормальным. Просто помочь хочу.

— Да водили уже в детстве!

— И что?

— Ничего! Сказали, что всё в порядке, бывает...

— Ну и что дальше-то? Ты можешь перестать делать все эти твои штуки?

Василий опять вздохнул.

И снова вздохнул. И несколько раз повторил — коротко, коротко и длинно. Нет, — почувствовал он, — неправильно, надо иначе. И он вздохнул уже по-другому — протяжно, затем коротко-коротко, и выдохнул носом.

— Вась, что сейчас было?!

— В смысле?

— Ну вот это вот, сейчас? Это то самое?

Василий хотел опять вздохнуть, но удержался. Вместо этого он несколько раз беззвучно щёлкнул пальцами — два, три и один — так, чтобы она не заметила.

Он крикнул, чтобы снять напряжение, повисшее между ними. Это было напрасно, пришлось крикнуть ещё два раза с разной тональностью.

— Вась, — сказала она, — у тебя это начинается, когда ты волнуешься?

Он подумал несколько секунд и постарался ответить честно:

— Иногда и без волнения. Но вообще да, чаще когда переживаю о чём-то...

— О чём?

— Сложно объяснить! О будущем, что ли...

— Ну а сейчас ты чего переживаешь?

— Боюсь тебя потерять! Что ты уйдёшь от меня из-за того, что я делаю эти штуки.

Она улыбнулась. Это было неожиданно и приятно — узнать, что она так важна для него.

— Может, тебе стоит попробовать перестать? Ты пытался когда-нибудь?

— Нет...

— Ну, может, давай попытаемся? Ничего страшного не случится, если ты перестанешь! Или ты боишься, что наступит конец света? Знаешь, ты типа как маг, который постоянно колдует, чтобы защитить мир от зла?!

Она засмеялась, он тоже. Ему понравился этот её взрослый добрый взгляд, так когда-то смотрела на него мама.

— Хорошо, я попробую! — неуверенно сказал он.

— Обещаешь?

— Обещаю!

И Василию вдруг стало легко и ясно на душе — он почувствовал, что и в самом деле может избавиться от этих мучений! Он просто больше не будет, вот и всё! Вот и всё!!!

* * *

Василий перестал. Это оказалось не так уж и сложно. Возможно, причина успеха заключалась в том, что у него и не было особенно сильных навязчивых мыслей, этих самых obsessions, которые обычно приводят к компульсиям. Он делал все эти бессмысленные телодвижения просто так, без явной причины, если не считать тревоги о будущем. А раз не было причины, то можно от них и отказаться без особых усилий. Правда, в моменты волнения, во время событий, которые вызывали у него беспокойство, он чувствовал, что ему опять нужно совершить свои манипуляции. Но он научился себя останавливать. Тут ему помог приём, который он придумал сам. Он заключался в том, что нужно блокировать нежелательные мысли. То есть, едва возникало чувство, что он должен начать эти действия, он немедленно пресекал его, не дав сформироваться в отчётливое намерение и конкретную мысль. Он обрубал это чувство в зародыше, ещё до того, как оно пустило росток.

Игорь Малышев

Признак чего-то верного

Рассказы

История о трёх пионерских галстуках

Когда она уезжала, мы обменялись галстуками. Пионерскими, ярко-алыми, из тонкой, такой приятной на ощупь, когда пропускаешь её меж пальцев, ткани. Пообещали писать друг другу, а потом обменялись галстуками. Нам было по тринадцать лет, мы даже не целовались. Тогда это было не принято. Мы часто держались за руки, на «огоньке» по случаю Нового года танцевали под медляки скорпов, и всё. Тогда жили так.

Её отца перевели служить в Кушку, самую Южную точку Советского Союза. Горы, Туркмения, ещё немного и — Афганистан.

Она прислала мне свою фотографию на фоне гор. Рядом стоял её отец, майор разведбата. Под его рукой она казалась куклой, таким огромным он выглядел.

Я научился гладить одежду потому, что она подарила мне свой галстук. Я гладил его каждое утро перед школой и любил повязывать на шею тёплым. Мне казалось, я чувствую тепло её ладони.

Эта тварь из седьмого класса меня всегда ненавидела. По крайней мере, мне так казалось. Я даже не знал его имени. Звал просто «тварь из седьмого бэ». Не вслух, про себя, конечно.

Однажды он поймал меня и шестиклассника из «а» и связал концы наших галстуков. В школе была такая шутка. Случалась редко, и пользовались ею только самые беспримерные гады, какой и была «тварь из седьмого бэ».

Малышев Игорь Александрович — прозаик, драматург, поэт. Родился в 1972 году в Приморском крае. Получил высшее техническое образование. Печатался в журналах «Новый мир», «Нева» и «Дружба народов». Автор восьми книг прозы и нескольких пьес. Финалист ряда литературных премий. Живёт в Ногинске Московской области.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2024, № 6.

Он связал нас, каждого на голову ниже него, концами галстуков и затянул их крепко, как только мог. Лицо его при этом, узкое, с провалами на щеках, покраснело от усилия. Я никогда не был мстительным, не отомстил бы и на этот раз. Но он, чтобы сделать максимально неразрешимой нашу задачу, плюнул на узел, растёр слюну и плюнул ещё раз. Потом снова потянул за концы галстуков. Мы знали, что мокрый узел развязать куда труднее.

Он плюнул на её галстук, плюнул в неё.

— Не жить тебе, сказал я, глядя на него с такой ненавистью, которая должна была бы испепелить его.

— Чё сказал? — он взмахнул рукой, обозначая удар.

Я отшатнулся, он, довольный эффектом, засмеялся и пошёл по коридору, ведущему от спортзала в основное здание.

Мы с шестиклассником из «а» долго дули на узел, высушивая его, потом, чуть не сломав ногти, развязали. Всё это время мы прятались под лестницей на первом этаже, замирая от каждого звука шагов.

Я спрятал искорёженный и всё ещё чуть влажный конец галстука за отворотом пиджака школьной формы.

Дома я постирал алую ткань и выгладил так, что не осталось ни складочки.

Потом написал ей письмо, где впервые назвал своей Прекрасной Дамой. Я только что прочёл «Дон Кихота», и понятие «Прекрасной Дамы», далёкой, недостижимой, самой лучшей из всех, навсегда врезалось в детское сознание.

Я узнал его имя и написал записку: «Миша, ты мне давно нравишься. Приходи завтра в 3 к 19 гаражу возле школы».

Он пришёл. Я ждал его на крыше гаража. В руках и карманах моих было килограммов пять камней. Он остановился у девятнадцатого гаража, осмотрелся, поглядел на часы.

Подмораживало.

Я всегда хорошо кидался камнями. Первые три прилетели ему прямо в голову. Шапка-петушок смягчила удары, но, уверен, было очень больно. Он побежал меж гаражными рядами. Я бежал за ним по крышам и швырял камнями, метя в голову. Цели достигал, наверно, каждый второй. Он как-то очень по-девчоночьи вскрикивал. Девятнадцатый — находится ровно посередине гаражных рядов, и бежать что в одну, что в другую сторону было довольно далеко. Я кидал камни, он по-девчоночьи орал. Потом, после особенно удачного попадания он вскрикнул совсем уж отчаянно и упал на укатанный снег.

— Тварь из седьмого бэ, я достал тебя, — закричал я.

Я свесился с крыши гаража, спрыгнул вниз. «Тварь» Миша лежал не двигаясь. Мне стало страшно.

«Убил?» — подумал я.

Я повернул неподвижное тело и увидел, что изо рта его вырываются струйки пара.

В вечерющем свете неба галстук на его шее смотрелся особенно ярко. Незаслуженно ало и ярко.

Я развязал его галстук, вытянул из-под воротника рубашки. Тварь, похоже, ещё не был дома и не успел переодеться после школы.

Я спрятал галстук в карман, и тут Тварь открыл глаза.
— Тихо! — я на мгновение и сам испугался. — Тихо!
Страх в его глазах успокоил меня.
— Рот открой, — приказал я, сам не зная зачем.
Он открыл. Покорно, будто всегда любил подчиняться.
Я достал из кармана горсть камней и начал вкладывать их в щель меж рядами зубов.
— Это я забираю себе, — сказал я, вставая с него и показывая ему пионерский галстук.
Я уходил, а он с полным ртом камней наблюдал за мной.
Я до сих пор храню оба пионерских галстука — и её, и его. Но их владельцев с тех пор не видел.

Это всё луна...

— Хочешь стать моим мужем? — спросила Наташка.
Мне было шесть, я не был уверен, что готов к такому решительному шагу.
— Что молчишь? Боишься, мама не разрешит? — насмешливо сказала она.
Это был удар, что называется, ниже пояса. Наташка старше на два года и немного выше ростом, поэтому не упускала случая дать мне понять, что я младше неё.
— Нет, — ответил я. — Мама тут ни при чём. Захочу, и женюсь.
— Так в чём дело?
— Детей не женят. В смысле, в загсе не расписывают.
Я уже успел побывать на двух свадьбах и потому более-менее представлял себе процедуру. По крайней мере, официальную её часть.
— А мы не пойдём в загс.
— То есть как?
— Ты станешь моим мужем перед луной и звёздами.
Наташка достала из кармана платья тонкую потрёпанную книжицу «Обычаи и обряды апачей».
— Так ты же не апач... апачка, — заметил я, глядя на тотемный столб, состоящий из поставленных друг на друга рож разной степени страхолюдства.
По бокам от столба стояли мужчина и женщина с перьями в волосах.
— Скажи лучше, что маму боишься.
Она вечно ловила меня на этот крючок, и я ничего не мог с этим поделать.
— Говори, что надо?
— Я посмотрела по численнику, через три дня будет полнолуние.
Через три дня мы развели на краю лога небольшой костерок, и когда взошла луна, Наташка приказала:
— Снимай рубашку.
Я покорно подчинился.

Андрей Грицман

На пушкинских снегах

* * *

Всё пустеют места за накрытым столом.
Кто пропал, а кто не доехал.
Остаемся порой то втроём, то вдвоём,
то один я сижу, словно веха.

Телефонную книгу смотрю — кто ещё
леденеющим настом подъедет?
Чья-то книга забыта под старым плащом.
Плащ — фигура в темнеющем свете.

То ли Саша не может дорогу найти.
То ли Лёша хромает из Квинса.
Так и жили навстречу мы, словно в пути.
Отражённые в памяти лица.

Освежимся мы тем же «казённым вином».
«Лист смородины груб и матерчат».
Неизвестно, что ждёт за наружной стеной.
Но там есть незаметная дверца.

Грицман Андрей — поэт, эссеист, переводчик. Родился в 1947 году в Москве. Окончил 1-й Московский Медицинский институт им. И.М.Сеченова. Кандидат медицинских наук. С 1981 года живёт в США, работает врачом. В 1998 году окончил литературный факультет Университета Вермонта со степенью магистра искусств по литературе. Пишет по-русски и по-английски, публикуется в России с середины девяностых. Автор многих сборников стихов и книг эссе. Главный редактор международного литературного журнала «Интерпоэзия». Основатель Международного клуба поэзии в Нью-Йорке. Живёт в Нью-Йорке.

* * *

Всё тот же поворот, и дом, и дым.
Горит камин, ноябрь, наверно,
в гостиной у огня сидят они, как мы,
в той жизни, позапрошлой и неверной.

Всё это ожерелье городков,
душою облучённых поселений,
скользит под мглистый памяти покров
за поворот, и легче по осенней

листве скользить навстречу той судьбе,
где я один. За окнами всё немо.
Я говорю теперь не о тебе,
но о тепле потерянного дома.

* * *

Мало осталось от времени этого.
Инициалы только остались.
С кем я тогда продолжаю беседовать?
Будто того, что было — мне мало.

Кто же теперь мне станет советовать?
Кто у ворот со свёртком догонит?
Словно иду я по стылому следу,
И уж давно отстала погоня.

И уж давно помело-отметелило.
Лишь бы остались инициалы.
Да на доске начертано мелом:
Сахар в моче, натрий и калий.

Известь в крови, да эхо далёкое
На неизвестном наречии слышится.
Может, уехать, но тоже морока
Переворачивать снова страницу.

Входы и выходы заколочены.
Брезжит мираж аэропорта.
Визы проставлены, но просрочены,
Да и заполнена бывшая квота.

Так и живу я инициалами.
Но неизвестно заветное имя.
Так и записано алым по алому.
Облако плавает синее в белом.

* * *

Услышав голос тихий и глухой,
остановлюсь с протянутой рукой,
сжимая прошлогоднюю газету.
Снег падает по направлению к лету
и замирает где-то за рекой.

Гудок оттуда хриплый и глухой
всё тянется без эха, без ответа.
Я в сумерках ищу источник света
за городской невидимой чертой,
давно уже от стаи той отсталый.
Слетает незаметно снег усталый.

Его ловлю я ртом, и, застегнув пальто,
гляжу в незамерзающие лужи,
гордясь лишь мне заметной красотой,
и радуюсь: могло то быть и хуже.

И странно, что оставлена была
за рубежом осеннего стекла
рукой рассеянной
полоска этой суши.

* * *

Подземные реки текут неслышно.
Не слышно слов по глухим долинам.
Там нету *вместе* и нету *между*.
Неразличимо витает имя.

В подземных рощах уснули птицы.
Остатки пепла доносит ветер.
Зарница жизни тревожит лица,
И смысл в глазницах спокойно светел.

Но нету смысла в теченьи речи,
В земной коре головного мозга.
В такое время и речь не лечит,
Когда со смыслов сошла короста.

А там, снаружи, шумит собрание,
Как переключка гортанных скважин.
И всё яснее на расстояньи,
Что шум собрания уже не важен.

Возможно лишь замереть на время,
Послушать гул огласовок в недрах.
Неразличимо витает имя.
И не увидеть знаменитой Федры.

* * *

И снова я ушёл в родную речь:
Сыр, Хлеб, Оргтехника,
Кинотеатр «Керчь».
Туда, где жизнь свернулась на краю,
там, где конечная,
где я тебя люблю.
Где я стою на ветреном углу
с брюнеткой ветреной,
товароведом Женей,
что ведаёт неведомым товаром,
с романом Шелдона.
Короче говоря, другая эра.
Странные картины
застыли в павильонах февраля.
Чужие имена, дойдя до половины,
вдруг замерзают.
Гулкая земля звенит.
И ржавая имперская заря
трепещет вымпелом
над очередью длинной.
Но сделай шаг,
и наполняет грудь
гарь честности на пушкинских снегах,
что светятся по далям околотка,
и пригородный лес рисунком лёгким
плывёт в окне автобусной зимы.
Грохочет дверь. Закончена посадка,
и глухнувшие близких голоса
едва ли различимы, далеки.
Родная речь из тьмы, и тьмы, и тьмы
за слюдяным стеклом в утробно-донном льду,
где тщетное тепло моей руки
уже не оставляет отпечатка.

Саша Темлейн

Звёзды на крыше

Повесть

Продаётся совесть!

Летом — мы ездили в деревню.

Десять лет подряд.

На дачу к тётке Гале. Вернее, это была не дача, а деревенский дом. И двадцать пять соток земли. Учítывая, что наша личная дача стояла на пяти сотках, участок поражал. Половина этих соток была совершенно неприкаанной. Она зарастала травой, и дядя Витя периодически косил.

Сначала настоящей, кондовой косой. И меня научил, кстати. Есть в этом что-то клёвое. Коса ходит легко, главное — приноровиться. Шшух! И летит зелёная трава. А лезвие так блестит на солнце. Крепкое, засаленное древко — в ладонях. Опасный и даже чем-то страшный инструмент. Были случаи, когда люди отрубали себе ноги. Зевать нельзя. И ты чувствуешь себя каким-то косарём из времён князя Гедымина.

Потом появились триммеры, и мы косили ими. Легче, конечно. Но — шум! Жужжит, как сто божьих коровок. И ощущения — не те. Как писал Евгений Гришковец: «Я в работе как-то не мог почувствовать процесс. Я исполнил набор действий, который, конечно, вёл к какому-то результату, ну, как минимум к денежному вознаграждению. Но в этих действиях для меня не было жизни. Я чувствовал только тоску»¹.

Как я любил Дудичи!

Они были какие-то свои, родные, настоящие. Не то что наша дача. Чтобы попасть на неё, надо было вставать в пять утра. Ехать на рейсовом

Саша Темлейн (Александр Змушко) — белорусский писатель. Родился в 1981 году. Окончил Белорусский государственный университет — биологический факультет по специальности «биотехнология». Работает научным сотрудником отдела биотехнологии РУП «Институт плодоводства» Республики Беларусь. Живёт в Минске. В «Дружбе народов» публикуется впервые.

¹ Евгений Гришковец. «Михавыч...».

автобусе. Два часа трястись по дороге, стоя с баулами. Потому что места надо было уступать бабкам. Бабок было слишком много на погонный метр. Наконец, автобус, погромыхая, прибывал на конечную. Здесь нужно подхватить сумки — и ещё с километр идти пешком через лес.

Как любить после этого дачу? Небольшой домик на пяти сотках.

Домики теснились, налезая друг на друга, как люди в очереди за мандаринами перед Новым годом. Рядом дорога. От неё постоянно столбом шла пыль. Лес, конечно. Но ни речки, ни озера. Нет, всё не так ужасно. Но и радости большой наша дача не приносила.

Хотя было два момента.

Приятных.

Мы обшили домик изнутри листами ДСП.

Отец говорит:

— Рисуй что хочешь! Всё равно потом обоями заклеивать.

И я — нарисовал!

Огромное панно.

С динозаврами. Там был здоровенный стегозавр с яркими пластинами-треугольниками на спине. В зарослях огромных хвощей-каламиктов. А также плаунов — сигиллярий. С густо-красными шапками на зелёных стеблях. В те древние времена плауны и хвощи были выше человеческого роста. Под ногами у стегозавра жалко стелились псилофиты и торчали пнями вельвичии. А в воздухе — парил птеродактиль.

Вся эта картина занимала три стены. Я извёл на неё несколько пачек фломастеров, перманентный маркер и карандаши. Фломастер и маркер — прекрасно рисовали на стене, карандаши — не очень.

Вышло внушительно.

Родители обалдели.

Они водили соседей — показывать.

Потом, правда, всю эту красоту заклеили обоями. Я так обиделся, что даже психанул. Взял велик — и укатил на целый день в неизвестном направлении. Чтобы родителей помучить. Этаким подростковый бунт. Не помню, чтобы ещё когда позволял себе такое. А ярко-красные филлодии сигиллярий всё равно проступили через обои. Зря клеили.

Вторая забавная история случилась на чердаке. Дом наш был двухэтажным, но второй этаж напоминал чердак. Со скошенными стенами. У меня там стояла кровать — и я мог там жить.

Если хотел.

И я вот что сделал.

Вырезал разные объявления, новости из газет, страницы из старых книг — тех, что на растопку. И наклеивал на стену. Но не просто так, а с умыслом. Получилось так:

ПРОДАЁМ

1. Совесть. На развес, килограмм — 5 рублей.
2. Волосы Вероники — спиральная галактика с перемычкой из ярких звёзд, выходящих из центра и пересекающих галактику посередине.
3. Бронтозавр — род гигантских четвероногих завроподобных динозавров. Достигает 15 тонн и 22 метров от головы до хвоста.
4. Душевные муки.
5. Снег зимой. Оптовым покупателям — скидка.

ПОКУПАЕМ

1. Уют и беззаботность.
2. Воздушные шарики с гелием.
3. Шоколад колотый.
4. Книги о приключениях.
5. Пирамиды Древнего Египта.

И так далее.

Вышло очень даже бодро. С иронией и смыслом.

Когда у нас купили дачу, покупатели нам позвонили:

— Ой, у вас тут на втором этаже такая инсталляция! А она вам нужна?

Или можно закрашивать?

Говорили восторженно, с придыханием.

А я уж и забыл о ней.

Дело о пропавшем велосипеде

Но Дудичи я любил куда больше.

Здесь было всё.

Настоящий деревенский дом — из тех, что строили когда-то без единого гвоздя. Гвозди, конечно, потом в него вбили — повесить верёвку для сушки белья и так далее. Но сами брёвна плотно сидели в вырубленных проёмах. Раньше такие дома подбивали мхом для тепла. Брёвна были тёмными, как коричневый янтарь, — от возраста. В доме было всё, что положено: сенцы, печка, спальенка.

А вокруг — поля!

И скирды, и утопающие в зелени дома. Дорожка, поросшая травой. И васильковое небо — бескрайнее. От горизонта до горизонта. И тёплый ветер. И тишина. Все разъехались. Нет наглых дачников и вечного визга пилы и дрели, стука молотка. Будто деревня заблудилась во времени. Лишь вьётся над трубой дымок. Да изредка брешет собака.

Ящерица сидит на поленнице.

Инга Кузнецова

Эффект присутствия нестоек

* * *

теперь я иволга а ты должно быть мох
но так ведь не было в начале
и в чём же заключается подвох
какие нас ветра недокачали
не пели вместе мы из хрупких гнёзд
не разрастались из упрямой споры
но всё же встретились и понеслись всерьёз
пух нежности и разговоры
как люди разных эр и внеземных
цивилизаций мы несхожи в разном
но кто-то же нас оставлял одних
на облаке над бездной безобразной
и кто-то нас столкнул и как же быть
зима отложена но первая снежинка
прекрасной и безжалостной судьбы
любовного не помнит поединка

* * *

эффект присутствия нестоек	но оказалось что талантом
круговращение земли	иным ранимый одержим
приводит к тошноте и стоик	но оказалось он не мрамор
опять валяется в пыли	а только толика тепла
ему хотелось быть атлантом	что не трагедия не драма
державшим небо среди руин	а жизнь как трещина прошла

Кузнецова Инга Анатольевна — поэт, прозаик, переводчик. Окончила факультет журналистики МГУ. Автор шести поэтических книг и трёх романов. Лауреат молодёжной премии «Триумф», премии поэтов «Московский счёт» и др. Стихи переведены на английский, французский, немецкий, польский, китайский, сербский, грузинский, киргизский, украинский и белорусский языки; проза — на английский. Постоянный автор «Дружбы народов». Живёт в Москве.

* * *

Я так много пережила, что уже не успею слов
единственных подобрать, забиваясь в один из углов
теоремы ли, комнаты,
как провалившая пробы актриса.
Рассекает меня биссектриса,
и абрис мой двухголов.

Я давно догадалась, что изучение мглы
не имеет смысла, когда на конце иглы
не смерть, а скопление ангелов,
говорящих с невнятным акцентом.
Это время не стоит ни цента,
ни свечки и ни игры.

Даже вечность — пиратская копия. И нелегал
тот, кто «жить» и «любить» однажды всерьёз проспиргал.
Стань отвагой древесных почек,
сбивчивый почерк.
Ломким хвостом строчек
не засыпать прогал.

* * *

Классический сюжет
из медленной руки
рассыпался уже,
а мы, черновики,
сходящие на нет,
засасываем свет,
как зябкие пески,
зыбучие пески.
Теря краски дней
и штукатурку лет,
стоим, особняки,
и падают в кювет
последние куски
надежды и тоски,
и каждый дом раним
среди других руин.

* * *

Земля исчезла. Из крошечной тьмы
всплывает неизвестная планета.
Похожие на нас, но всё ж не мы,
поэты ожидают интернета.
Они в мерцании странных языков
от музыки стихов не отделяли.
Они молчат, настроив телескоп,
чтоб разглядеть мельчайшие детали.
А может, микроскоп. Пока ползём
в открытом космосе, как тихоходки Бога,
межгалактический взрыхля чернозём,
они сгущаются, чтоб нас потрогать.

* * *

фонари стоят как привиденья
затаясь настороже
вывески читаю что ни день я
стёртые уже

школьников простецкие футболки
прыгают вдали
тянутся дворы как кривотолки
пьяниц на мели

ахроматы утреннего света
галок толкотня
вдруг и вправду пропадает это
без меня

чтобы ничего не исчезало
пробую смотреть
сквозь ресницы зрительного зала
полного на треть

* * *

запятые сосновых иголок
шишки точек и хворост тире
этот день удивительно долог
я читаю его во дворе

я опять удержалась на ветке
не готова в иные края
я подслушиваю над беседкой
как беседуют мошки роясь

а когда мошкара растворится
как лекарственный свет и тепло
я узнаю любимые лица
наблюдающие сквозь стекло

* * *

Честнее всех садовые молчат
о том, что всё прекрасное уходит,
и тихо лепестки роняют в чат.

А полевые тянутся к руке,
и это я их жертва на охоте.
Я возвращусь без тела, налегке.

Я думаю о куполе любви.
О клейком слове, что скрывает бездну.
Проваливайся, падай и живи.

Я думаю: как одиноки те,
кто близок так, что ближе бесполезно
и невозможно в общей пустоте.

* * *

птицы кричат так пронзительно будто
пробуют что-то сказать
каждый ребёнок как маленький будда
прячет тоску под кровать

спящий родитель идёт на работу
видимость денег берёт
и обещает моту и боту
что-то на годы вперёд

осы спешат превратиться в варенье
грустно бледнеет луна
бог огорчённый внутренним зреньем
считывается как волна

здания стёклами плоскими дышат
нежные как миражи
мир говорит подходи подходи же
что-то ещё расскажи

О. Камов

Перед финалом

Рассказы

Балкон судьбы

«Павлову, Пав-ло-ву, Паавлоовуу!» — на выдохе ору я вниз — в тёмную долину далёкого партера. Одновременно я громко хлопаю в ладоши, бесполезно бью локтем в мягкую спинку кресла, топаю пудовыми гэдээровскими ботинками Fick das Wetter по балконному паркету...

И, наконец, просыпаюсь — надо же нового воздуха заглотнуть, так и помереть недолго — вон как сердце колотится.

— Ты живой там? — интересуется спросонья жена из соседней спальни.

Разбудил всё-таки, — видно, вещал «нипадецки» из глубин памяти, обычную мою ночную бормотуху она мимо ушей пропускает.

— Живой, живой, приснилось, прости.

— Павлову какому-то, — шепчет она, шуршит одеялом, гасит лампу, медленно переворачивается на другой бок, — что же ты ему передать забыл, дурачок дёрганный?..

* * *

— Ты музыку любишь? — неожиданно спросил мой всегда весёлый друг-приятель, когда мы, распаренные после душа, вышли из тренировочного зала на зимний бульвар.

Я подумал, вспомнил «Ленин всегда живой» и «Танец маленьких лебедей» из городского ретранслятора на кухне. И промолчал.

— Вот и я то же самое. А она: «Вова, это ведь очень интересно. И неужели ты родную тётку не поддержишь? Это же не вой под гитару во дворе, а настоящее»

Автор, сочиняющий под псевдонимом О.Камов, — специалист в области прикладной и вычислительной физики, окончил МФТИ, работал в одном из московских академических институтов. Рассказы опубликованы в журналах «Знамя», «Урал», «Новый Берег», «Звезда». Постоянный автор «Дружбы народов».

Предыдущая публикация в «ДН» — 2024, № 2.

искусство — оно всем необходимо, ещё благодарить потом будешь, поверь...»
Может, сходим?

Так я стал клакером. По факту. Или клакёром, ударяйте сами. Редкое французское слово я узнал гораздо позже. А тогда просто взялся помочь товарищу, ну заодно и его тётке-солистке Павловой, которая хоть и была «заслуженная», но страстно желала стать «народной» и громко пела свои арии и дуэты на ослепительно сверкающей сцене Московского Театра Музыкальных Зрелищ в шаге от рва оркестровой ямы — «загреметь ничего не стоит», — подумал я в первый раз. И не вспоминал почти шестьдесят лет.

Теперь довольно часто просматриваю эти ночные ретроспектакли. Персоналии приходят с трудом, исключая корифеев — этих попробуй забудь — от А.Никеева до Я.Рона. Вот и тёткину фамилию помню неточно — может, она вовсе и не Павлова была, а Пашина. Или Прошина — те же три слога: Про-ши-ну! А Гугл терзать нет охоты, боюсь драйв потерять, без подсказки интересней. Даже имя не отпечаталось: Павлова — и Павлова. Ещё — тётка.

Я её вообще ни разу в жизни не встретил, исключительно из-под потолка на сцене наблюдал. Несколько раз — в сильный трофейный бинокль. Но мне не понравилось. При таком увеличении все лица неестественно напряжены. Мне она, признаться, и без оптики не особо глянулась: крупная пожилая женщина, вроде своей сестры тёти Кати, Вовкиной матери. А ведь ей тогда и сорока не исполнилось, абсолютно уверен.

А нам с приятелем — каждому по пятнадцать, может, и неполных, я — майский, а он... В общем, где-то недалеко, мы же в одной команде выступали, строго по возрасту.

Сейчас-то я бы сказал, что она выглядела как спелый розовый персик, её тугая сибирская плоть прямо-таки рвалась наружу изо всех её нелепых нарядов, презирая унылые фантазии театральных художников по костюмам на темы ихней богемы или наших богатеющих колхозов. Я в бинокль заметил, как на неё партнёры глазели, тот же А.Никеев, — будто съесть хотел. Я.Рон — он поспокойней был, поэкономней в движениях и репризах, ему немало лет наступало. Как мне сейчас, примерно. Только давно не подпрыгнуть мне невесомо и игриво, не ударить в полёте одной блестящей в лайм-лайте лакированной туплей по другой, не поцеловать, немисливо элегантно изогнувшись, протянутую ручку в белой — или чёрной? — тётка и вдов изображала — перчатке до локтя. А о том, чтобы заодно и смешно спеть, попадая в ноты: «Любовь такая — глупость большая» — с рождения не мечтал.

Хотя мы уже начинали догадываться, какая большая эта любовь. Но нравились нам совсем другие обольстительницы — наши сверстницы; у меня тоже такая имелась, молчунья с тонкой шейкой и перемазанными чернилами — от школьного усердия — пальцами на обеих руках. Даже когда обнимались-целовались-пальцы-сплетали-неразлучно, ухитрялась глядеть флегматично в сторону, будто ей вовсе не интересно. Словно ищет в потёмках кого-то, — как из радиоточки круглый день лилось. Однако моих поползновений не прерывала тем не менее.

Вовке в этом смысле намного больше повезло, его девушка в десятый перешла, оказалась прекрасным инструктором по романтике, а он по-дружески пытался передать опыт мне, но я ему ни на грамм не поверил, и очень зря, — он всю правду говорил, потом-то я оценил его откровенность. А тогда лишь тщательно руки отмывал после каждого свидания, ничего страшного.

Но несмотря на очевидные задержки в культурном развитии, звучали мы уже действительно не по-детски: два уверенных, особенно после новогодних каникул, баритона, которые скорее подходили разболтанным долговязым студентам-первоходам, восторженным поклонникам Мельпомены или одной из её более легкомысленных сестёр, а не московским школьникам-подросткам в серых форменных брюках. Вот что, думаю, определило выбор Павловой.

И мы её не подвели.

В самый первый раз трудно было, хотя приблизительные телефонные указания у нас имелись. Робели. Не могли определить подходящий момент. Наконец, поняли: пора. Тётка заканчивала эффектную арию с качелей, украшенных бумажными розами, медленно уменьшая амплитуду колебаний. Её неперекормленный юный партнёр в белом фраке заметно волновался на сцене около точки равновесия, сжимал бутафорский букет, готовился принять обожаемый по либретто нелёгкий груз. В зале — полнейшая благоговейная тишина. Друг взглянул на меня, мы до предела заполнили наши лёгкие тёплым театральным воздухом с ароматами пудры, помады, духов и прочей парфюмерии, и с последним звуком арии заорали одновременно не за страх, а за совесть: «Павлову!», и просто «уууу!», и «браво-бис!». Помню и оглушительные, как выстрелы, аплодисменты в четыре наши сильные ладони. Вовка даже от себя лично добавил традиционное стадионное: «Динамо — дави!»

И мы сделали это, подняли огромную, застенчивую зрительскую массу, раскрепостили молоденьких, ищущих большой любви девочек-девушек-женщин, сжимающих-разжимающих пальцы, сдавленные в выходных туфлях, заботливо привезённых по московской слякоти в обёртках из партийных газет. Раскопегарили всех осчастливленных опереттой дорогих наших соседей, оттаивающих потихоньку от жуткого холода прошлых лет среди сладких сказок венского леса. Нас благодарно поддержали с первых же хлопков, за всю свою некороткую жизнь я никогда больше не услышал овации близкой силы.

Не ожидавший небывалого по теплоте приёма тёткин воздыхатель в белом слегка растерялся в финальной фазе — казалось, оба солиста рухнут на пол. Но чувак упорный был — удержал и мягко приземлил.

Упал лишь букет.

Павлова подняла его, без слов прижала наверняка пыльный реквизит к лицу, а потом к груди. И получилось так безыскусно, так трогательно, что до окончания спектакля аплодисменты вспыхивали непрерывно и без нашей помощи. А я, может, впервые увидел, как мелкая деталь внезапно освещает волшебным сиянием всю картину — вот и Моне Лизе не понадобилось улыбаться в тридцать два зуба, чтобы свести с ума мир.

И ещё отметил скромную пожилую пару рядом с нами: с первых наших криков старички мгновенно снялись с мест и стали протискиваться с извинениями

к незанятым креслам на самой верхотуре. «Ну да, некоторым шум не нравится, некоторых он раздражает. А вы спросите большинство простых людей — им так интереснее?» — думал я, окрылённый первым успехом. Что ж, демагогией классового подхода я к тому времени достаточно овладел, основы-то ещё при Сталине в ребёнка закладывали.

На следующей разминке в спортзале Вовка меня удивил: тётка звонила с восторгами, благодарностями и воздушными поцелуями. Умоляла продолжить. Деньги предлагала. Но он послал её с её деньгами. Я понял: что-то его зацепило.

А вот насчёт себя такой уверенности не было. Колебался — как Павлова на качелях. Но не поддержать друга не мог, он бы там один никогда не справился.

Короче, мы начали ходить в Театр почти каждый день — как на работу, даже вечерние тренировки приходилось пропускать. Неподкупные билетёры признавали нас без бумажки администратора и сами усаживали на свободные места на балконе, редко и пониже — по возможности, говорили: «Ааа, павловские пришли. — И добавляли со смешком: — Шебутные вы ребята».

Наш строгий тренер сразу стойку на ушах сделал, подумал: либо запили, либо закурили — другими словами, отбились от рук. Он сугубо практического склада ума был человек, многое на свете повидал — понимал, как важно контролировать жизнь подопечных в пубертате. Слава богу, о колёсах или баянах в те благословенные годы в Москве обычные люди и слыхом не слыхали, а то бы нам от него так просто не отделаться.

Сказать по-честному, Вовкина судьба его волновала гораздо сильнее, чем моя: мой друг очень способный к спорту был, его огромная ладонь с крепкими длинными пальцами спокойно обнимала сверху баскетбольный мяч, вам сейчас не представить, как этот мяч выглядел в те годы. Плюс координация, скорость и, наконец, прыжок прямо как у нашего ровесника, знаменитого Брумеля Валерия, ещё не известного никому, кроме его тренера. А наш говорил при свидетелях: «Трудись упорно, Володя, три-четыре года — и ты в команде мастеров, стипендию получишь, а потом форму с погонами, тебя все вокруг уважать будут».

Конечно, я немного завидовал таким явным успехам товарища, моя ладонь уверенно обнимала только расширяющуюся с каждым днём, как Вселенная, замечательную грудь подружки, да и то хозяйка оной старательно делала вид, что имущество вообще не её. Хотя для неё я был авторитетный спортсмен, даже без стипендии и погон с мелкими звёздочками, — жизнь разнообразна: кто оперу любит, кто оперетту, а для кого и две хмельные бабёнки, весело горлающиеся в электричке похабные частушки, — милее Аллы Пугачёвой вместе с дочерью её Кристиной.

Худо-бедно за несколько месяцев мы ухитрились прослушать весь театральный репертуар, некоторые вещи по три-четыре раза глядеть приходилось — будто мы критики музыкальные. Хотя кому-нибудь может показаться: ну что там особенного? — ори себе и ори. Но мы и на большее претендовали: сравнивали составы, настроение каждого Павловского партнёра и вообще кураж артистов, замечали слабое дрожание тёткиного голоса в верхнем регистре и киксы

оркестрантов, понимали, что осветитель установил пляшущей с полудня рукой не тот фильтр — и всё стало вокруг голубым и зелёным...

Я уже смог кое-как пробурчать в нос, возвращаясь ночью домой по Кольцу в пустом десятом троллейбусе:

Карамболина, Карамболетта!
Ты пылкой юности мечта!
Карамболина, Карамболетта!
Моя любовь тобой навек взята! —

никогда от себя не ожидал.

А однажды сразу за тёткиным дуэтом мы услышали звонкие крики: «Мишкина! Миш-ки-на! Брааво! Бисс!» В пяти метрах от нас вопили пылкие поклонники тёткиного партнёра: две барышни и два паренька неатлетического вида, трое из четырёх — в очках, типичные студенты, видимо, к стипендии подрабатывали, или такие же, как и мы, волонтеры. Наши конкуренты.

Мишкин — тоже условно, по слуху; может, Машкин или Мышкин, мы его знали — тот самый тонкий чувачок, не уронивший тётку из объятий в оркестр, он вообще невообразимо обаятельный был. Очень мне нравился, я бы сам за него покричал недолго. Тоже бесплатно. Но пришлось опять реветь по-бычьему: «Пааввлоову!» И слегка напугали Мишкинскую клаку.

Потом-то мы весело улыбались друг другу, профессиональная солидарность — не миф. Узнали — он о «заслуженном» хлопотал, недоброжелатели распускали про него по Москве слухи, будто голубой или вообще двуствольный, — нам наплевать было на все экзотические моральные облики и сексориентации, мы по дорожкам любви первые неуверенные шаги делали с нашими карамболинами...

Я не осознавал вначале, какие изменения произошли в моём музыкальном образовании. Слышит, например, мама из радиоточки на кухне: «Иду к Максиму я, там ждут меня друзья...» — и говорит мечтательно:

— До чего же всё-таки Имре Кальман талантлив. Был.

А я ей:

— Конечно, но это не Кальман, а Легар, «Весёлая вдова», а Х. — не лучший граф Данило.

Мама так и застывает с мешалкой в руке. А меньше полугода назад я по тому же поводу только и сказал бы:

— Умер Максим, ну и... худ же он был.

Да и то не при маме.

А уж что с Вовкой случилось — наверняка не подозреваете. Сразу после первой нашей сессии он снял со стены дешёвую гитару, на которой тётя Катя в праздники романсы исполняла, и принялся дёргать непослушные струны своими длинными пальцами. «Мне приснился сон о счастье наяву», — Легаровский вальсок, по слуху, — как вам нравится? И совсем не в руках дело. У одного вора-карманника, ушедшего с прибором в биологические эксперименты, пальцы,

---

Степан Гаврилов

Три рассказа, и все об одном

8:20

Было это в диалапову эпоху, когда эра повсеместного оптоволокна ещё не наступила, а о 4-джи тогда вообще не мечтали. Она написала в городской конфе, просила помощи. Тема такая: постоянно просыпает на работу. Будильники её невероятно бесят, последний она сломала на днях и сказала, что больше покупать себе это китайское говно не будет. Городской телефон ей отключили за неуплату, а свой сотовый она потеряла ещё месяц назад. Единственный предмет в квартире, который издавал звуки, кроме мафона и, разумеется, кота, был домофон. Её сообщение заканчивалось так: «Дорогие граждане и гражданки! Если вы живёте на Машгородке, если каждое утро ходите на работу, пожалуйста, пусть вас не затруднит звонить в квартиру номер 18 по адресу Октября, 24. Важно: начинайте не позже 8:30. И понаглей! Всех люблю, коты!»

Комментов в топик навалили кучу. Кто-то приглашал её переехать, со мной, типа, точно не проспишь, умею будить профессионально, кто-то, наоборот, рвался к ней переехать, кто-то предлагал отдать свой некийтайский, бабушкин ещё будильник, а кто-то советовал бронёбойную методу: съесть на ночь арбуз — естественная нужда, мол, вскочишь как миленькая. Ну и так далее.

Вообще, на успех она в этом деле не рассчитывала. Это так, заморить чисто. На самом деле никакой будильник никто об стену не бил. Будильник, а точнее большие электронные часы с пищалкой, ушли из дома вместе с её бывшим. Ночью ему ни с того ни с сего приспичило погулять. На пороге она сказала, что ждёт его не позднее, чем через два часа. Наручных часов у него не было, сотового тоже, и он просто взял эти здоровые часы с полки и пошёл с ними по городу.

Гаврилов Степан Егорович родился в г. Миассе Челябинской области в 1990 году. Работал строителем, разнорабочим, рекламным агентом, радиоведущим, библиотекарем, журналистом, редактором. Автор романов «Опыты бесприютного неба», «Смеси и мрази», повести «Рождённый проворным». Печатался в журнале «Знамя». Автор мокьюментари-подкаста «Занимательная хонтология».

Предыдущая публикация в «ДН» — повесть «Рождённый проворным» (2020, № 1).

Вернулся под утро, без часов, конечно, а она не пустила его. Без лишних вопросов он переехал к маме, лузер ссаный.

И вот теперь она жила одна. Вернее, с котом — с шерстяным. Но шерстяной был настолько бесхарактерный, что даже с утренней голодухи не мог её добудиться. Поэтому надеяться на него — всё равно что на бывшего. Переезжать к другим мужикам или приводить их в своей дом больше не улыбалось, а поскольку стоял июнь, арбузов ещё не продавали. Да и не любила их она.

Первый звонок раздался на следующий день после поста в конфе. Она доковыляла до двери, подняла трубку и прохрипела: «Кто... умный такой, а?»

Звонки стали регулярным делом. Каждое утро по будням, вне зависимости от погоды, событий в мире, курса валют, ровно в 8:20, или типа того, звонил домофон.

Настроение по утрам у неё было мягко сказать дрянное, поэтому первые две недели она даже не задумывалась, кто там звонит и зачем. Что вообще-то самое начало её дня — довольно странная штука. Она даже не воспринимала это как должное, она вообще никак это не воспринимала. С момента открытия глаз и до той секунды, как она снимала трубку, её мозг был занят задачами поважнее: например, навигацией по квартире. Пока она шла в коридор, её ноги умудрялись не встать в пепельницу, не поскользнуться на пролитом вчера вине, не раздавить мафон, не отдавить хвост шерстяному. Сразу после звонка она шла на кухню, насыпала китикэта, ставила кофе и только тогда раздуплялась. Тут же надо было решать кучу других вопросов: что надеть на работу? закончились/пошли ли месячные? где сиги? куда она кинула вчера ключи? когда там зэ-пэ? какого хрена этот маникюр опять оторвался?

Ещё через неделю звонок в 8:20 стал настолько привычным, что она даже научилась просыпаться почти сразу и почти без слова «блядь» спрашивать «кто там?».

В субботу ходили с подружкой загорать на Тургич, и она как-то между делом упомянула эту историю. Подружка спросила: «И кто он?»

Её дёрнуло: реально, а кто это звонит вообще? Он один или их, может, несколько? Это мужчина или женщина? А вдруг это гермафродит какой-нибудь? Или одинокий бездетный старик? В принципе, ничто не мешает одинокому бездетному старику быть гермафродитом. А, блин, может, это маньяк? Точно, скорее всего, — дрочила какой-нибудь.

Увидеть звонящего в подъездную дверь — нереально. Окна её квартиры на пятом этаже выходили на другую сторону дома, на проспект. В эту ночь она легла спать в спортивном костюме. Как только позвонил домофон, сунула ноги в шлёпанцы и пулей побежала вниз. По пути она пнула мафон, наступила на чей-то хвост, подвернула ногу, потеряла шлёпанец, но всё-таки добралась до подъездной двери.

Во дворе было тихо. Ни одной живой души. Позвонил и скрылся. Ну, теперь-то сомнений никаких: дрочила.

Весь день она озиралась по сторонам, подмечая вокруг мужиков, которые потенциально могли бы иметь нездоровый интерес к онанизму. Оказалось,

таких не то чтобы мало. Всё, теперь никаких больше звонков в домофон! Это ж надо было додуматься такое написать, да ещё и в городской конфе, на всеобщее обозрение выставить свой адрес! Это же буквально крикнуть: у меня мужика нет, придите и возьмите меня семеро! Вот и заморила.

Теперь у этого извращенца есть всё: она у него — как на его заскорузлой от постоянной дрочки ладони. Сальные взгляды ей и раньше приходилось ловить, но теперь каждый из них был проникнут не столько бесцельной и полуавтоматической животной похотью, но какой-то задорной изобретательностью. Это же чисто маньячная тема, каждый день одно и то же делать — ровно, чётко, в одно и то же время. Вон мужик в траллике, этот, в ветровке, вылупился как. Он бы хотел меня не просто трахнуть, а ещё и... Но мужик спокойно выходил за две остановки до Октября, доставал из своей ветровки банку «девятки» и, не глядя на троллейбус, ковылял по своим делам.

Вечером она успокоилась. Маньяки так не действуют. Это просто загон. Плеснула винчика, повыла под Kid A на мафоне, а потом легла спать.

Утром на улице пели птицы. По проспекту двигался какой-то парад: то ли государственный праздник, то ли день города, то ли народ просто массово сошёл с ума, — она поняла это по вибрациям. Шерстяной прыгнул на живот, потом с необыкновенной активностью стал тыкаться мордой в бока и подмышки. Она сладко потянулась. Вдруг что-то подбросило её. Она двинула к окну, пытаясь понять, что же произошло, затем на автомате глянула на стол, где раньше стояли часы. Ещё пять минут прошло, прежде чем её старенький пентиум всё же включился, и только взглядевшись в маленькие циферки справа внизу экрана, она поняла: проспала! 10:10!

Наскоро умывшись, набрыляв коту китикэта, она выбежала на улицу, обогнала то ли парад, то ли толпу безумцев, стопнула первую пешку и полетела на работу. Уйму бабок отдала бомбиле.

Опоздание ей простили. Во-первых, праздник этот, пробки, во-вторых: всё-таки положительная тенденция — уже месяц без нарушений дисциплины, если не считать постоянное зависание по нерабочим вопросам в безлимитном интернете.

Раскидав дела, отыграв для коллег и начальника роль провинившейся доченьки, уже после полудня она открыла конфу и написала: «Эй, тот, кто будил меня весь этот месяц, ты куда сегодня делся? Из-за тебя проспала работу. Так ведь не делается!» Дальше шли дурашливые смайлики. Ничего она больше от этой истории не ждала, ничего не хотела. Ей бы самой ужасно надоело каждый день по утрам звонить в дверь незнакомой бабе.

До вечера она работала. Ну так, ради разнообразия — даже втянулась под конец дня. Перед уходом решила проверить конфу. В топике появилось два ответа. В первом снова отметился любитель арбузов. А второй был такой: «Дозвониться не смог. Заплати за домофон».

Вечером она заплатила за домофон. Оказывается, за эту фиговину ещё и платить надо. Потом она купила дешёвый китайский будильник и завела его на пораньше. Ну, чтобы успеть вытряхнуть бычки из пепельницы, покормить кота. Умыться. И да, конечно, немного макияжа, как без этого.

Она легла пораньше. «А вдруг всё-таки дровича?» — сказала она себе и засмеялась.

Ну вот и всё. Так они и познакомились. Китайский будильник, собака, так и не прозвенел. Один бог знает, сколько ей труда стоило сказать утром в домофон: «Слушай, я не знаю, кто ты, но, может, поднимешься? У меня из еды только китикэт, но могу сварить кофе».

Клеёнка

— Резинотканевая. Шестьдесят на сто пятьдесят. Такая есть.

— Может, тыкнешь не первое в выдаче? Ещё покрутишь?

— Считаешь?

Алина посмотрела на Ветрова так, как... Он искал «как же»: как смотрят на детей, которые лягнули глупость, как смотрят на людей, с которыми не о чем говорить. Или нет, вот лучше: как человек, которому недавно ампутировали ногу, смотрит на здорового, когда тот, здоровый и двуногий, забывает, что перед ним больной и, например, предлагает в футбол забиться. Странная ассоциация, ну да ладно. Лучше просто — смерила взглядом. Невербальная агрессия, короче. Или даже вербальная.

— Ну-у-конечно. Это для детей вообще.

Ветров прищурил глаза, уткнулся в экран:

— А, блин, точно. «Чудо-чадо». Так, а не для детей — это какая?

— А не для детей — это если диван у нас сто шестьдесят на двести двадцать, то как ты думаешь?

Вместо ответа Ветров пролистнул страницу. Чуть позже заговорил первым.

— Во! Тканевая, с пэ-вэ-ха. О, приколы, смотри. Отзыв тут: «Превосходная. Двум людям в теле (жена девяносто, а я сто десять кэ-гэ) порезвиться вообще отлично. Плотная и качественная. Чёрная, как уголь. Доставка только долгая. На два или три дня задержали». Прикол.

Алина долго набирала стакан воды. Потом долго пила. Смотрела через стакан на окно.

— А размеры?

Через час, он как раз катку закончил, она сказала:

— Что-то я запарилась.

— В плане?

— А вдруг они тоже будут... Ну, девяносто и сто десять, например. Я тогда не смогу вообще.

Ветров улыбнулся.

— Придётся смочь.

Алина нахмурилась. Шутки ей такие не нравились. Он быстро собрался:

— Ну, мы же фотки видели.

— Фотки сейчас такое. Они, может, тоже два полных человека, которым —

Марк Марченко

Как красивы души каждого из нас

Рассказы

Видишь, я в полном порядке

Перед отправлением туда я в основном переживал, выйдет ли у меня не сойти с ума после всего, что мне предстояло там увидеть и сделать. Серьёзно, сама мысль об этом меня пугала до чёртиков. Другие, — другие боялись или получить травму, которая оставит инвалидом навсегда: тяжёлое пулевое или, что вероятнее, осколочное ранение, которое, например, лишит руки или ноги и закроет обратный путь на фронт, или просто умереть. Так вот к чему я, меня волновало совершенно другое: меня волновало, смогу ли я остаться в своём уме.

К примеру, если тебя подстрелили, ты уже ничего с этим не поделаешь — разве что надеешься на лучшее, и на этом всё. Да и вообще, поймать своим мягким ненадёжным тельцем быстролетящий металлический предмет совсем не стыдно, наоборот, это даже может помочь тебе взобраться по социальной лестнице, а если ты ещё окажешься в правильное время в правильном месте, то и вовсе превратиться в героя. Даже если совсем на чуть-чуть. Всё равно считается.

В то же время нет совершенно ничего героического в том, чтобы поехать кукухой, — думаю, ты в своём возрасте уже понимаешь, что это значит. Когда крыша едет, героем это тебя не делает, потому что считается, что ты в этом как бы сам виноват. Почему это неприличнее ловли пули своей дебильной неудачливой рожей, — а хер его знает. Спроси меня — я не умею уворачиваться ни от того, ни от другого. И если от пули, которая весело и со свистом летит в твою сторону, иногда можно отгородиться тем, что ты, млять, не забываешь класть пластины в свой бронежилет, то как не превратиться в психа? Спроси чего полегче.

Марк Марченко родился в Москве, окончил Московский университет им.М.А.Шолохова, факультет «Европейские языки и культуры». Учится в магистратуре Эдинбургского университета, пишет эссе и прозу на русском и английском языках. Живёт в городе Эдинбург, Соединённое Королевство.

Предыдущая публикация в «Дружбе народов» — 2021, № 6.

Все считают, что это признак слабости, ну, когда твой мозг вырубается просто потому, что больше не может принимать то, что ты видел или что ты сделал. И когда это происходит, и люди втихомолку уверены, что ты сам в этом виноват, хотя вообще-то жертва — это ты, то куда после этого идти? В чёртову психушку? Ну охренеть теперь, это я что, приду туда и вот прям с порога всем скажу «извините, но я тупо схожу с ума, у меня больше нет на всё это сил», так, что ли? Ты вот потом будешь доверять такому человеку? Рановато тебе ещё разбираться в таких вопросах, так что я сам отвечу, и поверь мне, я знаю, о чём говорю: нет.

Так что спасибо, но мне такого не надо, потому что если всё закончится (или, хуже, если оно всё ещё не закончится) и выяснится, что я стал сумасшедшим, то это будет исключительно моей проблемой. И мне одному её решать. А «решать» её можно только молча, неся бремя своей жалкой никчёмной жизни до тех пор, пока чья-то, или даже твоя собственная пуля, тебя от неё не избавит.

И вообще, это всё книги, которые мы читаем по молодости, это из-за них я так боюсь тронуться умом. Все эти уважаемые джентльмены — Дос Пасос, Хемингуэй, Ремарк, — вот они вечно пишут о людях, которые вернулись оттуда и стали настолько отбитыми, что могут только пить до смерти и вышибать себе мозги из отцовских карабинов. Романтика. Читаешь эти книги и понимаешь, что если уж ты отправился туда, то, даже если не задвухсотился, нормальной жизни тебе всё равно не видать — живой всё равно что мёртвый, без разницы.

И это, видишь ли, приводит нас к любопытному парадоксу. Если уж ты в любом случае погибаешь, то с чего вдруг тебе бояться самой элегантной смерти из всех — на поле боя, как тот товарищ, генерал Томас как-то там, который сказал, и я помню слово в слово, потому что и сам бы предпочёл встретить свой конец именно так, так вот он, раненный в бою, сказал своему отряду: «Переправимся через реку и отдохнём там, в тени деревьев». В тени деревьев! Гораздо лучше, чем медленно погружаться в агонию безумия из-за того, что с тобой случилось, ну или, знаешь, из-за того, чему ты помог случиться с другими.

И ещё, самое важное! Ведь как ты можешь сойти с ума, если то, что ты делал, было благородно, справедливо и за правое дело? Ты тогда не должен с ума сходить, с тобой должно быть всё в порядке. А раз уж — следи за мыслью — ты повредился рассудком, то, значит, люди предположат, что ты сам лично сделал что-то, чего делать был не должен, что-то ужасное! В итоге ты не просто остаёшься наедине со своим сумасшествием, так тебя ещё все вокруг в чём-то заподозрят. Какая тут после этого нормальная жизнь.

* * *

Когда я, наконец, прибыл *туда*, то постоянно прислушивался, что творится у меня в мозгах. Они вообще на месте? Работают так же, как и раньше? Целиком? Честно тебе скажу, когда оказался в первый раз под артобстрелом, у меня возникли лёгкие сомнения в том, что от моих мозгов что-то останется, да, накрыло так, что даже на мой вкус было многовато. Мы возвращались к нашему опорнику, шли через редкий лес, когда один из нас услышал выходы.

Все тут же упали мордами в землю, ладони на шлемах. Как только начало падать, наш старший определил, что это были «стодвадцатки».

Мощные, твари, не поверишь. Нам повезло, что противник не пользовался коптером для прицеливания, так что мины легли в полсотне метров влево от нас. Следующего залпа дожидаться не остались, конечно. Никогда так быстро не бегал с тридцатью кило брони и боеприпасов на себе.

Когда вернулись, главное, что меня волновало, как ты уже можешь догадаться, — это поменялось ли что-то в моей голове. Я совершенно точно не чувствовал ничего странного, но мне-то откуда знать, что должен чувствовать, когда у тебя едет кукуха. В общем, чтобы проверить моё предположение и удостовериться, что я в полном порядке, я вызвался добровольцем на следующее же задание. Меня кто-то спросил, не сошёл ли я с ума, но в том-то и дело: не сошёл, всё со мной было нормально! И знаешь что? На обратном пути мы снова попали под стодвадцатки, на этот раз их положили вправо от нас. Эти придурки так и не научились нормально наводить миномёты.

Как я и сказал, — к чёрту остаться в живых, важно остаться в своём уме, вот какая у меня цель. Так что я прыгал от счастья, когда моя голова осталась в порядке после того, как мы дважды угодили под арту. В следующий раз я поволновался, когда нас накрыли Градами в чистом поле — да, знаете, просто жечь. У нас полгруппы не верила, что выйдут оттуда живыми — ну, в общем, и не вышла, ха-ха! Последним я оттуда убрался, даже вытащил одного нашего трёхсотого (понятия не имею, как звали). Ему осколком ногу разрубило, прямо пополам, я сделал, что мог: наложил ему турникет на ногу, точнее, на то, что он неё осталось, подцепил его за карабин на спине, ну и вытащил. Его контузило так, что я не знаю, как он дальше будет, — попросался, короче, со своим шифером. Сто процентов тебе говорю, он был одним из тех идиотов, что боялись умереть. Вот теперь и посмотрим, как он будет жить, — если он вообще до госпиталя дотянул.

Что касается меня — беспокоиться не о чем, я был в своих Sordins, я не настолько бесстрашный и тупой, чтобы соваться туда без активных ушей. Ну а потом... в общем, я понял, что всё со мной будет в порядке. Уже и не сомневался.

Впервые застрелить человека во время визуального контакта тоже не так сложно, как об этом рассказывают. Зажал спусковой крючок, потом пошёл и затрофеил себе для аптечки пару новеньких Quicklot Combat Gauze, бинты эти америкосовские с пропиткой для остановки крови. Оказалось, он жив ещё был, когда я его обыскивал. Недолго, впрочем.

Такое случалось сплошь и рядом: с мобилизации прошло уже шесть месяцев, так что не проси меня утомлять тебя всякими отвратными подробностями, их тут навалом. Не буду тебе всего рассказывать, и знаешь почему? Именно — нам обоим не стоит сходить с ума, и если уж я вполне уверен, что лично мне ничего не грозит и ничто уже не сможет потревожить меня в этом мире, то ты, детка, под большим вопросом. В конце концов, говорят, знаешь, что хуже всего для психики, — последняя остановочка перед безумием. Это когда видишь трупы гражданских, даже если у тебя сердце из кремня. Но я официально

заявляю, что всё это хрень собачья, и эти ваши книжки про бывших солдат — хрень.

Я видел всё: мужчины, женщины, старые, свежие, мальчишки, девочки, убитые целиком, разорванные на части и размотанные вдоль дорог, целая чёртова семейка из набора Лего, угодившая в пространство между нами и ними. «Ничего» — вот что я чувствовал!

Вообрази себе моё удивление, когда я понял, что благословлён способностью оставаться абсолютно нормальным посреди этого кровавого ада. Помнишь, я говорил, как это парадоксально, что некоторые боятся умереть? Тебе не стоит этого бояться. Смерть — это твой счастливый билет отсюда, из этого сумасшедшего мира. Можно сказать, то, чем мы тут занимаемся, пытаюсь друг друга подстрелить, — так это мы даём шанс другим обрести свободу! Это дар здравомыслия, дар, избавляющий от сумасшествия. «Держи, друг», — так я им всем говорю, лови эти пять-сорок-пять, они твои, прямо из дула моего автомата. Это намного лучше, правда, намного лучше, чем постепенно превращаться в безумного психа. И вы, вот вы, сэр, да, вы тоже ловите, ведь мир — это ужасное, ужасное место и вам нужны такие, как я, которые ничего не испытывают, которых ничего не трогает, ничего, совсем ничего, и которые всё ещё могут дарить свободу более слабым. Потому что, поверь мне, все мы оказались бы там, по ту сторону сумасшествия, если бы не было таких, как я, людей, которые могут вас от этого избавить. Вполне себе героический способ избежать помешательства, скажу я тебе! Вообще нет никакой разницы, кто какие шевроны тут носит, — мы все служим одной благородной цели.

Что же, ладно, я заговорился. Я в полном порядке! Не переживай за меня. Прости, что я не смог сам проводить тебя в школу — подумать только, уже пошла в первый класс, уже почти взрослая! Учись хорошо и слушайся маму, потому что, когда я вернусь — а я вернусь, и очень скоро, — вы должны быть уже готовы.

Люблю.

Твой папа.

Как красивы души каждого из нас

Сострадание есть главнейший и, может быть, единственный закон бытия всего человечества.

Фёдор Достоевский. «Идиот»

Новость о его сомнамбулизме — о том, что он ходит во сне, — меня сначала шокирует и приводит в замешательство, даже пробуждает некий почти суеверный страх. Но по-настоящему напуган я чуть позже, когда понимаю, из-за чего он стал лунатиком... и что именно он делает во сне.

Я приезжаю в Лондон вскоре после того, как истерия с ковидом, которую в моей родной стране отказались воспринимать всерьёз, сменяется на истерию другую, окрашенную в голубой и жёлтый. Не хочу, чтобы это прозвучало

Юрий Китаев

Ветер, снег и молитва

* * *

Середина ноября.
Очень голые осины.
Жили зря или не зря
Ноября до половины...

Дни лучинами горят,
Облетают, как соцветья...
Так промчались, говорят,
Дни, недели и столетья...

Сутки — мимо. Сутки — прочь.
От событий вдалеке
По дворам гуляет ночь
На коротком поводке.

* * *

И растения тоже зимуют в условиях кочевья.
Беспокойная жизнь: что ни день — то уход, то побег...
Свежий северный ветер усталые кости деревьев
Равнодушно ломает, и, бедные, падают в снег.

И растения тоже... А мы ещё хуже растений...
Всё в пути и в пути... От привала бредём до привала...
Ничего не осталось. Ни мужества, ни сновидений...
Ветер, снег и молитва, чтоб завтра метель миновала.

* * *

Пресня. Мечта. Зоосад.
Внутренний переворот.
Память былых баррикад:
Клетки, загоны, народ.

Пресня. Направо, во двор.
Сладко, как сон наяву...
Окна. За тканями штор,
Кажется, скучно живут...

Просит соломы и трав
Зоологический хлев...
Где-то там бродит жираф...
Страус, верблюдица, лев...

Пресня. Чего там ещё...
Вечность трамваем звенит...

Витя однажды ушёл —
И на Ваганьковском спит.

Поздние песни не в лад.
Водка течёт по усам...
Зоологический сад.
Зоологический сам...

* * *

Туманом мечтаний бесплодных,
Отравлены больше, чем можно,
Мы прячемся в мире животных,
Весёлом, хвостатом, тревожном.

Крылатые, дремлем на ветках,
Рептильные — тянемся в воду...
В загонах, вольерах и клетках
Душа обретает свободу.

От нежности и от печали
Мы ожили и одичали.

Мы скалим звериные морды,
Не верим морали снотворной...
Не стоит быть хитрым и гордым:
Достойнее хищным и добрым.

Но времени ход и течение
Неладное предполагает:
Опасности разоблаченья
Укрывшихся подстерегают.

...Вкус вечности в вечнозелёных...
Но близко изгнание из рая:
Уходим походной колонной,
Животность в сердцах сберегая.

Пржевальская лошадь и зебра,
Удав, павиан и корова...

Мы все растеряемся в дебрях,
Но встретимся в баснях Крылова.

Средняя школа

Бедность и хозяйственные нужды —
Тоже упражненье и закалка...
Ничего нам этого не нужно!
Ничего нам этого не жалко!

Звери-кони, хоть куда умчите...
Замордован здешней каруселью,
Я — учитель... Я уже совсем учитель...
Значит, нет уже надежды на спасенье...

Сладко обаянье ночи чёрной...
В полдень солнце красное в зените...
Только поздно: я уже учёный:
Вы меня ничем не удивите...

А ведь даже в нашем поколеньи
Трудно жить без чувства удивленья!

Магия света и тени

Выдающийся туркменский художник Бердигулы Амансахатов, сегодня, пожалуй, единственный из Туркменистана, который выставляется в России.

И одним из наиболее ярких событий стала его выставка «Начало — Гармония — Совершенство: философское мирозерцание». открывшаяся в Казани в октябре 2024 года в Национальной художественной галерее «Хазинэ» Государственного музея изобразительного искусства Республики Татарстан (репродукции с выставки на нашей цветной вкладке) и приуроченная к проведению XVI саммита БРИКС.

Тот факт, что для такой масштабной художественной выставки в казанском Кремле были выбраны работы Бердигулы Амансахатова, говорит об универсальности и полисемантической его языка, понятного для восприятия представителями различных мировых культур. Художник рассказывал, что главный источник его вдохновения — поэзия Востока, особенно стихи поэтов-суфистов Юнуса Эмре (Турция), Джалаладдина Руми (Афганистан), Навои (Узбекистан) и, конечно, классика туркменской поэзии Махтумкули Фраги.

Романтическое и эпическое начало, реалистические и метафорические приёмы органично сливаются в картинах Амансахатова. Художника увлекают символические образы, космогонические ассоциации, размышления о природе и людях, сохранившиеся в народном искусстве — в коврах, вышивках и ювелирных украшениях.

Бердигулы Амансахатов не устает удивляться миру, который его вдохновляет, а мы — его зрители и почитатели — удивляемся творческой энергии художника и неустанности его художественного поиска.

*Михаил ПЕРЕПЛЕСНИН,
главный редактор международного журнала «Туркменистан»*

**БЕРДИГУЛЫ АМАНСАХАТОВ:
«Начало – Гармония – Совершенство»**

Живописец и сценограф, лауреат Госпремии СССР, заслуженный деятель искусств Хакасии.

Вис и Рамин (Фахриддин ГургаФни)

Парадоксы XXI века

Прелесть интриги

Во сне или наяву

Халиф на час

Триптих «Жизнь»: левая часть «Гармония»

Триптих «Жизнь»: центральная часть
«Совершенство»

Триптих «Жизнь»: правая часть «Начало»

Идём в мастерскую!

На охоте

Мать-дерево

Свет граната

В тенётах

Кто ты...

Анатолий Щелкунов

Портрет художника Бердигулы Амансахатова

Из дневника посла России

Художник Бердигулы Амансахатов — один из самых знаменитых и крупных мастеров сценографии в Туркмении, удостоенный Государственной премии СССР и многих других. Известны его многочисленные постановки в театрах Ашхабада и Москвы, Алма-Аты, Астаны и Абакана, Чарджоу и Мары, Львова и Ташкента.

Сценография Амансахатова отличается эстетикой, вобравшей в себя мудрость восточного эпоса, изящество форм туркменского прикладного искусства и художественное разнообразие русской театральной и кинематографической традиции. В годы учёбы (1974—1980) в Государственном академическом художественном институте имени В.И.Сурикова Амансахатов постигал тайны сценографии в мастерской академика живописи Михаила Михайловича Курилко-Рюмина. С особой благодарностью вспоминает Бердигулы о своём учителе — как о гениальном мастере, который воспитывал в студентах духовный аристократизм, философское понимание назначения искусства и беззаветность служения ему.

По-настоящему триумфальной для Амансахатова стала премьера спектакля «Перенгли из Гонура», поставленного в 1999 году в Ашхабаде в театре имени А.С.Пушкина. Пьеса создана драматургами и постановщиками Говшутгельды Данатаровым и Сердаром Непесовым по повести Атаджана Тагана «Чужой», основанной на реальных событиях, произошедших в туркменском селении Гонур в конце XIX века. Сюда попал французский наёмник-картограф Гулибеф де Блоквиль, пленённый

Щелкунов Анатолий Викторович (1945) — российский дипломат, Чрезвычайный и Полномочный Посланник 1 класса. Выпускник Томского университета (1969) и Дипломатической академии МИД СССР (1985), кандидат философских наук. С 1985 года на дипломатической работе, в том числе в 1997—2002 гг. — Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Туркменистане. Лауреат (1923) Национальной премии «Лучшие книги, издательства, проекты». Живёт в Москве.

Амансахатов Бердигулы (1950) — туркменский сценограф, живописец и график, лауреат Госпремии СССР и др. Родился в селе Пешан-Али, вблизи г.Мары. Учился в художественном училище им. Шота Руставели в Ашхабаде; в 1980 г. окончил Государственный академический художественный институт им.В.И.Сурикова. Многочисленные персональные выставки, картины находятся в музеях и частных коллекциях России, Туркменистана, Турции, Индии, США, Израиля и в др. странах. Живёт в Ашхабаде.

туркменами во время сражения с войсками персидского шаха. Жители селения прозвали его Перенгли, то есть *пришедший из Европы*. Они надеялись получить за него хороший выкуп. Это спасло француза от смерти и позволило жить в течение четырнадцати месяцев при довольно сносном обхождении. Способный и любознательный, он быстро овладевает туркменским языком и начинает заниматься французским с детишками, узнавая местные обычаи и нравы. Постепенно его миролюбие и доброта завоёвывают всеобщее доверие. А когда Перенгли спасает упавшего в колодезь соседского мальчишку, его приглашают как дорогого гостя на праздники и семейные торжества. В финале пьесы француз, так и не дождавшись выкупа, покидает Гонур, жители одаривают его подарками и на прощание говорят: «До свидания. Мы ещё встретимся!»

Сценограф Амансахатов добивается максимального раскрытия замысла пьесы, помогая режиссёру, актёрам и зрителям ощутить атмосферу времени и места. Главный критерий эстетического языка — минимализм средств изображения и максимальная выразительность общей композиции. Этого Амансахатов достигает благодаря высокой степени ассоциативности своих художественных образов и приёмов.

За несколько месяцев «Перенгли из Гонура» увидели почти все жители Ашхабада. И в российском посольстве заговорили, что хорошо бы показать спектакль в веляятском центре, в городе Мары, близ которого и находится древний Гонур. Бердигулы горячо поддержал идею, ведь Мары — его родина, и для земляков это будет грандиозный праздник. Здесь, как и в других городах, о театральных гастролях, о спектаклях не вспоминали уже много лет. Зал самого большого дома культуры был переполнен. И когда зазвучал дутар, когда раздвинулся занавес, зрители с оглушительными аплодисментами и восторгом узнали знакомый каждому уголок родного селения и жителей в национальных одеждах, хотя все роли исполняли русские артисты. Но хорошее знание местных обычаев и манер, особенностей интонации туркменской речи позволили создать яркие образы и характеры. Они отражают доброту, сдержанность и открытость туркменского народа, его рассудительность и мужество, желание жить в мире с другими народами. Через эти образы показано внутреннее родство национальной и европейской культур, которые могут не только сосуществовать, но и обогащать друг друга. В этом суть философско-эстетического критерия в творчестве Бердигулы Амансахатова.

Именно поэтому художнику под силу было создать сценографию спектаклей по произведениям авторов, живших в разных странах и в разные эпохи. В арсенале его театральных работ более 60 спектаклей, в том числе по произведениям У.Шекспира, Дж.Г.Байрона, Ф.Шиллера, А.П.Чехова, А.П.Платонова, Дж.Пристли, Кобо Абе, Дж.Синга, О.Уайльда и Р.Тома.

Амансахатов большой мастер так называемой мягкой декорации — тканей и лёгких материалов, что придаёт особую пластичность художественным образам спектакля. Декорации гармонично сочетаются с костюмами и усиливают общее эмоциональное впечатление. Замечательно сказала об этом искусствовед И.Кистович: «Эскизы к костюмам Амансахатова имеют собственную эстетическую ценность и жизнь совершенных произведений. Он поднял их исполнение до уровня эскизов мастеров серебряного века: Л.Бакста, А.Бенуа, К.Сомова. В них есть то же уважение к линии, стремление к совершенству, законченность образа, деликатность тонального строя».

Незабываемым для меня стал спектакль «Сарданапал» по исторической трагедии лорда Байрона, поставленный в московском театре «У Никитских ворот» в мае

2003-го. После спектакля Амансахатов познакомил меня с главным режиссёром театра Марком Розовским.

Окрылённый успехом, Розовский признался: «Когда театр решил поставить этот спектакль, я стал выяснять, кто мог бы воссоздать на сцене древний мир, но с современным ощущением. Мне сказали, есть мастер, который это сделает гениально. И Бердигулы действительно сделал гениальные эскизы. Каждый костюм — произведение искусства. У англичан и французов отвалились челюсти, когда они это увидели... Бердигулы интересный человек и художник, который органично соединяет в себе древность национальной культуры и современную интеллигентность европейца».

Отсутствие массивных и дорогих декораций в спектакле «Сарданапал» позволяет сосредоточиться на развитии сюжета и игре актёров. Костюмы подчёркивают характер героев. Стилизованные и свободные, выполненные с большой фантазией, костюмы дают простор воображению.

Другие ипостаси художника Амансахатова — графика и живопись. Своё кредо в этих видах изобразительного искусства художник выразил точно и ёмко: «Хочу изображать суть вещей, внутреннюю пульсацию, показать внутреннее содержание через отдельный штрих, деталь». В его графике находит выражение не только богатая творческая фантазия, но и эстетика, восходящая к удивительной по своей самобытности традиции туркменского ковроткачества. Особенно ярко это проявилось в серии графических листов к эпосу «Коркут ата». Здесь та же лаконичность рисунка, многозначность геометрических линий, усиленная ярким колоритом. Иной стиль характеризует серию офортов к стихам Махтумкули, напоминающих пластикой рисунка и утончённостью линий работы великих итальянских мастеров, тем самым внушая зрителю мысль о высокой поэзии туркменского классика. Философская глубина поэзии Махтумкули даёт свободу художественному воображению, позволяя создавать образы вне времени, выходящие за пределы национального и географического пространства.

И, напротив, узнаваемость места и времени действия, конкретность и динамизм характеризуют графические листы к эпосу «Гёроглы», где показана история средневековых огузов, воинственность и жестокость их мира, право жить в котором доказывали только силой.

Бердигулы Амансахатов хорошо знает и любит историю своего народа. И это ярко проявляется в его творчестве. Дружба с известным русским поэтом, писателем и тюркологом Анатолием Преловским (1934—2008) стала источником нового творческого замысла художника — большой серии офортов, иллюстрирующих переведённую Преловским «Тюркскую гадательную книгу» IX века — собрание притч о жизни и быте людей далёкого прошлого, их мифологии и отношениях с окружающим миром.

Увлечение древними восточными сказаниями привело Амансахатова к работе над санскритской книгой мудрости «Панчатантра» и написанной для детей раджи книгой «Пять повествований». Роскошь цветовой палитры на двенадцати графических листах невольно вызывают ассоциации с индийским кинематографом, а композиционный рисунок удачно воспроизводит мудрость наставлений:

Сомнений исполнен наш мир,
Всякие сплетни и слухи в нём ходят.
Блаженны же те, кто в любви
Годы свои молодые проводят.

Столь же многокрасочны и изящны иллюстрации к туркменским народным сказкам, к собранию средневековых арабских и персидских сказок и новелл «Тысяча и одна ночь», а также графические листы серий «Времена года», «Встреча по Библии» и «Изгнание по Библии».

Амансахатов проиллюстрировал также изданную российским посольством книгу «Туркменистан: выдающиеся люди XX века» в 2002 году в Ашхабаде.

Особой нежностью и изяществом отличаются иллюстрации детских книг: «Корпе Доган», «Гулнарджан», «Эдже-кеджан», «Сын Кервенбаши и попугай», «Зеррин Дамак» и др.

Став зрелым мастером, Бердигулы Амансахатов признал, что «авторитет в искусстве — это давление». И в этом смысле отрицает опыт, отдавая предпочтение искренности художника, благодаря которой и проявляется оригинальное в творчестве. Размышляя о философских основах искусства, его роли в жизни человека и общества, художник приходит к суфизму. Его нравственно-эстетическим императивом становится максима: «Бог — в тебе, в художнике, Бог — это очищение, это красота, не только вера, но и очищение в себе». Бердигулы Амансахатов утверждает: «Между мною и Богом — нет никого».

Следуя своим творческим принципам, художник в полной мере раскрывает силу своего дарования и в живописных полотнах. Глядя на них в его мастерской или на выставках, создаётся впечатление, что эти картины вобрали всю палитру красок родной земли и красоту туркменского народа.

Картины «Шёлковые маки» и «Весенний восторг» приковывают внимание контрастом красного, зелёного, жёлтого и белого цветов, будто ты внезапно оказался в предгорьях Копетдага в солнечный майский день и даже чувствуешь аромат цветов.

Для меня эти ощущения связаны с поездками весной в Фирюзу, расположенную в одном из живописнейших ущелий Копетдага. И невозможно не остановиться, чтобы не полюбоваться буйным цветением маков, ромашек и магнолии. «Ожог души», говоря словами Рената Исмаилова — главного режиссёра театра имени А.С.Пушкина в Ашхабаде, вызванный этими картинами Бердигулы, будет долго храниться в памяти.

Глубокое проникновение во внутренний мир человека отличает портретные работы Амансахатова. Они эмоциональны и психологичны. Декоративные элементы лишь усиливают и оттеняют отдельные черты характера и настроения героев. Увидев «Портрет Биби», я подумал об образе туркменской Джоконды. Особую красоту зрелой женщины подчёркивают изысканность национальной одежды и предметы домашнего интерьера. В спокойном мудром взгляде — достоинство, скромность, но и сила характера. На первом плане натруженные руки, а у ног Биби букеты роз — как эмоциональная доминанта картины.

Очень выразителен портрет Тиркиша Джумагельдыева — крупнейшего туркменского писателя современности. Эта работа напомнила мне знаменитый портрет Ф.М.Достоевского кисти В.Г.Перова, там писатель изображён глубоко задумчивым, с печальными глазами, сидящим на стуле, словно на него давят всей своей тяжестью неразрешимые проблемы и непреодолимые жизненные обстоятельства. Вспомнился роман Т.Джумагельдыева «Энергия страха, или Голова жёлтого кота», опубликованный в журнале «Дружба народов» (2011, №4), где в краткой аннотации эту прозу сравнили с «бомбой для туркменской литературы, по-своему не меньшей, чем для советской литературы был “Один день Ивана Денисовича”». Продолжая традиции мировой литературы, писатель поднял свой голос в защиту «униженных и оскорблённых». Весьма примечательно, что судьба главного героя романа — известного в республике актёра Абдуллы Нурыева, — который без всякой причины стал жертвой современной тоталитарной машины, — удивительным образом ассоциируется с трагической судьбой Эшрета, героя исторического романа

Т. Джумагельдыева «Чёрная молния», которого за мужество и любовь к родине ослепляет и лишает жизни властитель Ирана Надир.

Этнографической энциклопедией туркменского народа в её живописном варианте можно назвать серию «Возрасты» («Времена года женщины»), где выражено понимание женской красоты: юность символизирует Весну; молодость — Лето; зрелость — Осень и пожилой возраст — Зиму. Все женщины в национальных костюмах, соответствующих возрасту и стилизованных под колор национального ковра. Миниатюрные декоративные элементы поясняют род занятий туркменских женщин разных возрастов. Картины объединены как бы общей сюжетной линией, которую выводит Амансахатов — искусный сценограф.

Всё многообразное и яркое творчество художника Бердигулы Амансахатова, его богатая неуёмная фантазия и высочайшее мастерство проникнуты любовью и глубоким пониманием своего народа, посвящены истории и культуре родного Туркменистана.

«В ЭТОЙ ЖИЗНИ Я ГОВОРЮ И ПИШУ НА РУССКОМ»

*Итоги «Русской премии» — 2024 и сто слов о русском языке
от финалистов Хелены Побяржиной, Даниэля Бергера,
Адалата Исмаилова, Сергея Пагына, Анастасии Хатиашвили,
Натальи Белоедовой, Тимура Нигматуллина, Ильи Одегова,
Ирины Чудновой*

В 2024 году после семилетнего перерыва была возобновлена «Русская премия» — международный литературный конкурс для писателей, постоянно проживающих за пределами России и пишущих на русском языке.

За первые двенадцать лет существования «Русской премии» (2005—2017 гг.) её лауреатами стали 97 поэтов и прозаиков из 28 стран мира. Среди них Мариам Петросян и Геннадий Русаков, Сухбат Афлатуни (Евгений Абдуллаев) и Яан Каплинский, Дина Рубина и Наталья Горбаневская, Борис Хазанов и Николай Верёвочкин, Бахыт Кенжеев и Вячеслав Шаповалов, Евгений Ключев и Даниил Чкония, Владимир Лидский и Тамерлан Тадтаев, Шамшад Абдуллаев и Юз Алешковский...

Новым учредителем премии стала Ассоциация союзов писателей и издателей России при содействии Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ и «Центра поддержки отечественной словесности».

На соискание премии была зарегистрирована 591 заявка от авторов из 55 стран мира. В Короткий список вошли произведения писателей из 11 стран: Азербайджана, Белоруссии, Германии, Грузии, Дании, Казахстана, Киргизии, Китая, Латвии, Молдавии и Узбекистана.

Предваряя итоги коллективного выбора жюри, его председатель — поэт Максим АМЕЛИН — отметил:

Русский язык был и остаётся одним из главных мировых литературных языков. Не омертвевший, не превратившийся в современную латынь, по-прежнему подвижный, живой и прекрасный, он способен выразить сколь угодно прихотливые и глубокие мысли и чувства.

Пространство русского языка не ограничивается территорией России. Сотни поэтов и прозаиков, сознательно выбравших русский язык в качестве основного инструмента, продолжают работать, создавая художественные произведения.

«Русская премия», возобновлённая после перерыва, призвана отмечать наиболее заметные художественные явления, возникшие за последние годы, поскольку

на наших глазах происходит смена поколений писателей. Они наравне с нами, живущими и пишущими в России, ищут новые способы и формы выразительности, отвечают на вызовы современности, сохраняют традиции русской литературы, привносят ароматы тех культур, в среде которых живут.

«Русская премия» стремится поддержать наиболее талантливых авторов, пишущих на русском, вне зависимости от их национальной и культурной принадлежности, дать им возможность в полной мере предъявить свои художественные достижения читающей публике и почувствовать себя не на обочине, а в центре единого литературного пространства русскоязычья.

Жюри этого года рассматривало произведения тринадцати авторов, представленных нам экспертами: семи прозаиков и шести поэтов. Выбор оказался трудным, потому что все, вошедшие в короткий список, — вполне состоявшиеся творческие единицы со своими художественными мирами, настолько разными, что выделить основные тенденции и ключевые направления невозможно, скорее нужно говорить об индивидуальных творческих стратегиях. Поэтому нам пришла на помощь и выручила царица наук — математика.

Итак.

В 2024 году первое место в номинации «Проза» получил роман белорусской писательницы Хелены ПОБЯРЖИНОЙ «Валсарб» (Альпина, 2024). Второе место — у прозаика Даниэля БЕРГЕРА из Киргизии за роман «Кофе с перцем» (РЕШ АСТ, 2024), третье место — у романа Тимура НИГМАТУЛЛИНА (Казахстан) «Я не вру, мама» («Дружба народов», 2020, № 9).

В номинации «Поэзия» первое место — у Сергея ПАГЫНА (Молдавия) за подборку под названием «И немного музыки неисполнимой». (Сергей Пагын — лауреат премии «ДН» 2023 года в номинации «За сохранение и развитие традиций русской литературы». — *Прим. ред.*) Второе место — у Адалата ИСМАИЛОВА (Азербайджан), подборка «Дальтоник». Третье место — у Натальи БЕЛОЕДОВОЙ (Узбекистан), подборка «Хрупкие стены».

В этом году вышедшие в финал писатели получили задание: написать сто слов о русском языке в их жизни.

Хелена Побяржина, Беларусь

«Я, мои произведения и русский язык»

Всю свою жизнь я ищу У Мира — Творения и умиротворения, не терплю рамок, не знаю, что говорить о себе. Хожу в лес За словами, как ходят По ягоды и грибы. Кстати, поляки ходят в лес На грибы и На ягоды; так, словно гости На уже приготовленные дары: суп из грибов или пирог с малиной. Белорусы ходят Ё грибы и Ё ягады, что по-русски звучит как: прямо в гущу, напролом через бурелом. Но я пошла в зимний лес, чтоб найти слова о себе, о том, как русский язык режиссирует мою жизнь, и только забрезжило что-то... как мне велели передать, что рамки, что нужно уложиться в сто слов, что...

Даниэль Бергер, Киргизия

Русский язык — мой рабочий инструмент. Его красота для меня второстепенна. Гораздо важнее, чтобы он сам становился героем там, где герои молчат. Если при этом получается красиво — отлично. Если получается нечто странное — это тоже имеет свою прелесть. «Я странен. А не странен кто ж?»

*Адалат Исмаилов, Азербайджан***«Чёрный рояль»**

В поселковой русской школе появился рояль, списанный Тбилисской филармонией и отправленный в наше захолустье. Неделью он лежал поверженный без ножек и крышки, словно околевавшая вороная лошадь с пожелтевшими зубами. А потом пришёл наш сосед по улице А.Пушкина плотник дядя Семён Верещагин из местных молокан. Двадцать дней мы вместе ходили в школу, и он рассказывал мне истории про свою молодость, про войну. Тридцать три года назад дядя Семён умер. Через год закрыли русскую школу. Улицу А.Пушкина переименовали. Многое изменилось и исчезло в нашем поселке. Остались лишь воспоминания, русский язык и рояль.

Сергей Пагын, Молдова

Немецкий философ Мартин Хайдеггер писал о том, что язык — это дом бытия, то есть это возможность пребывания в определённой культуре. Так вот для меня таким домом стал русский язык. И оказывается, в этом доме можно жить и творить, волею судьбы будучи оторванным от России. И эта возможность существовать автономно, в самой стихии языка, говорит о его величии и универсальности. Что же до поэтического творчества, то для меня это — путь, движение в сторону своего предназначения, как бы это пафосно ни звучало. И путь этот полон заблуждений и иллюзий. Но попытаться всё-таки стоит! Я желаю всем нам удачи на этом пути!

Анастасия Хатиашвили, Грузия

Во мне пятьдесят на пятьдесят русской и грузинской крови. Я воспитывалась в двух великих культурах — Грузии и России. Своё первое стихотворение я написала в кабинете русского языка и литературы, где меня окружали портреты Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Чехова. И через мир их произведений я знакомилась с жизнью. Жизнь решила или я, но любовь к литературе вылилась в страсть к писательству — на русском языке. На русском я мыслю и сформировалась как личность. Не знаю, кем я была бы, если бы говорила на японском или финском. Но в этой жизни я говорю и пишу на русском, и люблю это дело больше всего на свете.

Наталья Белоедова, Узбекистан

Для меня язык — способ взаимоотношения с миром. Я думаю и говорю на русском языке. Например, я вижу птицу и называю её: майна, сорока, воробей. Названная, она становится частью моего языка и поэтики. Мне нравится быть в состоянии, словно я «только приехала в этот мир». Это состояние удивления. Назвав то, как тень от дерева падает на раскалённый асфальт или как июльским полднем воркует горлинка, я придаю своему удивлению форму. Потом, через эту форму, читатель тоже может удивиться, порадоваться, погрузиться. Русский язык — это возможность делать слепки, фотографии, кино, попасть из одной реальности в другую.

Тимур Нигматуллин, Казахстан

Меня зовут Тимур Нигматуллин. Я автор из Казахстана. Сколько себя помню, я учусь говорить, думать и писать на русском языке, и он для меня является неотъемлемой частью жизни. Язык и жизнь для меня слились в один клубок, в котором зачастую появляются ошибки, кривые обороты, громоздкие сравнения, уводящие сюжет и героев в неверную сторону. Но я стараюсь. Стараюсь писать, пытаюсь найти тот настоящий русский язык, где и герои, и сюжет, и замысел устроят и автора, и читателя, и издателя.

Илья Одегов, Казахстан

Для меня язык — это магическая система познания себя и мира. И пишу я для того, чтобы через слова попытаться понять и выразить сущность всего. Так вышло, что в детстве я получил в дар систему именно русского языка. Потом попробовал другие — английский, японский... Они были интересны, но именно русский остался для меня и наиболее волшебным, и самым созвучным мне. Просто я чувствую себя писателем, который одной ногой стоит в Европе, а другой — в Азии. И русский язык ведь такой же: он объединяет в себе тюркизмы и латинизмы. И именно он звучит там, где сливаются Восток и Запад.

Ирина Чуднова, Китай

Я — автор стихов, короткой прозы, фотографий. Геолог-разведчик в анамнезе. Русский поэт в Китае. Исследователь слова словом. Люблю податливость сопротивляющихся материалов. Люблю возникающее между словами пространство размером с Марианскую впадину и, одновременно, плотность, чтобы лезвия не втиснуть. Люблю тройственность синтаксиса, звука, живых картин. О чём ни начну, сбиваюсь на высокое. Упрощая, уплотняю до разреженного воздуха высоты. Говорю камнем, водой, деревом, огнём, металлом, ветром. Молчала двенадцать лет. Пишу ибо нелепо. Забочусь о читателе до/после стиха, но не во время. Понимаю мироздание, чтобы создать мироздание. Живу мимо времени. Озабочена временем. Расширяю границы. Люблю ясное, твёрдое, тонкое и непроявленное. Надмирна. Сопричастна жизни.

Амина Дамадаева

Отпуск с Джамалудинчиком

Рассказ

В первый день короткого, но долгожданного отпуска в мою жизнь ворвался Джамалудинчик.

С утра ничто не предвещало беды, но в обед Малика отказалась от моей божественной фунчозы и ушла за шаурмой. Вернувшись, она дольше обычного мыла руки, а потом начала, как всегда, издалека.

— Аминка, а если взять в руки больную птичку, чем самым страшным можно от неё заразиться?

— Ничем!

Я была как камень. И хотя сразу погуглила птичий грипп и орнитоз, продолжать разговор, который, как подсказывала интуиция, имел целью превращение нашей квартиры в птичелечебницу, не собиралась.

Малика у нас тонкий психолог, она пытается разбудить мою светлую сторону и выдаёт каждое выверенное предложение с интервалом в полминуты.

— Он лежал на дороге такой несчастный, его могли съесть кошки, я принесла его во двор и положила под машину, чтобы он в тени полежал... Во дворе сказали, что он сильно болеет... Он умрёт, наверное, а умирать страшно?.. А он, кажется, совсем не старый, ему рано умирать!

Тут моя нежная психика не выдержала, и я рванула во двор вместе с Маликой. Нестарый птиц оказался совсем юным и даже относительно здоровым. Это был слётка стрижа, неудачно выпавший из гнезда. Я обрадовалась ему как старому знакомому. Потому что восемь лет назад уже был стриж-слётка, он полтора дня полежал у нас в коробке на балконе и улетел, когда я вынесла его в парк и подержала на вытянутых руках. Какой это был кайф — смотреть, как он улетает! Он покружил над нами, простился, и на огромной скорости растворился в небе.

Дамадаева Амина Магомедовна — писатель. Родилась в 1974 году в Махачкале. Окончила исторический и юридический факультеты Дагестанского государственного университета. Автор сборника рассказов «Херося» (Москва, 2023), печаталась в журнале «Дагестан». Живёт в Махачкале. В «Дружбе народов» публикуется впервые.

Мы забрали стрижа номер два домой, сделали ему домик из картонной коробки. Коробку обшили старыми футболками, дно выложили бумажными полотенцами и стали искать корм. Я обзвонила миллион зоомагазинов, пока не нашла подходящую еду для стрижа. Ест он только деликатесы: сверчков, тараканов и полосатых гусениц с красивым именем зофобас. Мы запаслись едой на три дня и потратили две тысячи рублей. Предполагалось, что за эти дни стриж улетит, добавив нам плюсов в карму, а я продолжу наслаждаться отпуском.

Сверчкам надо было вырвать ножки и ногтем расплющить голову, а гусениц выдавить из кокона. Чтобы выкормить одного стрижа, я каждый день убивала около ста живых существ с особой жестокостью. Карма чернела с огромной скоростью, а птиц, наоборот, повеселел и обрёл веру в себя.

Стриж — это такой малюсенький орёл, тот же профиль, размах крыльев и характер. Когда он открывал клюв, казалось, что его огромный рот может вместить не только сверчка, но и некрупного барана.

Наш мини-орёл не сразу стал Джамалудином. За brutальную внешность, серьёзное выражение морды и в память о черепахе, которая прожила короткую яркую жизнь у моей сестры Аси, стриж получил солидное имя Шапи Гапизович.

Каждое утро мы вставали в шесть утра и пытались отпустить стрижа в большой полёт в парке Ак-Гель, но Гапизович впивался своими лапками мне в руку и всем своим видом показывал, что лететь никуда не собирается.

Когда закончился корм, я поняла, что стриж у нас поселился всерьёз и надолго. Потратить все свои скромные отпускные на корм для стрижа мне показалось сомнительной затеей, я перевела его на дешёвый рацион и начала кормить куриным филе, хотя домашние меня обвиняли в том, что я ращу каннибала. Впрочем, филе он ел с неменьшей радостью и аппетитом, к тому же курице не надо было отрывать ножки и расплющивать голову, это до меня уже сделали другие добрые люди. Иногда я давала ему червячков, которых находила во фруктах и овощах. А как меня обрадовала червивая кукуруза! Оказалось, что кукурузу любят правильные черви — жирные и вкусные.

Айшат заявила, что мы неправильно выбрали стрижу имя.

— У Шапи Гапизовича была несчастливая судьба, — сказала она. — Он умер в самом расцвете сил, и стриж тоже почему-то не летает. В таких случаях в Дагестане обычно меняют имя!

Если имя Шапи Гапизович устраивало всех, то с новым сложилось не так гладко. У каждого члена нашей семьи нашлось для птенца своё. Мне сразу было понятно, что он Джамалудин! Есть в этом имени полёт, красота, дагская дерзость, мудрость праведных предков и хороший аппетит!

Айшат прозвала его Аленделоном за красоту, Аида — Багаудинчиком за хорошую работу выделительной системы (не спрашивайте), а Малика за то же самое — Насруллой Акакиевичем.

Я вставала в два часа ночи и в шесть утра, чтобы кормить стрижа. Почти не выходила из дома, потому что днем каждые два-три часа его надо было кормить и менять пелёнку. Я, свободная женщина гор, оказалась вынужденной сидеть дома и обслуживать прихоти и потребности Джамалудина. За время отпуска

мне удалось съездить только на пикник в горы и в домик у моря на пару дней, но уже в сопровождении стрижа. Ночью и днём, в горах и на море он пищал и трещал без всякого перерыва. Казалось, что он поёт свои стрижиные песни даже во время сна.

Однажды я открыла сайт «Авито» и увидела, что девушка Фатима предлагает на продажу зофобас по гуманной цене. Я тут же ей позвонила и узнала, что она начала разводить гусениц только из-за стрижей. Год назад Фатима подняла выпавшего стрижа и не знала, чем его кормить.

— Если вам для стрижа, я бесплатно отдам! — сказала она.

Фатима предложила мне позвонить в Ставрополь к главной по стрижам по имени Марина и рассказать о своей находке.

Марина сначала похвалила за то, что я подняла стрижа и первые три дня его правильно кормила, но когда узнала о курятине, злобно прокричала:

— О господи, как вы могли, вы же всё испортили!

Оказалось, что в стране от Калининграда до Владивостока промышляет секта по спасению стрижей. Люди выращивают корм, ищут и выхаживают птенцов, лечат больных птиц и даже берут их с собой в командировки по всей стране. Марина рассказала, что в её доме сейчас небольшая стрижиная ферма, и она надеется выходить и выпустить в небо всех птиц.

Она тут же меня связала с Мадлен из Грозного, которая отправила в Махачкалу с утра на маршрутке пакет вкусных мраморных тараканов и банановых сверчков. Они были обложены льдом и запакованы в термопакет.

За время своего отпуска я узнала, что стрижи месяцами могут летать, не садясь на поверхность, есть любят много и с удовольствием, что мраморный таракан гораздо питательнее и вкуснее туркестанского, а домовый сверчок так себе еда в сравнении с банановым.

Но в конце отпуска, когда Джамалудин уже весил 42 грамма и я надеялась на днях отпустить его в небо, случилось страшное — у стрижа из хвоста выпало четыре пера.

— Это, — сказала мне Марина менторским тоном, — последствия вашей самодеятельности с куриным филе.

Выяснилось, что теперь Джамалудину нужно выдернуть все перья и вырастить новое оперение. А сделать всё это может только девушка Катя из Питера, потому что она специалист по выдёргиванию перьев и отращиванию новых.

Я испытывала угрызения совести за то, что решила сэкономить на таком прекрасном Джамалудине, и была готова на любое решение проблемы.

Мне предложили направить стрижа в Кисловодск на машине представительского класса с кондиционером, чтобы потом девушка Аня из этого города переслала его в Ставрополь к Марине. Из Ставрополя в Питер выезжает семейная пара с Джамалудином и ещё одним стрижом. Пара обязуется в дороге стрижей кормить, поить и развлекать. В Питере Катя полтора-два месяца кормит стрижа правильным питанием, колет укольчики с витаминами, ботокс, и с новым оперением везёт моего красавчика Джамалудинчика

в Геленджик. Потому что выпускать в сентябре его можно только на югах. Я порадовалась за то, что хотя бы стриж неплохо проведёт лето, раз мой отпуск не задался. Пусть отдохнёт за меня в Кисловодске, Питере и Геленджике!

Джамалудину предстояло путешествие в Кисловодск к ещё одному члену секты — Ане. Аня не первый раз встречала стрижей из Дагестана. Она рассказала мне прекрасную историю о стрижеспасателях-дагестанцах — студенте, который выхаживал стрижа, и отце студента, который выбросил в парке стрижа с ампутированным крылом, пока сын был на занятиях. «Сын пошёл против отца и в ночи отправился искать птицу, а это у вас страшный харам!» — объясняла она мне, пытаясь блеснуть скромными познаниями дагестанских обычаев. Студенту удалось найти птицу и отправить в Кисловодск! Водитель так проникся историей бескрылой птицы, что домчал стрижа в Кисловодск из Махачкалы за четыре часа. «Стоит такой с виду бородастый громила-бандюган с коробкой в руках и спрашивает: “Вы, пожалуйста, посмотрите, нормально он доехал, я успел?” — рассказывает мне в ватсапе Аня. — Очень переживал за птичку, это было так трогательно».

Моего стрижа тоже повёз на машине с кондиционером брутальный юноша с бородой по имени Билал, чем-то похожий на самого Джамалудина. Тараканов и сверчков было решено оставить в моём морозильнике на случай, если кто-нибудь ещё в Дагестане найдёт стрижа. Ждать долго не пришлось, через два дня мне позвонили из секты и велели передать корм ещё одной стрижеспасательнице. Оказалось, что девушка Сайгибат живёт в соседнем со мной доме и выхаживает взрослого стрижа, который залетел в торговый центр и повредил крыло.

Так закончилась моя вторая стрижиная история. Только Аида иногда поёт: «Замечательный Аминт меня вывез в Геленджик!» А ещё я узнала, что пищат только стрижики-девочки, и наш Джамалудинчик на самом деле был Джамилат.

Гузель Агишева

Бапэс и картатай

Табачный дым подвижной сетью навис над креслом, в котором сидит человек. Он приник к большому радиоприемнику, издающему глуховатые звуки. Левая часть панели освещена, и этот магический свет уносит куда-то вглубь... В Бухарест, Лондон, Прагу... Но сейчас это не важно, даже Казань, которая иногда из глубин этой чудесной машины передает ему привет стихами Тукая или песней «Киек казлар» не важна. Говорит Андроников, он его никогда не пропускает, ждет, и потом ещё не раз возвращается к услышанному, дополняя сказанное собственными деталями. Их он знает великое множество, так устроен: улавливать детали, интонацию. Люди в разговоре с ним всегда ощущают неподдельный интерес и раскрываются с неожиданной стороны. Он потом ходит и размышляет об этом, другой бы сто раз забыл, но не он. Во многом это потому, что он давно, уж пару десятков лет-то точно, не может сам читать. Ему читает жена. Это последствия перенесенной в детстве болезни. Отец в 1915 или 1916 даже возил его к знаменитому Филатову в Одессу, но тот не смог ничего сделать. И слышит тоже плохо. Но глаза, глаза... Эх, если бы он мог видеть!

В комнату входит дочь Лира с коробкой.

— Пап, сейчас Гузеле будем банки ставить. Она здесь на диване полежит немного.

— Тогда пойду пройдуся. Не хочу, чтоб ребенок со мной отрицательные эмоции связывал, — простодушно говорит бабушка.

— Ну, ты, пап, хитрец!

Его хитрость лежит на поверхности, как и моя: «Бабушка, ты меня два раза звал, а я не слышала. Почему же в третий раз не позвал?» Может, поэтому мы с ним так близки.

Гузель Агишева, журналист. Родилась в Уфе в 1956 году. Окончила отделение журналистики Казанского госуниверситета. Работала в республиканской молодежной газете, в газетах «Комсомольская правда», «Известия», в настоящее время — редактор отдела газеты «Труд». Печаталась в литературных журналах «Казан углары», «Агидель», «Бельские просторы», «Дружба народов». Автор книг «И птицы никуда не улетят» (2005), «Реставратор всея Руси. Савва Ямщиков» (2010; удостоена Всероссийской премии «Хранители наследия»), «Утренние слова» (2012). Лауреат нескольких премий Союза журналистов СССР и Союза журналистов России. Живёт в Москве.

Лира, мамина сестрѐнка, часто повторяла, что дед любил меня просто болезненно. С первого дня появления на свет. А уж когда случилась драматичная история с ногой и я на полгода загремела в туберкулезный диспансер, дедушка просто места себе не находил.

Помню, как закованную в гипс по пояс, меня уложили в архинеудобную, тесную железную койку — высокую, напротив двери с окном, которое вечерами загоралось ярким жѐлтым светом; за ним видны были тени крепких санитарок, пахнущих хлоркой, слышались их шаги. Можно было уловить отдельные слова или даже фразы, тонущие в громыхании железа, звуках льющейся воды. Никаких контактов с внешним миром, посещения не разрешались. Мне кажется, я порывалась подняться — со всей яростной энергией, на которую способен ребенок. Тут же фигура в белом властно произносила: «Лежи спокойно. Будешь елозить, останешься тут надолго».

Невыносимо было лежать плоско без возможности шевельнуться, неприятен был запах казенной пищи, точно по часам сочащийся из-под двери, никогда не хотелось ее есть, не хотелось разговаривать с теми, кто лежит на таких же кроватях рядом.

Сорок с лишним лет спустя прочитала дедушкины дневники о событиях тех дней. Сердце заныло от его наивной доверчивости: он верил всем этим туберкулезным лгуням. Писал, что звонил в санаторий (слово-то какое!), куда родственникам не разрешено приезжать, и ему сказали, что ребенок веселый, контактный, отлично ест и всюю болтает по-русски! Какая радость! Аппетит, желание общаться! И русский там выучила! Они называют ее Гузеленька, значит, хорошо к ней относятся. С такой бодростью дед пишет об этом. Он ждет не дождется, когда с Фарданой, моей бабушкой, они приедут ко мне на 7 ноября. Уже загодя получено согласие главврача, который пошел навстречу известному писателю.

Накануне дед в предвкушении — все мысли только о предстоящем визите.

7 ноября они приехали с бабушкой, которую он полушутя называл ханум, Фардана ханум. Тщательно выбритый — не электробритвой, а опасной пакэ, что до блестящей гладкости убирает со щек жесткую седую щетину, выращавшую за полдня. Слегка спрыснутый одеколоном, с маленькими желтоватыми от вьевшегося табака руками. И ханум под стать, костюмчик из дорогой шерсти. В пакетах фрукты, игрушки, к которым я всегда была равнодушна, и флажок — 43-я годовщина Октябрьской революции. Они настроились на щебетанье, шутки, а перед ними лежал ни на что не реагирующий ребенок. Они старались меня развеселить, дедушка протянул флажок. Пальцы его не приняли. Дедушка просто всунул его в кулачок, и тогда ребенок спросил: «Значит, я опять остаюсь одна?» Старики не выдержали и вышли в коридор.

Любительское фото запечатлело события тех лет. Пухлые ножки в ботиночках спущены с пышной кровати, чуть отросшие после бритья волосы, высокие брови — одна, с изломом, выше и изумленно застыла, глаза смотрят внутрь. Фото сделано в первый день после диспансера. Полгода лежания в гипсе оставили на гиперподвижной, звучной девочке глубокий след, так казалось на тот момент моим близким. Вместо болтушки и непоседы, которую при выходе

из дома бабушка непременно «брала под уздцы» — крепко ухватывала за руку, вместо бесконечных вопросов, на кровати сидел смиренный человек, погруженный в свою думу. К ужасу всех я ещё и ходить разучилась.

С этой минуты всё вертелось вокруг бапэс. «Пойду, пожалуй, воздухом подышу», — говорил дед, любивший вечерние моционы, особенно зимой. «А чем же я буду дышать?» — выбегала я из комнаты. «Ну, давай одевайся!» И вот мы уже бредем с ним в метельный, морозный вечер по Чернышевского с ее деревянными домиками. Дедушка ходит с палочкой. Ему нравится перкуссия легких шагов и деревянной трости. Иногда останавливается, что-то обдумывает, я не мешаю, тоже что-то придумываю.

На долгие годы я сделалась его хвостиком и уже тогда понимала: мой дедушка совсем не похож на остальных дедушек. С ним всем весело: почтарке, приносящей домой пенсию, дворнику, колющему во дворе лед, милиционерам, обходящим дозором нашу улицу — там жили важные люди, — машинисткам редакций, медсестрам, к которым он ходил на уколы. Домашние были спокойны, когда я неотступно следовала за ним, ведь дедушка не только плохо видел и слышал, но и был везде нарасхват.

Стоило нам завернуть в юмористический журнал «Хэнэк», как там всё приходило в движение. Я застревала возле машинисток, замороженная их ритмичным постукиванием, а взрослые подтягивались в комнату, где находился дед. Вдоволь настучавшись по клавишам, погоняв каретку, задаренная цветной копиркой, я отрывалась наконец от добродушных тетенок и, выйдя в пустынный, гулкий коридор, безошибочно находила нужную комнату. Это было просто: откуда доносились громкие возгласы и гомерический смех — там и он. Взору представала картина: стулья повернуты к тяжелым конторским столам, на них сидят разгоряченные мужчины, а на столе, как на подиуме, в клубах сизого дыма мой сублинный дедушка. Стоял, опираясь на палку, что-то рассказывал, рядом парила пепельница — кто-то услужливо ее подносил. Иногда дедушка закашливался, но продолжал солировать. Рядом что-то энергично булькало в стакан, и тут я вспоминала, что дома меня призывали бдить, действовать сообразно обстановке.

— Картатай, пойдём, да?

— Конечно, бапэс, — мгновенно откликнулся он.

«Бапэс» означает «внучка», но мне слышалось в этом слове ещё и другое, близкое по звучанию и очень уютное — «котенок».

Поздними зимними вечерами, когда бархатное небо полно звезд, а по скрипучей дороге метет поземка, мы брели с дедушкой по Карла Маркса, сворачивали на Чернышевского, и там, на углу Социалистической, стоял дом, который манил меня своей таинственностью. Он был сложен из небольших, плотно пригнанных кирпичей, над входом — кованый козырек. Я всматривалась в освещенное окно — через приоткрытую дверь комнаты видна была удаляющаяся перспектива загадочной глубины. Однажды я разглядела наряженную елку и совершенно голую пухлую тетку с длинными набок свешивающимися волосами. Будь я постарше, сказала бы, что мне привиделась ожившая картина Шагала или

Кустодиева, но я ещё понятия не имела об этих художниках. Просто засмеялась и закрыла ладошками рот, словно она могла меня услышать. Дедушка был погружен в свои думы, и я его спросила:

— А что ты делал, когда был маленький?

— Учился в медресе.

— Что это — медресе?

— Школа для мальчиков. Только учит мулла. А потом эти мальчики сами становятся муллами.

— А-а, — сказала я. — Значит, ты должен был стать муллой?

— Да, но я не хотел и поэтому сбежал.

— И что было дальше? — оживилась и одновременно встревожилась я.

— Дальше меня поймали и вернули. Но я опять сбежал.

— И они тогда?

— Они тогда перестали за мной бегать. Сказали, пусть живет, как знает.

— И как же ты такой маленький жил?

— Работал мальчиком в магазине купца Каримова.

— Он был плохим, этот купец?

— Нет, был хорошим. Я должен был громким голосом зазывать покупателей, чтобы они заходили в магазин, покупали всякую всячину: ткани, нитки, пуговицы.

— А как же твои родители? Они разве не беспокоились?

— Беспокоились, наверно. Младшая жена отца даже продала свое монисто из серебра с бирюзой и кораллами, а деньги прислала мне через знакомых.

— Значит, у твоего отца было сразу две жены? Разве так бывает?!

— Так бывало. Отец был муллой, у него было две жены — старшая, моя мать, и младшая. Младшую я любил больше, она была добрая.

Я шла и переваривала услышанное.

Утром, ближе к полудню, мы иногда с ним ходили на базар. Деревянный, ветхий и скучный. Правда, там были вкусные ливерные пирожки и приятно шуршащие цветные шарики на резинках. Их продавал инвалид без ног. Он сидел на деревянной платформе с выставленными вперед культями и напоминал тряпичную куклу, а передвигался, отталкиваясь от земли деревянными колотушками.

В темных рядах под навесами деревенские тетки в шалях торговали каймаком и медом на розлив из больших алюминиевых фляг. Дедушка подошел к круглолицей башкирке, спросил, как торговля. Та в сердцах махнула рукой. «А вы сами-то, сестрѐнка, откуда будете?» — «Из Бурзяна мы, бабай». — «Ну-ка, сестрѐнка, давай свой фартук, — весело сказал ей дедушка, — я попробую!» И вдруг закричал на весь базар: «Народ, не проходи мимо! Попробуй лучшего в мире меда из самого Бурзяна! Зрение он делает острым, как у орла, тело сильным, как у медведя, ум проницательным, как у филина, а сердце мягким, как воск. Самые ароматные цветы и травы — в Бурзяне! Все лучшее — из Бурзяна! Пробуй, народ, и убеждайся!» Его голос был таким густым и энергичным, что абсолютно все принялись выискивать взглядами, кому же он принадлежит. И улыбались, поняв, что принадлежит он вот этому невысокому старичку. Он зазывал,

«Только детские книги читать...»

Круглый стол. Продолжение разговора

*Елена АЛБУЛ, Ирина БАЛАХОНОВА, Ирина БОГАТЫРЁВА,
Юрий НЕЧИПОРЕНКО, Валентина ПАТРОНОВА, Елена УСАЧЁВА*

Осенью минувшего года «Дружба народов» провела в Российском детском фонде круглый стол «Дети и мир XXI века в современной литературе». В нём приняли участие писатели, переводчики, литературные критики, школьные и вузовские педагоги, библиотекари, блогеры из Москвы и Бишкека, Иваново и Санкт-Петербурга, Омска и Ташкента: Евгений Абдуллаев (Сухбат Афлатуни), Мария Ануфриева, Эдуард Веркин, Светлана Волкова, Дмитрий Гасин, Нина Дашевская, Марина Колесникова, Ирина Краева, Юлия Кузнецова, Наталья Кутейникова, Владимир Лидский, Анна Маркина, Борис Минаев, Елена Нестерина, Саша Николаенко, Николай Пономарёв, Валерия Пустовая.

Мы предложили несколько тем для обсуждения:

- Юный герой в постсоветской литературе на русском языке: книги-события (на уровне читательского сообщества и личные впечатления). Новые писательские имена.*
- Что интересно подросткам 13—15 лет в книгах современных отечественных и зарубежных писателей?*
- Традиции советской литературы для детей и подростков и модификация жанров (роман взросления, школьная повесть, рассказы о животных и др. — что и почему сохранилось, что взамен?).*
- Чем вызван всплеск интереса к литературе Young Adult в последнее десятилетие?*
- Новые герои в новых обстоятельствах.*

Опубликованные в № 11—2024 размышления участников попали в контекст острой общественной, одобренной идеологическими оценками и призывами, дискуссии и вызвали живой отклик. Мы решили, что стоит разговор продолжить.

Елена Албул, поэт, прозаик, музыкант (г. Москва)

О бедном герое замолвите слово

Да, речь пойдёт о герое. Потому что актуальность актуальностью, тема темой, а первое, что читателю важно, что заставит — или не заставит — его следить за сюжетом и сопереживать происходящему, — это герой.

Помню, в школе меня всегда задевала разница между бытовым пониманием слова «герой» и его литературоведческим значением.

Не нашлось неужели какого-нибудь «центрального персонажа» или там «главного действующего лица», чтобы не покушаться на такое замечательное слово, не лишать его ореола и фанфар, думала я. Потом привыкла. Ну и вообще: взрослый читатель должен понимать, что «герой» — понятие растяжимое и такое многоплановое, что, даже если он пришёл с топором к старушке, сочувствовать можно не старушке, а ему.

А если читатель не взрослый?

Нет, с читателем маленьким всё ясно. Его герои — зайчики, мишки, собачки — не подведут, на них всегда можно положиться. И моральные качества на высоте, и в поступках разобраться нетрудно.

С читателем той неотчётливой дефиниции, для которой русского определения не нашлось — *young adult*, — тоже, в общем, понятно. Там герои хоть и не взрослые, но у них всё по-взрослому, то есть так, как это представляет себе взрослый автор, вспоминающий свою юность и пытающийся привить к воспоминаниям современный молодёжный сленг.

А вот те, кто входил раньше в категорию «средний школьный возраст», — каких героев встречают они, условные пятиклассники, в предназначенных для них книжках?

Не буду отклоняться в соблазнительные пейзажи читательских предпочтений, где в горной цепи Околонаучной Фантастики высится пик Фэнтези и где за джунглями Детских Детективов прячется скромная долина Реальных историй. Этот пейзаж впечатляет, но нарисован он статистикой, а статистика отражает не столько читательские, сколько издательские предпочтения. Дети — существа зависимые — они едят то, что готовит мама, они читают то, что предлагает издатель, а он предлагает то, на что сформирован спрос. Чем был бы легендарный Биг-Мак без созданной умелыми руками легенды? Ватной булкой с котлетой. Чем был бы «Гарри Поттер» без маек, рюкзаков, ручек, наклеек и прочей номенклатуры плюс тяжёлой артиллерии в виде кино? Сказочной книжкой в ряду сказочных книжек.

Поэтому давайте смотреть не на этот умозрительный пейзаж, а на того, кто в центре любого повествования. На героя то есть.

Герои бывают разные.

Тот, кто волею автора помещён в Зазеркалье-Беспределье-Межпланетье, справляется со всеми передрыгами с помощью волшебного чего-то и уверенно побеждает Зло, — разумеется, не окончательно, чтобы было из чего вырастить следующую книжку.

Герой детективов тоже понятен и предсказуем, он ищет и всегда найдёт.

Меня же больше интересует герой в книгах авторов, которые выбирают путь реализма. Как-то незаметно сложилось, что в контексте реальной жизни, который куда более разнообразен, чем очередное Средиземье, герои подозрительно друг на друга похожи. Не все, конечно, не все. Но тенденцию нельзя не заметить.

Вот стоят они перед нами, мальчики и девочки: как правило, некрасивые, иной раз с физическими недостатками, с тяжёлыми недугами, ненавидимые всем миром, — в крайнем случае, просто беспредельно одинокие, отчаянно скучающие и страдающие, страдающие, страдающие... Открываю наугад один из популярных подростковых журналов, там среди прочего (кстати, интересного и жизнерадостного) четыре рассказа: в одном мальчика в школе затравили, страдает; в другом девочка в инвалидной

---

1. Юный герой в постсоветской литературе на русском языке: книги-события (на уровне читательского сообщества и личные впечатления). Новые писательские имена.

2. Что интересно подросткам 13–15 лет в книгах современных отечественных и зарубежных писателей?

коляске не радуется жизни; в третьем жизни ни у кого вообще нет, потому что дома престарелый дедушка, и за ним надо ухаживать. И только в четвёртом читатель может перевести дух — но там для маленьких. Про кузнечика.

Посмотришь на контекст, в который авторы помещают героев, и не удивляешься их страданиям. Если семья полная, то проблемная, если неполная — проблемная вдвойне. Одноклассники придурки, учителя звери, или наоборот. Никто тебя не понимает, друзей не завести, остаётся только в Сеть с головой. И это ещё хорошая перспектива!

Здесь должны уже лететь критические помидоры: как можно позволять себе подобный тон, когда речь идёт о реальных жизненных ситуациях — страшных, неразрешимых и повсеместных? Вот о таком и надо писать в художественной прозе, и чем больше, тем лучше!

А вот неочевидно.

Писать-то надо, и пишут. И пишут много. Так много, что серьёзность тона уже серьёзно не воспринимается — в привычку входит, ветшает, как платье. Валерия Пустовая, серьёзнейший критик, анализируя книги современных авторов, ясно видит тенденцию: ребёнок — чистый ангел, напоминающий нам о ценностях жизни, — не может не стать жертвой лицемерного, построенного на насилии мира взрослых.

Сильно сказано, да? А теперь давайте без лирики. Вы — вот вы, кто читает сейчас эти строчки, — вы тоже часть лицемерного мира взрослых? Тоже мучите окружающих, больших и маленьких? А в детстве, видно, сами были жертвой, прозябали в чулане под лестницей, и бесчувственные родственники вами всячески помыкали?

Сомневаюсь я, что каждый взрослый, оглядываясь на своё детство, подпишется под такой картинкой. Детское восприятие избирательно, и в самых тяжёлых условиях у ребёнка найдутся свои радости, и никчёмный алкоголик может оказаться для ребёнка любимым папкой, а уж в обычной жизни, в обычной семье... В детском мире всё искренне, и наши детские воспоминания, как правило, легки и солнечны, память оставляет главное: беззаботность, тепло, защищённость — ты среди своих. Потом, конечно, когда розовый период детства проходит, жизнь усложняется, и многое в ней может заставить страдать, но чтобы вся она только из страданий и состояла? Да, подростку свойственно преувеличивать, но книги-то пишут взрослые, и неслучайно я останавливаюсь на контексте, в который автор помещает героя. Часто антураж такой, что завоешь.

У Высоцкого в песне «Старый дом» скисшие душами обитатели вертепа разясняют заезжему путнику: «Мы всегда так живём», — и читатель ловит жуткий подтекст этого «так». Но и понимает — «так» всё-таки не у всех, и уж точно не у него. Ужасы в жизни, конечно, бывают, но рассеяны по судьбам не так густо, как в литературе. И берёт он бестрепетно очередную книгу какого-нибудь мастера кровавого жанра и щекочет себе перед сном нервы. Потому что он взрослый, у него жизненный опыт, а у некоторых даже мировоззрение. Действительно, вокруг одни лицемерные гоблины, но всё-таки в книжках — это в книжках.

А у ребёнка — у подростка, о котором речь и идёт, — никаких устойчивых взглядов на жизнь пока нет, не выработались ещё. Он из литературы и берёт эти самые взгляды. Смотрит на героя и примеряет на себя его видение, его мысли, его поступки. А герой у нас кто?

---

3. Традиции советской литературы для детей и подростков и модификация жанров (роман взросления, школьная повесть, рассказы о животных и др. — что и почему сохранилось, что взамен?).

4. Чем вызван всплеск интереса к литературе Young Adult в последнее десятилетие?

5. Новые герои в новых обстоятельствах.

Не гайдаровский Тимур. Не пятнадцатилетний капитан. Героём у нас чистый ангел, страдающий в лицемерном мире взрослых — мире, построенном на насилии, помните? Нехорошо то есть построенном, неправильно.

И вот тут узловой момент проблемы.

У автора есть только два пути провести героя — и читателя — по этому миру, по самому душераздирающему сюжету.

Первый: показать без прикрас всю правду жизни; объяснить, как у Высоцкого, что да, мы всегда так живём. Мир устроен паршиво — будь к этому готов.

И второй: мир такой, какой есть, в нём намешано поровну и прекрасного, и ужасного. Ты сам выбираешь, на что смотреть в первую очередь. Смотри на Добро — и мир тебе улыбнётся.

Третьего не дано, да и не получится остаться надмирным философом: авторская позиция должна быть явлена, говорит нам ещё один известный критик, Мария Порядина, и я с ней согласна. Вариант «разбирайся сам» — это не про литературу для детей, никуда мы не уйдём от воспитательной её роли. Нет, это не про назидательность. Просто ребёнка так или иначе воспитывает всё, что попадает ему на глаза, но в первую очередь — книги. Речь, разумеется, идёт о читающих детях, о которых и нужно думать писателям. Этих замечательных детей совсем не так мало, как принято считать. Тех, кто не читает, конечно, больше, но эту ситуацию с помощью литературы исправить нельзя — большинство влияющих на неё факторов внелитературны.

И вот почему-то сегодняшние авторы первый путь выбирают чаще, чем второй. Да, их несчастные герои тоже борются с судьбой и даже побеждают, но впечатление всё равно остаётся тягостное — у читателя доверия к миру не возникает. А читаешь Гайдара — возникает, хотя его герои попадают в переплёт куда более серьёзный, чем школьные конфликты.

Вдумайтесь: доверие к миру! Вот что главное в рюкзаке юных путешественников по собственной жизненной тропе. Со временем, конечно, в рюкзак добавится тяжестей и горестей, но тот, кто жизни доверяет, не усомнится, что она прекрасна, несмотря ни на что. А ох как трудно вырастить в душе это доверие, если книга за книгой погружают тебя в безрадостность, безнадежность и безысходность. Апостол Павел предостерегает: «Не обманывайтесь: худые сообщества развращают добрые нравы» (I Кор. 15:33), не имея, конечно, в виду книги, которых в его время почти не было, но мы-то понимаем: сейчас герои книг, фильмов, песен тоже составляют сообщества, они живут среди нас и влияют на нас не меньше, чем реальные люди...

Может, поэтому герой современной реалистической литературы такой квёлый и анемичный. Без волшебной палочки и прочих гаррипоттеровских атрибутов сливается он с общим безотрадным фоном.

А так хочется встретиться с полнокровным, жизнерадостным персонажем, который будет не просто героем литературного произведения — а Героем, за судьбой которого будешь следить с замиранием сердца, Героем, с которым захочется подружиться, с которого, сам того не замечая, будешь брать пример — потому что он покажет тебе, как преодолевать препятствия и невзгоды, не теряя присутствия духа — и без всяких палочек!

Что же, получается, не писать о «свинцовых мерзостях русской жизни»? Не вскрывать, не демонстрировать, не обличать?

---

1. Юный герой в постсоветской литературе на русском языке: книги-события (на уровне читательского сообщества и личные впечатления). Новые писательские имена.

2. Что интересно подросткам 13–15 лет в книгах современных отечественных и зарубежных писателей?

Конечно, писать. Но — только, если пепел Клааса по-честному стучит в вашем сердце. Если не стучит, а вы пишете, потому что так надо, тогда не надо. И дело не в том, что придёт Станиславский и скажет «не верю». Просто проблема от этого не станет меньше. Наоборот, возрастёт её критическая масса. Известно: назови человека тысячу раз свиньёй, и он захрюкает. Думаю, тысяча — это много. Для начала свинства хватит и ста. Мантру Добра придётся повторять гораздо больше. Но это обязательно сработает, и результат того стоит. Ведь в конечном счёте, говоря о детской литературе, мы обсуждаем своё будущее, и не в общефилософском смысле, а в самом прямом. Даже приземлённом: будут ли дети-внуки-правнуки в беспомощный период нашей жизни заботливо, с доброй улыбкой менять нам памперсы — или с лёгким сердцем сдадут в дом престарелых, потому что не герои они, и такие трудности им ни к чему?

*Ирина Балахонова, переводчик, главный редактор
издательства «Самокат» (г. Москва)*

Видение своего пути

1. В современной детской литературе произошло достаточно изменений: жанровых, стилистических. Изменчивый мир вокруг создает новых героев, сценарии, книжные миры, увлекающие независимо от возраста. Среди общепринятых событий в подростковой литературе у коллег-издателей: поразивший читателей мистический мир интерната в романе «Дом, в котором» Мариам Петросян, приключения героев семейной саги «Город Солнца» Евгения Рудашевского, книга о дружбе и принятии себя — «Чудо» Р. Дж. Паласио. О своем опыте работы с направлением может рассказать и Самокат.

Юлия Яковлева, Ленинградские сказки — пенталогия, магический реализм с историческим уклоном. Это самый сильный русскоязычный проект, вышедший в «Самокате» за двадцать лет, который когда-нибудь войдёт в школьную программу России.

Я бы определила его как текст без верхней возрастной границы, невероятно смелый и талантливый, к тому же очень точно отражающий историю и психологию детей, выросших на рубеже тридцатых—сороковых годов XX века, а значит и нашу собственную психологию. Текст, благодаря которому становится понятно, откуда мы родом и почему мы такие. Обязателен к прочтению тем, кто хочет не просто понять историю России середины прошлого века, но и сделать её понятной своим детям и внукам, чтобы начать говорить об истории своей семьи, вспоминая имена и даты, а также места захоронения.

2. Некоторым интересны герои, чья жизнь сложнее жизни самих читателей, другим — как раз наоборот. По нашей субъективной статистике, которая складывается в основном из наблюдений за покупателями на выездных ярмарках и в магазинчиках или за участниками книжных клубов, — подростки часто выбирают истории о взаимоотношениях с родителями, одноклассниками, глобально — с миром.

---

3. Традиции советской литературы для детей и подростков и модификация жанров (роман взросления, школьная повесть, рассказы о животных и др. — что и почему сохранилось, что взамен?).

4. Чем вызван всплеск интереса к литературе Young Adult в последнее десятилетие?

5. Новые герои в новых обстоятельствах.

Как будто через решения героев находят для себя свои собственные. И книги предлагают разные варианты жизненных сценариев: в «Волке» Саши Станишича — Кеми наблюдает за травлей своего соседа по комнате в летнем лагере и пытается решить для себя: вставать на сторону слабого или не стоит; в «Едят ли покойники торты с клубникой» Розмари Айхингер — герои учатся выстраивать отношения, проходя через стадии неприятия и враждебности друг к другу; дети из книги «Инсу-пу: остров потерянных детей» Миры Лобе переигрывают сюжет «Повелителя мух», доказывая, что только в содружестве возможно построить здоровое общество.

Если герой — ровесник читателя и проживает похожие жизненные ситуации, ассоциировать себя с ним проще, чем если герой — инфузория-туфелька. Книга Светланы Лавровой «Трилобиты не виноваты» — палеонтологическая научная фантастика про конец света, предсказанный трилобитами 440 миллионов лет назад, — смешная, неожиданная, увлекательная и очень полезная. Это всегда здорово, когда читатель возраста 13-15 лет обращает внимание на оригинальные тексты.

Кстати, сейчас мы готовим к выпуску её же серию про вымышленную страну «Уайледу», где запрещена любовь. Секс для продолжения рода разрешён, а любовь — как явление, как всепоглощающее чувство — запрещена, и нарушение этого запрета строго карается законом...

Мы в «Самокате» издаем только те книги, которые считаем интересными для себя лично, но детские редакторы — местами как инженеру, люди со специфической памятью: они могут одновременно помнить себя в юношестве, наблюдать за своими детьми и иметь среди друзей подростков.

Выступая в этих трех ипостасях, мы выбираем хорошие тексты о поиске своего места в мире, о честности, несправедливости, о верности и предательстве, о защищенности и незащищенности, о компромиссе и честности — каждого привлечет то, что сейчас является для него важным. Забавно, что «подростковая литература» сама по себе уже является жанром, однако внутри неё сегодня принято выделять фэнтези, фантастику, романы взросления, исторические романы, магический реализм, любовные романы и ещё неисчислимое количество направлений. Если говорить о модных и привлекающих читателя «ходах», таких как суперспособности, феминизм, антиколониализм, эмоциональный интеллект или вопросы «телесности», — то всё это широко используется и в подростковой, и в young adult литературе, но в «Самокате» принято скорее игнорировать такие «ходы» как слишком простые и даже банальные, за исключением случаев, когда сюжет и язык идеально решают поставленную перед собой автором задачу, когда мы понимаем что перед нами хорошая и нужная книга.

3. Внутри этой жанровой разбивки сегодня живет целый список жанров или направлений.

Появившиеся на рынке тридцать лет назад маркетологи избегают называть «школьную повесть» школьной повестью, боясь, что это определение оттолкнет будущих читателей.

А вот Young Adult прочно, благодаря как раз маркетологам, занял свое место на полках всё медленнее взрослеющих детей. У самого жанра пока нет четких критериев: обязательны ли в нём оборотни и телесная любовь? Но Young adult, кажется, можно отнести к одному из вариантов романа взросления.

Что касается сборников рассказов — они продолжают существовать, и сейчас это больше подростковая история, нежели детская, а раньше было наоборот. Благодаря конкурсу рассказа «Кора» на рынке появляется всё больше хороших сборников

---

1. Юный герой в постсоветской литературе на русском языке: книги-события (на уровне читательского сообщества и личные впечатления). Новые писательские имена.

2. Что интересно подросткам 13–15 лет в книгах современных отечественных и зарубежных писателей?

молодых и не очень российских авторов. Большинство из них выпускает издательство «Волчок». Но совсем недавно в «Самокате» вышел сборник отличных современных фантастических рассказов русских авторов «Школа Шрёдингера», а чуть позже авторский сборник рассказов «Ветер вернется» Нины Дашевской.

Сохранились и поэтические сборники: одна из наших самых любимых серий, существующих уже почти двадцать лет, — «Поэтическая серия» «Самоката». На 80 полос тоненькой книжечки помещаются стихи одного замечательного поэта — тут выходили книжки Михаила Яснова, Григория Кружкова, Марины Бородицкой, Александра Павловича Тимофеевского, Марины Вишневецкой, Артура Гиваргизова, Алексея Зайцева, Натальи Волковой и других. Это всегда «домик», маленькая, но зачастую исчерпывающая книжечка — ведь в сборник может войти очень разная поэзия: от совсем «малышковой» до первой любовной лирики. Каждая книга — персональная выставка соавторов: поэта и иллюстратора.

Рассказов о животных довольно мало на рынке, их заменили гибриды фикшн и нон-фикшн книг — иллюстрированных энциклопедий. В «Самокате» в 2025 году выйдут две книги этого жанра. Это русский текст, победитель новой премии детской и юношеской литературы «Саламандра» — «Записки разносчика сверчков» Юлии Говоровой. Мы не хотим ограничивать аудиторию — сборник обязательно понравится всем читающим людям и замечательно живым языком, и неожиданной темой. Вторая книга — сборник рассказов, красивая и смешная книжка об экзотических животных «Разговоры Анаконды» нидерландского автора Биби Дюмона Така.

4. Всплеск интереса к литературе Young Adult в последнее время вполне объясним большей продолжительностью жизни, поздним взрослением и, как следствие, увеличением запаса времени на проживание разных этапов взросления. К тому же, возможно, у современных молодых взрослых появился страх перед живым человеческим общением, эскапизмом, вызванным особенностями жизни в новой цифровой реальности.

5. В совсем новых обстоятельствах, которых все мы опасаемся, оказываются в основном герои антиутопий. В «Самокате» антиутопий на удивление немного, хотя это вполне честный и востребованный, но не очень, на наш взгляд, духоподъемный жанр. А это то качество текста для детей и подростков, которое сегодня наша редакция оценивает как одно из наиболее важных.

В антиутопии «Отключай» литовской писательницы Ребеки Уны героини оказываются совершенно лишены физического общения: в их мире общение только виртуальное, даже о смерти родных они узнают онлайн и, как выясняется, с некоторым опозданием, и живых деревьев они никогда не обнимали, да и не видели. И, что странно, из этого нового виртуального рая хотят сбежать совсем немногие, но наша героиня — хочет...

Когда Екатерина Мурашова писала «Дом за радугой» все контролирующее инфочипы были скорее идеей, но теперь, через несколько лет, мы к ним гораздо ближе, как и к тому безопасному обществу, в котором живет Дим, и которое гарантирует всем занятие «по возможностям» и пропорциональный им рост. Но опять некоторые — в том числе этих возможностей вовсе не лишённые — хотят сбежать и трудно не ассоциировать себя с ними.

Но есть и другие герои и другие обстоятельства — Глебу из реалистичного романа «Как слышно» Артёма Роганова (призер «Ясной поляны» 2024) 16 лет, и он мечется между любовью, работой на депутата, которая необходима, чтобы доехать к любимой девушке в Германию, отцом, который отказался от карьеры в органах, и матерью,

---

3. Традиции советской литературы для детей и подростков и модификация жанров (роман взросления, школьная повесть, рассказы о животных и др. — что и почему сохранилось, что взамен?).

4. Чем вызван всплеск интереса к литературе Young Adult в последнее десятилетие?

5. Новые герои в новых обстоятельствах.

стремящейся эту карьеру сделать. Всё это время он неважно слышит — пока наконец не понимает, где его место, — слух возвращается, а вместе с ним и зрение, точнее, видение своего пути.

«Гриша не свидетель» — пронзительный рифмованный роман Насти Рябцевой. Гриша привык быть невидимкой, но нелепая первая любовь и разные, будто специально накладывающиеся одна на другую, ситуации, всё меняют. Гриша обретает голос, а из свидетеля он становится героем собственной жизни, который сам способен на выбор.

Герои двух последних книг — подростки совсем недавнего прошлого, не такие, как те, кому сегодня тринадцать-пятнадцать, но стоящие всего в пяти-десяти годах от них и, будем надеяться, близкие им по духу, те, о ком интересно читать и кого интересно понимать, с кем хочется идти к одной цели.

Ирина Богатырёва, прозаик, фольклорист, музыкант (г. Москва)

«Стало больше свободы, хулиганства, игры»

Как уже отмечали многие в этой полемике, русская литература для детей и подростков за тридцать постсоветских лет переменилась сильно. Изменился и взгляд на героя-ребёнка, и сам этот герой. Как мне кажется, в первую очередь в нём пропала героизация, некие выдающиеся черты и качества, которые могли бы подаваться как ориентиры для подражания юным читателям — если мы говорим о реалистичных, не сказочных жанрах. И это связано с тем, что с детской литературы сняли назидательную и педагогическую функции. Герои Крапивина, Гайдара и Носова готовы взять на себя функции взрослых и этим отличаются от простых детей, они претендовали на то, чтобы стать образцом социального поведения. И речь не только о фактическом героизме, как у Гайдара, но и об обычном, бытовом. Например, многие люди моего поколения вспоминают, как сильно на них повлияла книга Носова «Весёлая семейка» — о том, как мальчики делали инкубатор. Изобилие подробностей, с которыми этот процесс описан, захватывает настолько, что многим хотелось повторить это — то есть хотелось стать такими же, как герои книги.

Современный герой-ребёнок — в первую очередь ребёнок, и всё. Писателей интересует его индивидуальное, неповторимое детство. В этом детстве могут быть фантазии, могут быть какие-то приключения, но всё это не выйдет за рамки детства обыденного, среднестатистического. Такому герою не в чем подражать, но он больше похож на нас — обычных читателей. Так пишет, например, Нина Дашевская, чья проза, я уверена, является открытием в жанре детской реалистичной литературы последних лет. В этом же ключе работают многие другие современные писатели.

Несомненно, на развитие детской литературы в эти годы повлиял большой приток переводных текстов. На мой взгляд, влияние скандинавской литературы, а именно — свойственное ей уважительное и толерантное отношение к герою-ребёнку, которому даётся фактически полная свобода, к чьему мнению прислушиваются не меньше, чем ко мнению взрослых, — ощутимо в текстах Марии Ботевой — ещё одного яркого, самобытного и узнаваемого автора, пришедшего в литературу в эти годы.

---

1. Юный герой в постсоветской литературе на русском языке: книги-события (на уровне читательского сообщества и личные впечатления). Новые писательские имена.

2. Что интересно подросткам 13–15 лет в книгах современных отечественных и зарубежных писателей?

Кстати, о том, что её книги воспринимаются в европейском контексте, говорит тот факт, что они дважды входили в престижный каталог детской литературы «Белая ворона» (Мюнхен) и получали европейскую премию IBBY.

В целом же, на мой взгляд, главное, что произошло с детской литературой за эти годы — в ней стало больше свободы, больше хулиганства, больше игры — всего того, без чего невозможно нормальное детство. В этом смысле она наследует скорее Эдуарду Успенскому, нежели уже упомянутым Носову или Крапивину. Так, абсолютно хулиганские, с фонтанирующей фантазией книги пишет Алексей Олейников, который даже жанр школьной повести может превратить в постапок с черным юмором, где герои совсем уж далеки от совершенства («Школа “Глобус”»).

Вообще много новых жанров пришло в детскую литературу именно в этот период. Для детей сейчас пишутся и детективы, и фантастика, и триллеры, и постапокалипсис, то есть все те жанры, которые раньше считались сугубо взрослыми. Соответственно и юный герой проявляется в этих жанрах по-разному. Кстати, не всегда этот герой — человек. Антропоморфные животные, несомненно, восходящие к древнейшему жанру анималистичных сказок, по-прежнему наполняют детскую литературу, но теперь находят проявление в новых жанрах. Так, например, «Зверский детектив» Анны Старобинец породил множество подражаний, настоящий поджанр. При этом сохранились и классические книги про животных. Один из самых, на мой взгляд, ярких представителей этого жанра — Станислав Востоков. Он пишет не только в реалистичном направлении («Мой брат юннат»), но и привносит сказочные допущения, мифологию и фантастику в свои книги («Коза и великан», «Криволапыч», «Фрося Коровина»), при том что наблюдательность натуралиста и биологическая точность описаний животных, их повадок и природы в целом обязательно присутствуют в каждой из них.

Что касается интереса подростков к книгам, то он, на мой взгляд, не изменился. Подростки, как и взрослые читатели, ищут в книгах разного — от решения проблем общения с семьей и сверстниками до простого развлечения — и современное разнообразие тем и жанров дают возможность этот интерес удовлетворить. Другой вопрос, что в возрасте 13—15 лет многие увлеченные читатели уже переходят из во многом искусственного гетто «подростковой» литературы к чтению условно взрослых книг — что объяснимо: хочется нового опыта, появляются взрослые интересы. Полагаю, что так и появился переходный сегмент литературы — т.н. Young Adult. В дискуссии уже высказывалось мнение — и я с ним могу согласиться, — что интерес к этой литературе вызван оформлением соответствующего сегмента читателей. Это молодые взрослые, уже формально вышедшие из подросткового возраста, но ещё не перешедшие во взрослый статус, не обремененные семьей, но уже ищущие разрешения вполне взрослых проблем: поиска и установления отношений с половым партнером, самоопределения, самоидентификации, определения социального статуса и т.д. Причем данные темы могут реализовываться не только в реалистичных, но и в самых разных жанрах — литература Young Adult изобилует фэнтези, ромфантом, мистикой и другими «лёгкими» направлениями.

Но, как мне кажется, главная тема, волнующая человека в подростковом возрасте — и литература Young Adult активно работает именно с ней, — это та самая проблема взросления, становления личности в контексте современности. В этом смысле фокус литературы не меняется вне зависимости от того, в каком антураже взросление происходит — будь то фэнтези на фоне драконов и нечисти или узнаваемая история в стандартной провинциальной школе.

---

3. Традиции советской литературы для детей и подростков и модификация жанров (роман взросления, школьная повесть, рассказы о животных и др. — что и почему сохранилось, что взамен?).

4. Чем вызван всплеск интереса к литературе Young Adult в последнее десятилетие?

5. Новые герои в новых обстоятельствах.

Юрий Нечипоренко, прозаик (г. Москва)

«Главная проблема детской литературы — тиражи»

1. Книгой-событием в постсоветской литературе стало «Солнце на потолке» Олега Кургузова, которая получила премию Януша Корчака в 1998 году. Его герой — маленький мальчик, который очень любит маму и папу и попадает в разные забавные истории. Как главный редактор подросткового журнала «Электронные пампасы», я слежу за интересом читателей к нашим авторам, среди которых почти все известные писатели, и вижу, что чаще всего читают тех авторов, что вошли в школьную программу: Гиваргизов, Колпакова, Москвина, тот же Кургузов. Все они — из клуба детских писателей «Чёрная курица». В 2014 году мы инициировали Всероссийский фестиваль детской книги, и в поле нашего зрения попали сотни лучших детских книг. Пишу «лучших» с известной долей ответственности: с первого же фестиваля мы вели отбор книг, составляли экспертные советы, проводили конкурсы и награждали победителей. Событиями здесь были книги Эдуарда Веркина («Облачный полк» и др.), Ксении Драгунской («Честные истории», «Мужское воспитание»)… Позже к этим авторам присоединились Нина Дашевская, Анастасия Коваленкова, Евгений Рудашевский, Анастасия Строкина и многие другие.

Мой диапазон — «для тех, кому за 10», и здесь меня привлекает «двунаправленная» литература — та, что интересна и детям, и взрослым. Как раз такие книги писала Ксения Драгунская, и свои чудесные истории она рассказывала от первого лица — получается, что юной героиней была девочка, которая попадала в разные истории и даже порой выводила из них мораль. Нину Дашевскую и Анастасию Коваленкову объединяет то, что героями их книг «Тео, театральный капитан» и «Мышонок, который Там» оказались мышата. И если Тео живёт в театре и через него автор показывает мир театра (который хорошо знаком Нине — ведь она скрипачка, играла в оркестре Театра им. Сац), то мир героя Анастасии — совсем другой, Там живёт в деревне, и читатель книги (обычно житель городской) знакомится с миром русской деревни, который Анастасия чудесно описывает: она уже десяток лет живёт в деревне. Кстати, иллюстрирует свои книги она сама, так как является прекрасной художницей. Я бы дополнил список новых писательских имён Валентиной Дёгтевой, Анной Игнатовой, Ладой Кутузовой, Екатериной Тимашпольской, Еленой Усачёвой. Книги Дёгтевой за последние годы победили в целом ряде литературных конкурсов — на её прозу обратил моё внимание писатель Михаил Есеновский ещё десяток лет назад: тогда «Литературная газета» попросила назвать лучших детских писателей, я обратился за помощью к друзьям, и Александр Дорофеев выделил в качестве таковой Анастасию Орлову, а Михаил Есеновский — Валентину Дёгтеву. Прогнозы подтвердились: не раз Анастасия и Валентина получали самые престижные премии. Мы постарались опубликовать их в «Пампасах» тогда, когда о них ещё почти никто не знал, и в этом я вижу миссию своего издания — открывать новые имена.

2. По своей дочери я могу судить: интересны путешествия, приключения, познавательные и сказочные книги. Я бы выделил здесь книги Анастасии Строкиной («Совиный волк» и «Кит плывёт на север») — это философские сказки.

---

1. Юный герой в постсоветской литературе на русском языке: книги-события (на уровне читательского сообщества и личные впечатления). Новые писательские имена.

2. Что интересно подросткам 13–15 лет в книгах современных отечественных и зарубежных писателей?

3. Традиции сохраняются в издательстве «Детская литература», которое раньше было монополистом, а сейчас вынуждено выживать и искать новые подходы к читателю, не отказываясь от проверенных временем. Здесь биографическая серия «Детям о великих людях России» издавна была представлена именами полководцев, а сейчас в этой серии появились книги о Ломоносове, Пушкине, Владимире Дале. Здесь же романы взросления и школьные повести — книги молодых и новых авторов выходят в серии «Лауреаты премии Сергея Михалкова». Недавно я был на вручении этой премии и могу засвидетельствовать её высокий статус и высокий уровень рукописей-победителей. Третью премию получила Анна Маркина, главный редактор журнала «Формаслов», одно название которого уже говорит о поиске новых путей и способов выразительности в словесности. Вторую премию получила Олеся Шишкина из Воронежа, а первую — юная студентка Литинститута Александрина Прокофьева.

О животных увлекательно пишут Евгения Гюнтер и Михаил Лукашевич, вообще высокий уровень познавательной литературы с шикарными иллюстрациями демонстрируют издательства «Арт-Волхонка», «Пешком в историю», «Архипелаг» и многие другие (хотя Юрий Маслов считает, что у нас мало авторов, которые пишут о животных, но об этом отдельный разговор), познавательная литература и вообще литература для подростков сейчас переживают бум.

4. Граница взросления (как и граница старости) сейчас отодвигается: если у нас совершеннолетие наступает в 18 лет, то во многих странах Запада в 21 год. Тут целый клубок проблем: инфантилизация, отказ от ответственности, нежелание социализации... Вообще, когда мы лет пятнадцать назад выходили к читателю с сериями «Для взрослых и детей» и «Для тех, кому за 10», это было новационно, сейчас уже этим никого не удивишь.

5. Само название нашего журнала «Пампасы» уже подразумевало новые обстоятельства нашей жизни: более тридцати лет назад все мы попали в капиталистические джунгли и опасные пампасы, когда в стране сменился государственный строй. Героями здесь стали те, кто умеет сохранить в душе «вечные ценности» — то, что не зависит от устройства государства: силу духа, дружбу, верность, любовь... Те, кто сохранил веру в себя в новых обстоятельствах. Вот только что мы опубликовали прекрасный рассказ Елены Габовой из Сыктывкара «Не пускайте рыжую на озеро» — это такая реинкарнация «Гадкого утёнка»: история о девочке, которая стала знаменитой певицей, пережив буллинг, травлю со стороны сверстников.

В целом же хочу отметить, что сейчас очень много прекрасных авторов, я не назвал и десятой части имён, но книги наши издаются малыми тиражами, и эта главная проблема детской литературы — тиражи. Если бы государство взяло на себя заботу повысить тиражи лучших детских книг, — они бы смогли прийти к читателям по всей стране, а так о них знают в лучшем случае жители больших городов, с областными библиотеками которых мы сотрудничаем: за последние пару лет мы с коллегами побывали в десятке городов, выступали перед детьми из Курска, Липецка, Тобольска и Южно-Сахалинска — всего не перечислить, и всюду нас встречал восторженный приём. Много сейчас для развития и пропаганды детской литературы делает Ассоциация писателей и издателей России — с ней мы давали мастер-классы и выступали в «Артеке», Астрахани, Таганроге и Тюмени... Но писателю трудно объехать всю страну, а вот книги могли бы добраться до самых дальних сельских библиотек. Им надо только помочь.

---

3. Традиции советской литературы для детей и подростков и модификация жанров (роман взросления, школьная повесть, рассказы о животных и др. — что и почему сохранилось, что взамен?).

4. Чем вызван всплеск интереса к литературе Young Adult в последнее десятилетие?

5. Новые герои в новых обстоятельствах.

*Валентина Патронова, поэт, журналист, учитель литературы
(п. Дубна Тульской области)*

«Проблема в изменившемся детском восприятии»

1. Книги-события в постсоветской литературе на русском языке под номером один для меня, безусловно, — это книги Юлии Вознесенской: антиутопия «Путь Кассандры, или Приключения с макаронами», повесть-притча «Мои посмертные приключения», «Паломничество Ланселота». Вознесенскую активно издавали и переиздавали «Вече», «Гриф», «Лепта-книга» и другие издательства. В первое десятилетие века повести были бестселлерами и по количеству продаж на книжных ярмарках, и по степени цитирования в интернете, затем бум улегся и о них почти забыли — и я считаю, напрасно.

Да, прошло более 20 лет, но в свете мировых событий повести звучат своевременно и пророчески. Девять лет автора нет в живых, а предугаданная Вознесенской картина мира только начинает раскрываться на наших глазах. Предапокалипсис с его тоталитарными и экологическими угрозами, глобальной сетью и тотальным контролем, рабством духовным и физическим, контрастом элит и асоциальных элементов будит в воображении очень живые ассоциации с сегодняшним днём. И это не сгущение красок и нагнетание настроений, а вполне здравый взгляд на будущее и то, во что верят христиане.

Когда-то автора критиковали за невысокий уровень художественного слова, излишнюю назидательность, схематичность и буквальность в изображении духовного мира, но тиражи и продажи упрямо показывали истинную востребованность такой литературы. Подростковые книги нашли отклик и у взрослых, причем этих читателей не уличить в инфантилизме. Вознесенскую охотно читали и читают неофиты и более посвященные, её язык оказался понятен и близок и пожилому читателю.

Сейчас Вознесенскую вытеснили новинки подростковой литературы, которой много, и, возможно, по художественному уровню она на порядок выше. Но у Вознесенской есть то, чего, на мой взгляд, сегодня не хватает другим авторам. Это её пророческое горение и желание поделиться духовным знанием, обретенным через личный опыт.

Сегодня много рассуждают об отсутствии нового героя в подростковой литературе, но у Вознесенской отчетливо присутствует новый герой в новых обстоятельствах. Возможно, последующие авторы не заметили или потеряли его. Этот «потеряшка» — подросток, а затем молодой человек, находящийся в поиске ответов на вопросы веры — юный Фома, уверение которого можно понимать как взросление.

Именно без поиска Бога, по мысли писательницы, человек обречен на вечное застревание в подростковом состоянии. Вступать в брак и становиться родителем он может, лишь ощутив своё сыновство перед Отцом. Парадокс абсолютно христианский и немного кэрролловский: уменьшаясь, смиряясь перед волей Всевышнего, герой возрастает.

Кто такой Бог? Почему евреи не приняли Христа? Что будет с нами после смерти? Эти и другие вопросы подростки постоянно задают в школе на уроках

---

1. Юный герой в постсоветской литературе на русском языке: книги-события (на уровне читательского сообщества и личные впечатления). Новые писательские имена.

2. Что интересно подросткам 13–15 лет в книгах современных отечественных и зарубежных писателей?

литературы, а отвечать им (в меру своей светской роли) учитель может только с культурологической точки зрения. Но вся эта сверхактуальная для растущего человека проблематика раскрывается в книгах, подобных книгам Юлии Вознесенской.

Кроме ответов на духовные вопросы и самой немаловажной постановки этих вопросов в текстах автора есть и такие достоинства, как фантастика (уже почти ставшая нашей реальностью), здоровая мистика, настоящий — апокалиптический — хоррор, — всё это по-прежнему в тренде у подростков.

Вознесенская отваживается говорить на тему смерти близких и собственной смерти. В школе эти темы стараются заглушить, вопросы детей на эту тему сразу вызывают тревогу у психологов, педагоги вместе с родителями начинают искать следы тайных детских организаций и подростковых субкультур, а здесь просто нужны ответы. И, как это бывает в хорошей литературе, не обязательно простые и прямолинейные.

Книги-события века номер два, по-моему — это новые учебники.

Критиковать массовые школьные учебники — хороший тон, но, на счастье, в школьную программу по русскому и литературе, а соответственно и в основные линейки учебников по этим предметам, проникли рассказы и повести Юрия Коваля, Вячеслава Крапивина, Алексея Жвалевского и Евгении Пастернак, а также Виктории Ледерман.

Отчего-то восторг от встречи с ними больше разделяют учителя и родители. Эти прекрасные, яркие, увлекательные произведения, по моим личным наблюдениям, почему-то не цепляют учеников 6—7 классов, и даже в сочетании с визуальным рядом — видео и презентациями — не вызывают эмоционального отклика у детей. Для меня, начинающего учителя-словесника (в школе я работаю четыре года) это не совсем понятно. Дети откровенно скучают и томятся над захватывающими рассказами и над новыми учебниками литературы, значительно улучшенными.

Проблемы 13—15-летних общеизвестны: низкая читательская культура, резкое падение интереса к чтению, узкий кругозор плюс загруженность в школе, а у сельских детей — ещё и некоторая социальная изолированность от большого мира. Но есть и другое.

Возможно, новая литература, не успев появиться, стремительно, на глазах устаревает, отстает от реального мира подростков по динамике повествования, форме и стилю речи героев, актуальности проблем. А возможно, юные читатели слишком быстро перерастают то, что им адресовано по возрасту. Остается неудовлетворенность от проведенных уроков: важные струны так и не задеты, болевые точки не пройдены.

Подростки уже вкусили многие запретные плоды, проверили взрослых и сверстников на прочность, обозначили красными флажками личные границы — и почувствовали себя ещё более одиноко. Они слишком рано выросли и задержались в мучительной фазе некой неопределенности взросления. Как в коконе бабочки, им тесно в подростковой одежде, подобранной чересчур заботливыми взрослыми — в том числе в литературе. Летом они принципиально не читают книги по списку, даже ради читательского дневника.

Участниками нашего круглого стола упомянуто большое число ярких и достойных подростково-юношеских авторов, и я не стану повторяться. Возможно, выбор авторов учебника снова не совсем удачен, и другие произведения и писатели вызвали бы иной отклик, но отчего-то мне кажется, что проблема не в текстах, не в авторах, а в кардинально изменившемся детском восприятии.

2. *Что интересно подросткам в книгах современных писателей? То же, что и в классике, хотя взгляд на классику в школьной среде сильно изменился. Ученики*

---

3. *Традиции советской литературы для детей и подростков и модификация жанров (роман взросления, школьная повесть, рассказы о животных и др. — что и почему сохранилось, что взамен?).*

4. *Чем вызван всплеск интереса к литературе Young Adult в последнее десятилетие?*

5. *Новые герои в новых обстоятельствах.*

шестых-седьмых классов плачут и смеются совсем не в тех местах, где это казалось нам правильным. «Нейронные связи» между писательскими эпизодами и реалиями жизни у школьников совсем другие. Шестиклассница Диана Б. из программы больше всего запомнила «Детей подземелья» Короленко, а Кристина К. — «Бежин луг» Тургенева. По мнению подростков, там присутствуют фэнтэзи, мистика, хоррор, мрачные «готические краски», тема смерти, и поэтому «написано очень круто».

Немного о новых жанрах. Опасность подстерегает школьную классику из-за популярного саммари. Краткие пересказы почти полностью заменили в школе оригинальные тексты. Их используют и при подготовке «домашек», и при написании сочинений, к живому тексту писателя дома ученики почти не обращаются, разбирают его отрывки только на уроках. Бессмысленное удобство саммари играет с нами злую шутку: оно выливает воду вместе с младенцем — сводит преподавание литературы в школе к тупому изложению сюжета (сделай из подробного пересказа произведения более краткий пересказ).

3. *И — о новых писательских именах, интересных школьникам.* Расскажу о небольшом эксперименте. В конце учебного года в программе каждого класса запланированы уроки с правом выбора любого современного автора для подростков. Это дает возможность учителю представить писателя, который ему интересен, ученикам разных возрастных групп. Я выбрала книги писателя, журналиста, критика Дмитрия Шеварова, поскольку они имеют универсальный адрес и с увлечением читаются детьми и взрослыми. Жанры вполне привычны: очерк, семейная хроника, рассказ, читательский дневник.

Считается, что юношеская литература сегодня слишком феминистична, а женский акцент порождает женственных юношей не только среди героев, но и среди читателей. Нон-фикшн Шеварова свободен и от таких странных акцентов, и от стиля унисекс и настраивает на честный мальчишеский разговор.

Язык лаконичен, время обобщено, герои и реалии архетипичны, и при этом мы погружаемся в живой, объемный, многоголосый и достоверный мир. Лишние детали из своего детства автор опускает, на первом плане — чувства, отношения, вопросы, а не ответы.

Книги Шеварова с первого взгляда воспринимаются как некое погружение в ретро, уход в сентиментализм даже не XX, а XIX столетия, но эта иллюзия быстро исчезает. Автор пишет в классической традиции, новомодные словечки и эффектные приёмы ему чужды, но сквозь внешнюю монотонность повествования чувствуется его болевой нерв.

У Дмитрия Шеварова троллинг и буллинг нигде не называется троллингом и буллингом, хотя эта острая подростковая тема отчетливо присутствует. У автора нет навязчивых пояснений понятных вещей, как это практикуется в Young adult, и далеко не всё предельно ясно, а потому требует от читателя умственной и сердечной работы. При этом главное в отношениях людей узнается и понимается безошибочно. Юному читателю не надо переноситься в «незапамятное» для него прошлое XX века, чтобы понять, что происходит с ровесниками (а ведь это школьники 70-х годов, его бабушки и дедушки).

«Воздушная тревога», подзаголовок «Эскизы к семейной хронике» — СПб.: Образовательные проекты, 2022 — книга, адресованная самым близким и о самых близких. Провокационное название немного сбивает с толку. Нет, здесь почти ничего не будет о войне, зато много о мире и о семье, о дружбе и о любви. И немного о спасительной материнской тревоге, которая похожа на молитву.

---

1. *Юный герой в постсоветской литературе на русском языке: книги-события (на уровне читательского сообщества и личные впечатления). Новые писательские имена.*

2. *Что интересно подросткам 13–15 лет в книгах современных отечественных и зарубежных писателей?*

Читателя подкупает верный тон. С подростками не принято говорить с теплотой, да и не так просто делать это, не фальшивя, в диалоге с колючими и порой агрессивными молодыми людьми, между тем, они остро нуждаются именно в теплом разговоре. Нужен искренний друг, и не так уж важно, к какому поколению он принадлежит.

На уроках в 6-х и 7-х классах мы проработали несколько маленьких рассказов.

В «Следопыте» мальчишка приносит домой чемодан с грязными старыми обоями в клопах. Это клад, раздобытый втихаря от родителей в запретной «заброшке», которую вот-вот снесут. Героя с порога встречают с пониманием, нет семейного насилия и крика. Напротив, мама с сыном вместе полночи отмывают и просушивают «клад», обнаруживают старинные документы. Парень несет сокровище в музей и отрывает от сердца — отдает сотрудникам. Больше о своем кладе он никогда ничего не узнает... Класс на уроке горячо дискутирует о поведении мамы и подростка, о «вероломном» поступке музейщиков, о размытой концовке. «Карабас Барабас» — история о неадекватном физруке, о физической расправе на уроке, о страхе и его преодолении, а также о высшем возмездии, которое рано или поздно приходит. Этот рассказ вызывает на уроке всплеск детских эмоций, дебаты и обмен воспоминаниями. Случаев «школьной» обиды на взрослых, оказывается, множество.

Тема Великой Отечественной войны в стихах русских поэтов XX века на уроках литературы не вызывает ажиотажа у школьников — традиционная советская поэзия набила оскомину, а с поэтами-шестидесятниками у подростков сложные отношения. Шеваров предлагает иной ракурс темы. Книга-реквием «До свидания, мальчики» (М.: Никея, 2022) пришлась по душе моим восьмиклассникам в прошлом учебном году. Герои — мальчики, которые старше ребят на несколько лет. Они писали стихи, читали взрослые книги и не вернулись с войны. Здесь нет преувеличенного инфантилизма или феминизма в духе ширпотребной Young adult литературы: только мужественные примеры коротких жизней молодых поэтов. Эти «мальчики» (хотя называть их так можно только условно) — далеко не супергерои, у всякого есть слабости и сомнения, они совершают ошибки и импульсивные поступки. Но они рано повзрослели и стали мужчинами в силу вызовов своего времени. Кстати, им была не нужна переходная литература, как нужна она теперешним молодым людям, — они сразу, как-то естественно припадали к Пушкину и Лермонтову, Тургеневу и Толстому.

Книга имеет подзаголовок «Стихи и судьбы» и включает короткие очерки жизни молодых поэтов, почти сверстников моих учеников, отрывки дневниковых записей, где явственно слышится их речь, пылкие строчки, и не только о войне, но и о мире, о любви, о пустяках, о предчувствиях. Особенно пронзительно звучит для детей малознакомая им тема невосполнимой утраты юного и редкого таланта, которому больше никогда не суждено раскрыться.

Если Young adult по определению избегает нравоучительности и серьезного разговора — повествует о сиюминутном, то Дмитрий Шеваров в своих книгах — так же без нравоучений — говорит всерьез и о вечном. Смерть и вечная жизнь — не пустые слова для растущего человека. У подростков такой запрос есть. Книга-помяник дает надежду на жизнь будущего века, ведь если кто-то отваживается молитвенно вспоминать, собирать материалы, напоминать о погибших живым, — значит, для бытия возможно продолжение.

А вот и совсем не детская тема — Пушкин. Поэт в восприятии подрастающего поколения — это отчасти голос архаичного прошлого, отчасти герой мемов, портрет

---

3. Традиции советской литературы для детей и подростков и модификация жанров (роман взросления, школьная повесть, рассказы о животных и др. — что и почему сохранилось, что взамен?).

4. Чем вызван всплеск интереса к литературе Young Adult в последнее десятилетие?

5. Новые герои в новых обстоятельствах.

с футболки. Такое полярно противоположное, искаженное представление о его творчестве и личности формирует не только массовая культура, но и, увы, школа. Тексты школьной программы рисуют облик поэта и писателя, непонятого и неблизкого большинству юных читателей. Так мы теряем Пушкина.

«Нечаянный Пушкин» Д.Шеварова (М.: Мир детства, СПб.: Детское время, 2024) — это издание, в котором поэт заново нашелся. Книга ломает стереотипы «школьного» взгляда на «солнце русской поэзии». И памятник на пьедестале, и мем Пушкина для автора одинаково невозможны. Шеваров «присваивает» любимого поэта, вводит его в свой семейный круг, в детские воспоминания, в будни и праздники. Уверена, что книга за счет её увлекательности, приключенческого духа, доброго взгляда на мир без назидания и упрека вскоре войдёт в круг любимого детско-юношеского чтения. Собираюсь и дальше предлагать ученикам рассказы, очерки и читательские заметки Дмитрия Шеварова на уроках литературы и рекомендую их всему педагогическому сообществу.

Елена Усачёва, детский писатель (г. Москва)

Кто боится детской книги?

Детская литература от взрослой отличается адресностью. Детский писатель всегда знает, для кого он пишет, ориентируется на читателя. И раз уж у нас литература для детей, то читатель этот — ребёнок. А поэтому для малышей от трех лет пишутся одни тексты, со своими героями, проблемами и стилем, для началки — другие, для подростков — третьи.

Однако каждое время выдает свои неожиданные повороты. Мы пропустим тот момент, что в литературе всегда есть соцзаказ, есть госзаказ, в конце концов, общечеловеческие идеи на каждый конкретный момент времени. Посмотрим на общие тенденции. С середины десятых годов, ближе ко второй их половине, у нас заговорили о том, что все больше взрослых читают подростковую литературу. Зачем они это делают? Сами взрослые объясняли это так: чтобы вспомнить себя в этом возрасте и понять, что происходит с их ребёнком сейчас, чем помочь ему. И если поначалу так и было, то со сменой тенденций в воспитании, читать родители стали уже в другой целью: оценить, стоит ли ребёнку эту книгу давать вообще.

Дальше — больше. Родители все сильнее стали вмешиваться в зону детского чтения, требуя от детей не просто читать, но читать «правильную» литературу. К «правильным», в первую очередь, относятся книги из детства самих родителей — Том Сойер и Тимур с командой, Жюль Верн и Носов, Чуковский и Драгунский. Ведь на этих книгах родители выросли хорошими людьми. Вот и дети — прочитают их и тоже вырастут хорошими людьми. Также к «правильным», по мнению родителей, относятся те книги, что «похожи» на книги их детства — с добрыми и отзывчивыми героями, с трепетными отношениями и искренним любопытством к миру. Появилось и новое требование к книге: она не должна нести ярко выраженный конфликт, не надо драк, ссор и хлопанья дверями. Пускай все будет социально нейтрально, как в

---

1. *Юный герой в постсоветской литературе на русском языке: книги-события (на уровне читательского сообщества и личные впечатления). Новые писательские имена.*

2. *Что интересно подросткам 13–15 лет в книгах современных отечественных и зарубежных писателей?*

рассказах Драгунского или Носова. Ведь могли так раньше писать! Что же сейчас за повальная тяга писателей к драмам и трагедиям?

Разумеется, мнение родителей нельзя не учитывать, они, как говорится, заказывают музыку, платят за книги и за свои деньги хотят получать «качественный» товар.

Таким образом, вектор внимания детских писателей невольно переключился с самого читателя на того, кто книгу покупает, то есть — на родителей. Это для них теперь создаются аляповатые иллюстрации, для них пишутся бесконечные юмористические рассказы, для них по полянкам скачут зайчики и сияет солнышко в ладошках. Издателям просто некуда деваться в данном случае. Главное — потребитель, и вот писателей уже просят писать помягче, отказываются печатать конфликтные истории.

А что же читатели?

Родители и их желание — это хорошо до поры до времени, пока ребёнок полностью от этого желания зависит. Но наступает пора, когда ребёнок уже может и хочет выбирать сам. И тут возникает ещё один интересный парадокс.

В нулевые любили говорить, что наши дети не читают, все спорили — что же делать, чтобы переломить эту тенденцию. Потом по отчетам издательств, по прибыли, по спискам библиотек стало понятно — читают, да ещё как! Чтение из разряда обязательки или забивания свободного времени стало осознанным выбором. Дети стали читать не потому, что им больше нечего делать, а потому, что сами хотят (этим заниматься). То есть произошел качественный переворот — да, я хочу между компьютерными играми, видеосиками, уроками, кружками, тренировками выделить время на чтение.

Недавно вновь стали звучать голоса: наши дети не читают, что делать, как их заставить? Я сначала удивлялась — с чего бы это? Вроде подобные стенания давно смолкли, дети читали. Но раз за разом в интервью и на конференциях — вопросы про чтение. Без устали повторяешь — да что вы, дети читают, они выбирают свои книги, заставить никого нельзя, можно только создать обстоятельства, в которых ребёнок захочет читать. Но меня не слушали — всем нужен был рецепт, как *заставить*. Все чаще от родителей стало звучать настоятельное желание: чтобы дети не просто читали, а читали то, что нужно взрослым. Именно в этом и был момент «заставить». То, что читают дети, — это неправильно. Тотальный контроль, которому дети подвергаются последние лет десять-пятнадцать, и тут должен развернуться по полной программе.

И как результат такого поворота, мы начали наблюдать сознательное же сопротивление детей чтению. А все потому, что в этом моменте — в моменте отказа от книги — проявились важные для детей ценности свободы, независимости, твердой воли и возможности отстаивать свое мнение.

Взрослые заставляют, значит, последует отказ, подчеркивающий независимость. То есть дети начинают «не читать» не потому, что не хотят, а потому что это своего рода демонстрация.

Чтение влечет за собой определенные ограничения — например, ты привязан к книге, тебе нужно найти время и место для чтения. А любые ограничения подростками, как известно, отрицаются, что становится причиной отказа от книги.

Ну и не надо забывать, что сам способ, каким взрослые навязывают свои идеалы — насилие, настаивание, наказание, ограничение, — тоже не содействует формированию желания читать. Да и взрослые в этой ситуации выступают не

---

3. Традиции советской литературы для детей и подростков и модификация жанров (роман взросления, школьная повесть, рассказы о животных и др. — что и почему сохранилось, что взамен?).

4. Чем вызван всплеск интереса к литературе Young Adult в последнее десятилетие?

5. Новые герои в новых обстоятельствах.

активными читателями, с которых можно было бы брать пример, обсудить книгу или поспорить на тему «нравится — не нравится», а надзорным органом.

И здесь уже впору бить тревогу не на тему «дети не читают», а на тему «родители убивают культуру чтения». Зачем они это делают? Чего хотят добиться? Почему им надо, чтобы весь пласт современной, хорошей, интересной детской литературы, направленный именно на современного ребёнка, прошел мимо их детей? Зачем они свои фобии растворяют в своих детях, добиваясь порой чудовищных результатов?

И вот уже звучат голоса, что нам нужен надзорный орган, который будет выдавать «правильные» списки для чтения детям. Появляются некомпетентные «Советы по детской книге», которые рубят недавно вышедшие книги: что-то им там показалось неправильным, чуждым, опасным, идеологически вредным.

Понятно, что меня как автора «страшилок», мистических историй волнует такое вмешательство взрослых, ведь под раздачу попадают и мои книги. Детская литературная страшилка появилась не так давно, первую авторскую детскую страшилку создал Эдуард Николаевич Успенский в 80-е годы. Вышла она в журнале «Пионер» и называлась «Красная простыня, чёрная рука, зелёные пальцы». И хоть этот жанр сегодняшними подростками очень востребован, родители пишут гневные послания: «Зачем вы пугаете наших детей!»

Но дело тут не в «пугании». Герои страшилок, как и современные подростки, оказываются в одинаковой ситуации. При тотальном контроле ребёнок вдвойне уязвим — он хронически не может удовлетворить все запросы своих родителей, а за массой дел, навязанных ему, ещё и становится одинок. Родители считают, что они всё дали, всё купили своему чаду, и поэтому нечего ему претензии предъявлять. Сам же ребёнок не может вырваться из замкнутого круга, когда все считают одно, а он внутри себя понимает и чувствует другое. Герой страшилок оказывается в такой же ситуации: он боится того, чего другие не видят. Это только его страх, с которым он вынужденно оказывается один на один, без помощи и поддержки.

Так вот герой страшилки свои проблемы вынужден разруливать сам, показывая читателю-подростку: ты тоже справишься, начинай действовать. А родителям не надо, чтобы ребёнок действовал сам, им надо, чтобы он не мешал им лепить из него «счастливого человека». Ну и зачем, спрашивается, после этого нужны все ваши современные книги?

А они нужны. Чтобы сегодняшний ребёнок мог разобраться в сегодняшнем мире. Не копать в проблемах родителей и их прошлого, а жить свою жизнь. Поэтому давайте просто позволим детям сделать свой выбор: читать или не читать, что читать и когда. Наблюдения — один из самых ценных методов в воспитании. Понаблюдайте за детьми, без попытки направить или исправить. Посидите полчаса, почитайте сами. Дайте современности войти и в вашу жизнь. Ее не надо бояться.

УЧАСТНИКИ КРУГЛОГО СТОЛА

Елена Албул — поэт, прозаик, автор песен, автор и ведущая телепередач (Москва). Стихи и проза для детей и взрослых печатаются в журналах «Костёр», «Москва», «Нижний Новгород», «Октябрь», «Дружба народов» и других российских и зарубежных изданиях. Автор нескольких книг: «С точки зрения Вари», «Привидение Картофельного дворца», «Нос Варвары Сидоровой», «Картина величиной с дом».

Ирина Балахонова — главный редактор и учредитель издательства «Самокат», лауреат премии американской ассоциации книгоиздателей Freedom to Publish (2016), лауреат профессиональной премии «Ревизор» в номинации «Редактор года» (2018), лауреат премии Ассоциации книгоиздателей Петербурга, член международного PEN-клуба

(ныне ассоциации «Свободное слово»), в течение многих лет член экспертного совета фестиваля Non/Fiction. Живёт в Москве.

Ирина Богатырёва — российская писательница, музыкант, фольклорист, путешественница. Родилась в 1982 году в Казани. Закончила Литературный институт им. А.М.Горького. Была главным редактором журнала молодых писателей Поволжья «Берега». Печаталась в журналах «Октябрь», «Новый мир», «Кольцо А», «День и Ночь». Автор нескольких книг, переведенных на английский, китайский и голландский языки. Лауреат ряда литературных премий. Играет на варгане в дуэте «Ольхонские ворота». Живёт в Москве. Постоянный автор «ДН».

Юрий Нечипоренко — русский прозаик, арт-критик, учёный, культуролог. Родился в 1956 году в Ровеньках Луганской области. Исследователь творчества Николая Гоголя, Александра Пушкина, Михаила Ломоносова и Гайто Газданова. Окончил физический факультет МГУ. Доктор физико-математических наук. Автор многочисленных статей, рассказов, повестей, романов, переведенных на иностранные языки. Лауреат нескольких литературных премий, в том числе: «Заветная мечта», им. Алексея Толстого, им. Сергея Михалкова, «Живая литература», «Серебряный Дельвиг», «Ясная поляна». Живёт в Москве.

Валентина Патронова (Киденко Валентина Юрьевна) — поэт, журналист, земский учитель-словесник. Родилась в Туле в 1979 году. В 2000 году поступила в Литературный институт им. Горького (поэзия, семинар В. Кострова), с рождением сына перевелась в ТГПУ им. Толстого, окончила в 2006 году. Работала в СМИ. В 2016-2021 гг. — редактор сайта «Азбука воспитания» портала «Азбука веры». Лауреат премии Литературой газеты «Классики и современники» (поэзия, 2022 год). Живёт в оселке Дубна Тульской области.

Елена Усачёва — детский писатель. Родилась в Москве. Закончила МПГУ им. В.И.Ленина и Литературный институт. Работала сценаристом на детской телепередаче «Спокойной ночи, малыши!», писала сценарии анимационного сериала «Фиксики», публиковалась в газете «Пионерская правда», журналах «Новая Юность», «Дружба народов», «Октябрь». Автор более восьмидесяти книг для детей и подростков, вышедших в издательствах «Полиформ», «Эксмо», «Росмэн», «Клевер», «Питер», «АСТ», «Малыш», «Антология» и других. Пишет сказки, повести о школе и детские мистические триллеры. Книги переведены на испанский и эстонский языки. Лауреат Литературной премии им. Ершова, Литературной премии им. Искандера и других. Живёт в Москве.

Валерия Пустовая

Дверь к себе

Анна ШИПИЛОВА. Скоро Москва: Рассказы. — М.: Альпина нон-фикшн, 2024. — 200 с.

Алла ГОРБУНОВА. Нет никакой Москвы. — М.: Индивидуум, Эксмо, 2024. — 112 с.

1

Остроумная рифма названий — тем более цепкая, что случайная. Иду за этим совпадением, заранее убеждаясь, что ничего не найду. Нет и не может быть смысловых пересечений между двумя сборниками рассказов, если автор одного признаётся: «Основной “движок” моих историй — это социальная несправедливость»¹, тогда как автогероиня в другом только и ищет, как бы ей «двигаться в философии».

Дебютная книга Анны Шипиловой наполнена остросоциальной прозой, временами тяготеющей к антиутопии и мистике.

Шестая (неужели?) книга прозы поэта Аллы Горбуновой составлена из притч, неудержимо тяготеющих к подлинной сути вещей. Антиутопия и мистика тут тоже встречаются, как и остросоциальные сюжеты, а заключает книгу вполне настоящая и по первым эпизодам будто бы даже детская сказка.

Это дает повод читателям предположить, что в книге «Нет никакой Москвы» нет никакой цельности.

«На мой взгляд, получилось не очень однородно <...> и надо приложить некоторое усилие, чтобы объяснить себе, что же объединяет эти истории, кроме характерного концентрического, как круги от скачущего по водной поверхности голыша, письма Горбуновой, и того, что Москвы нигде там и правда нет», — пишет критик, ведущая блога «Заметки панк-редактора» Анастасия Шевченко².

Как это — что объединяет? — словно бы возражает ей с виртуальных страниц «Афиша.Daily» Егор Михайлов, заметивший в сборнике Горбуновой «целых две говорящих белки»³.

Это белка, с которой беседует в парке одинокая и неприкаянная, даром что оставленная работать при университете, героиня автобиографического полотна «Тупик». И белка-дудочка — персонаж-перевёртыш из сказки «Долгий полёт»: когда-то из летающей белки сделали дудочку, и теперь ей открывается способ восстановить свой истинный облик. Белок в сборнике Горбуновой две — но они недвусмысленно символизируют белку одну: ту, что снует вверх-вниз по мировому древу Игдрасиль.

¹ Анна Шипилова: «Во мне много ярости и отчаяния». Интервью Татьяне Соловьёвой // «Прочтение» от 20.03.2024. <https://prochtenie.org/texts/31404?ysclid=m4v91cl5qx647890769>

² Публикация на канале «Заметки панк-редактора» от 26.11.2024. <https://t.me/UmiGame/2506>

³ Егор Михайлов. 5 сборников короткой прозы — про нейросети, говорящих белок и детство, которого не вернуть // «Афиша.Daily» от 9.11.2024. <https://daily.afisha.ru/culture/28191-5-sbornikov-korotkoj-prozy-pro-neyroseti-govoryaschih-belok-i-detstvo-kotorogo-ne-vernut/>

В комментариях к процитированному посту Аси Шевченко читатели сетуют на сказку «Долгий полёт» о странствиях летающего котенка между мирами: совсем уж, мол, выпадает из сборника. И единодушно с автором поста хвалят рассказ «Лесные жители», где городская пара, углубившись в лес, нечаянно оказывается в кругу не то бездомных, не то мистических сущностей.

Но как же — выпадает? Если сказка развивает тот же образ откровения, который и в «Лесных жителях» — вершинный?

Аналогия двух произведений прочитывается так же однозначно, как рифма двух белок, символизирующих одну.

«Ей совсем не холодно — всё вокруг теплое, текучее, живое и мерцает», — сказано о героине «Лесных жителей», выбравшей остаться в лесу, чтобы погибнуть — так кажется её спутнику, — или чтобы зажить наконец подлинной жизнью — как, можно предположить, кажется ей.

Заснеженный лес теплый и мерцает, как в сказке, потому что это уже не лес — а из сказки Горбуновой мерцающая сеть всего сущего: «мерцающая, переливающаяся сеть с узлами, разветвлениями, по которым течет и струится свет» («Долгий полёт»). В финале сказка о «долгом полете» летающего котенка совпадает с рассказом «Лесные жители» — буквально: «Он выглянул из гнезда и увидел, как ночью заснеженный волшебный лес О-Мяу-Ми мерцает и переливается, словно оплетенный мириадой тончайших нитей, по которым течет свет, любовь и память».

Это вечный свет, отменяющий пространство и время, погружающий героя сказки в одномоментное проживание опыта своего и других персонажей, соединяющий реальное и возможное.

Но тогда в книге легко найти белку третью — ещё одну рифму к сказке о летающем котенке и к притче о «лесных жителях».

Автобиографическое полотно «Тупик», фрагменты которого готовы прорасти самыми разными жанрами: тут потенциально есть и притча, и сатира, и мистическая новелла с кровавым подбоем, и цеховой анекдот, и социальная драма студента философского факультета, выброшенного в жерло жизни торговать мобильными телефонами, и разбившаяся история любви, и писательская исповедь, — так вот, это «не очень однородное», как и вся книга, художественное полотно оканчивается откровением, отменяющим всё, что мучило героиню «Тупика».

Отменяющим сам тупик как состояние, в котором нет выхода, нет выбора — нет движения.

«И движение, которое происходит внутри тупика, — это движение без движения»: «внутренний щелчок, смена аспекта, которая превращает место, из которого нет выхода, место, замкнутое внутри себя, в бесконечную ширь, даль, высоту и глубину, в которой ты движешься сразу во всех направлениях, — в сердце Софии».

Героиня на протяжении всего повествования не двигалась, потому что не решалась выбрать «будущее». И при университете осталась — чтобы не двигаться и не выбирать, а жить при «двери в будущее». И, как следствие, живет, страдая: ощущая себя запертой от будущего в четырех стенах.

«Внутренний щелчок, смена аспекта» — это трансформация стены. Стена идет порами и оседает, как «пена», когда героиня вдруг понимает, что в будущее не обязательно ведет какая-то определенная дверь. Сквозь «пену стены» можно пройти — в произведении Горбуновой это можно трактовать как найденный способ «двигаться в философии» не через дверь. Не искать готовых, наезженных путей «в сердце Софии».

В этом главная, на мой взгляд, художественная особенность книги Аллы Горбуновой: это в прямом смысле философская проза — философствующая у нас на глазах.

Она «совершенно не поддаётся пересказу, тем более рациональному объяснению», — пишет Егор Михайлов, но это преувеличение. Сюжетный план

рассказов легко можно изложить — но что толку? И рационально разжевать инсайт — но зачем нам плоские выводы?

Горбунова пишет прозу состояний, процессов. Это отчетливо, как в манифесте, видно по её предыдущей книге — многоголосой антиутопии «Ваша жестянка сломалась»: сборнике исповедей людей, переживших контакт со сверхмощным искусственным интеллектом.

Горбунова не рассказывает истории — она создает условия для «внутреннего щелчка, смены аспекта».

И поэтому куда сложнее трактовать в книге тексты однородные — такие, которые вроде бы понятно, «чем» читать.

Рассказ «Биолюминисценция» так и тянет понять в свете вышедшего позже романа Алексея Иванова «Вегетация»: как куда более краткий вариант притчи о проклятом человечестве, которое переварил под свои нужды дикий лес.

Рассказ «Игнат и Рустам» о дружбе малыша с бригадой рабочих, отделяющих дачу его родителей, мимикрирует в нашем восприятии под социальную прозу — в духе той же Анны Шипиловой.

Ну и сверхкороткая притча «Ручная работа», открывающая небольшой сборник Горбуновой, кажется сбежавшей из её более ранней книги «Конец света, моя любовь», куда тоже включены были такие абсурдно-мистические сказки о жизни и смерти.

Но это книга Горбуновой — и потому социальные контрасты в рассказе «Игнат и Рустам» могут создавать тревожный фон к главной, вечной для автора теме: счастливой природе самого детства.

И меняющий людей лес в рассказе «Биолюминисценция» может быть прочитан с акцентом не на катастрофе — а на люминисценции. И тогда снова проступает мотив света, и снова акцентируется тема стен, заборов, границ — которые в рассказе опять проседают, и в этом снова проглядывает зов будущего, неизбежного и невообразимого, пока ты прячешься за стеной: «а что поделаешь, надо меняться».

И «лекарство от смерти», которое продает герой притчи «Ручная работа» под видом конфет, оказывается универсальной формулой понимания жизни. Всё, что ни делает герой, превращается в «лекарство от смерти», — но разве не скажем мы то же самое о всех плодах «ручной работы» людей на земле?

«Чем же они были? Лекарством от смерти. Чем же они казались? Конфетами». Этот простодушный катехизис можно взять с собой как ключ, отпирающий двери в каждый рассказ Аллы Горбуновой. Потому что она тоже описывает то, что кажется, — но стремится добраться до сути. И конфликт в её рассказах — это расстояние от видимости до истинного зрения.

А можно идти по книге без ключа, сквозь стены — и чувствовать, как опадают, пенясь, границы сюжета, жанра, рационального умозаключения. Опадают не в рассказах, где эти границы и не подразумевались, — а в сознании самого читателя.

Эту свободу восприятия легко прочувствовать на примере самого простого образа: грома.

Когда в финале рассказа Анны Шипиловой «Всё вернётся» героиню-подростка «оглушает гром» — это закольцовывает рассказ: ведь в начале его так же оглушительно лопаются в маминых руках «пыльная банка с солеными огурцами». И гром гремит, и банка лопается не просто так: герои рассказа живут в напряженном ожидании — вестей о мобилизованном отце, новостей о местном заводе, который обещали снова запустить. И громкий лопающийся звук, и разбивающееся, как банка, небо привязаны к этому психологическому сюжету. Так создается противоречивый эффект: яркое, звучное, но совершенно ничтожное на фоне чаяний героев событие заставляет читателя глубже ощутить их мучительное ожидание. Это звучное, но ничтожное событие: лопнувшая банка, гром — ставит под вопрос название рассказа, его главную надежду. Действительно ли «всё вернется», или возвращается к героям только состояние неизвестности, потерянности в жизни?

В рассказе «Игнат и Рустам» Аллы Горбуновой тоже гремит гром, разливается дождь — и тоже к финалу. Но это не работает как метафора. Горбунова позволяет грому, дождю ничего не означать — снимает с них заведомо вложенный груз смысла. И это несмотря на то, что гром и дождь в рассказе даются в сильной эмоциональной подсветке: прикипевший к бригаде строителей малыш всю сопротивляется маме, которая волочёт его в дом от дождя, и мы наблюдаем довольно неприглядную сцену ссоры мамы и ребенка. Но вот ребенок в доме — и мы слышим, как он возражает бабушке, вспомнившей о встрече с шаровой молнией: малыш настаивает, что это его история, что это он когда-то повстречался с шаровой молнией. А вот и дождь прошел — и наутро после грозы малыш и мама милуются. Ссора забыта, строители уезжают, а малыш, едва махнув им на прощание, уже гонится за новой гостьей — приехавшей на дачу сестрой.

Анну Шипилову волнует «несправедливость» — Аллу Горбунову то, что в мире всегда пребудет помимо «несправедливости».

Но именно в этом расхождении они неожиданно совпадают.

Потому что Анна Шипилова в социальной прозе о «несправедливости» так же остро ищет «дверь», как философствующие герои Аллы Горбуновой.

У Горбуновой речь идет об абсолютном знании, о такой глубине понимания жизни, когда не остается причин рваться прочь из стен: ты просто видишь, что жизнь безгранична, и чувствуешь, что ты к этой безграничности подключен. К сети мерцающей энергии (сказка «Долгий полёт»), к тёплому лесу («Лесные жители»), к не различающему игру и правду детству («Игнат и Рустам»), к высшему разуму (книга «Ваша жестянка сломалась»), к самой Софии («Тупик»).

Герои Шипиловой нуждаются в «двери», чтобы сбежать. Вопрос о природе мира для них ещё не стоит — им бы прежде мира познать себя.

Тот самый «внутренний щелчок, смена аспекта», которые в прозе Горбуновой оказываются эстетическим принципом, в рассказах Шипиловой становятся сюжетом.

Анна Шипилова пишет о людях, в которых щёлкнуло — и они увидели дверь.

2

В книге «Скоро Москва» не ходят сквозь стены. Это в точном смысле социальная проза — потому что она рисует социальное как неизбежную основу жизни.

Здесь не мерцающая сеть — а плотная, не пропускающая свет социальная среда. И эта среда — а не мыслящий лес, — растит каждого нового человека под свои нужды.

Именно поэтому сборник рассказов «Скоро Москва» не позволяет усомниться в своей цельности, однородности. Это однородность социальной среды, из которой иные персонажи вспрыгивают повыше, но инерция опыта тянет их назад, в пропасть, как это наглядно показано в рассказе «Русалка».

Анна Шипилова вдохновляется «несправедливостью» — а значит, пишет о людях обделённых: деньгами и любовью, связями и умом, образованием и силой. Её герои — подростки, матери-одиночки, неприкаянные парни, бродяги, которые вызывают тревогу и жалость не сами по себе, а в соседстве, в плотном взаимодействии с теми, кто их сильнее, богаче, хитрее, увереннее.

Опасна не сама по себе обделённость. А то, что она делает тебя уязвимым. Выталкивает на слабую позицию. Превращает в жертву среды.

Анна Шипилова дополнительно скрепила сборник скрещением линий героев: мы видим, как эпизодически может промелькнуть в новой истории та, кто в другом рассказе исполняла главную роль. И — совпадающими локациями: мы озираемся в новостройках на месте сгоревшего завода, бродим по сквоту в пустых залах завода до пожара, гуляем по территории заросшего травой ДК, когда-то работавшего при заводе, вглядываемся в завод с крыш гаражей, подсматриваем за нелегальным бизнесом в заброшенных гаражах...

Мы кружим на московских окраинах и за городом, обманутые однородностью этого пространства, которое словно бы отменяет время. За маховиком времени в сборнике Шипиловой интересно следить, располагая рассказы на линии от прошлого к будущему. Но это требует именно слежки, усилия: приметы «до» и «после» не сразу различимы на фоне неизменности социального порядка.

Среда — страшная сила, и не только потому, что она подрезает крылья героине: «Позорно хотеть большего», «позорно хотеть странного», — как однажды, не сдержавшись, прямо прописывает автор (рассказ «Пересортица»).

Среда страшна тем, что не оставляет просвета подумать: «позорно» — почему?

Среда — то, что требует соответствия. Оказался в воде — плавай. «Родился девочкой — терпи» (Г.Остер). Унаследовал гараж от деда, считавшего доблестью вынести что-то с ещё действовавшего завода, — отправляйся, как на промысел, воровать медный провод, да за этим делом и сгинь (рассказ «Линия отрыва»).

«Главное, чтобы отец не узнал <...> Иначе это позор», — говорит мать забеременевшей вне брака дочери в рассказе «Пересортица». Но не считает позором ходить на работу к «отцу», когда тот уходит в запой, и врать, что муж заболел, чтобы добиться снисхождения начальника, который знает, что она врет, но тоже не считает нужным стыдить ни её, ни её мужа.

Шипилова эффектно состыковывает стереотипы, наезженные колеи восприятия, бессознательные реакции, так что авторские обобщения в духе «позорно хотеть большего» становятся не нужны.

Да и дело не в том, что тут «позорно хотеть большего», «позорно хотеть странного». Здесь предосудительно — просто хотеть. Проявиться. Высунуться из среды со своей болью, мечтой, особенным опытом.

Об этом — тягостный рассказ «Послушная девочка». Дочь беженки хорошо учится, занимается балетом — но это не спасает её в школьной среде, где её личные особенности — и беды, и таланты — не различимы за образом жертвы. У девочки теплая, любящая мать — редкий случай на страницах этой книги. Но власть матери — только от кухни до колыбельной. Вовне — в среде — она беззащитна и не может вступить за дочь, которая оказалась в больнице из-за школьного хулигана. Рассказ копит энергию обиды и гнева — в образе тени, которая одна готова вступить и обещает многое повернуть с «такой послушной девочкой». Тогда как учителя считают травлю в порядке вещей: классный руководитель вспоминает, как сама в детстве с удовольствием таскала кого-нибудь за косу, а директор прикрывает вопиющий случай — стенгазетой, которую школьники так дружно обклеили осенними листьями.

Рассказы Анны Шипиловой покоряют тем, что не потакают тени. Они ощутимо выводят героев на свет — тусклый, одинокий, едва пробивающийся сквозь толщу среды, как свет фонарика в тоннелях, по которым бредёт с убрёжённым малышом героиня рассказа «Рита». В тоннелях Рита работает — обходчицей путей в метро. В рассказе тьма тоннеля прочитывается как образ бегства: здесь героиня скрылась от среды, которая пожирала её время и молодость и едва, руками когда-то заботливого парня, не прибила её саму. Но это и образ бессознательного: в тоннеле Рите предстоит сразиться с тенью — призраком матери, которая всю жизнь уворачивалась от мужа и не заступалась за дочь. Рита хочет пойти наперекор матери — и сбегает от мужчины, чтобы защитить себя и ребенка.

В этом реалистичные рассказы Шипиловой сближаются со сказками Евгении Некрасовой. Рассказ «Заросли» родственен Некрасовой и эстетически: телесность как идейно нагруженная метафора — пробуждение архаической женской силы в образе разросшихся на теле волос.

Но куда принципиальнее их совпадение в поиске выхода из социальной системы, утверждение опоры на себя как главной ценности. Сказка Евгении Некрасовой — своего рода тень-заступница: копит гнев на несправедливость и обрушивает магическую

силу на обидчиков героинь. Сказка не работает как выход: она вывернутый, зазеркальный язык социальной системы, поедающей жертв. Выход в сказках Некрасовой возможен только через обрыв инерции взаимного подавления — осознание себя самой как источника выбора и силы.

И в рассказах Шпиловой искомая спасительная дверь — это дверь к себе. Очень современный месседж — и выглядит многообещающим на фоне распространенных сегодня психологических практик по осознанной жизни. Но и куцый — ведь героини Шпиловой выбирают себя в условиях, когда альтернативой осознанности выступает гибель.

В этом смысле не скажешь даже, кто больше выиграл из героинь двух открывающих книгу и сюжетно смежных рассказов «Линия обрыва» и «Пересортица».

Марина из «Пересортицы» решаете оставить наконец работу в полиции, когда встречает подростка Алину из «Линии обрыва». Марина понимает, что Алина беременна — и покрывает её темную историю с отчимом, который к Алине полез и получил отпор, не совместимый с жизнью. Марина не вспоминает — потому что вспоминаем мы сами, как её уговорили прервать беременность, чтобы не позорить отца. Марина не вспоминает и о многом другом, от чего её отговорили, когда направили получать хлебную профессию в милицейском колледже, — потому что нечего вспоминать, как не жила вовсе. Марина решает уволиться — и в новую жизнь её провожает мусорка у дома, похожая на ту, куда ей запрещал выкидывать испачканное кровью полотенце первый любовник, несостоявшийся отец ребенка, сам боявшийся, как бы об их свидании не узнала мать.

Что будет с Мариной, когда она оставит единственное дело, благодаря которому кормилась и занимала хоть сколько-то прочную позицию в среде? Мы не знаем, и потому нам может показаться, что куда счастливее Алина. Марина Алину прикрыла — и вот у Алины подрастает ребенок, нашелся оборотистый муж, семья переселяется в новостройку. И вот из новых окон Алина видит место, где в юности погиб её возлюбленный — и где едва не стинула, не скатилась по топкой дорожке травмы и мести, она сама. За будущее Алины можно быть спокойными — но рассказ заканчивается метафорой тревожной, как взгляд с обрыва: героиня приходит посмотреть на гараж, укрывавший её первую любовь, и сидит там, как в юности, на крыше, положив голову на колени тому, кого давно нет в живых.

И тут, с финала первого же рассказа, книга разоблачает предрассудки среды в нас самих. Так устроена среда: она заставляет хотеть меньшего. И благополучный брак, непьющий и неагрессивный муж, своя квартира, ребенок представляются нам вершиной жизни — по сравнению с пропастью. Алина могла сломаться, скатиться — но вот живет, и даже лучше иных прочих героинь Шпиловой. И на контрасте с несбывшимся ужасом мы готовы посчитать это счастьем.

Эту ловушку восприятия углубляет рассказ «Русалка», показывающий долгий и скачкообразный жизненный путь героини, в юности убежавшей из дома. Мы видим её на вокзале и слушаем вместе с ней объявления о поездах: «свою станцию она всегда слышит в списке “кроме”». И до поры не знаем ни названия станции, ни причин бегства. Героиня проходит путь от бродяжки до обеспеченной жены бизнесмена. Рассказ показывает, как она мимикрирует под среду и тех, от кого зависит: внимает рассказам хиппаря об Индии, заказывает мужу домашний компот из ресторана, моется в бочке, маникюрит ноготочки. Она свидетельница прошлого новостроек, о котором предпочтут забыть: она едва спаслась от страшного пожара, спалившего заброшенный завод, приют бездомных. В финале героиня вернется сюда, как в место силы, и мысленно произнесет название родной станции, как собственное забытое имя.

История «Русалки» кажется историей спасения: из грязи в князи, от бездомья в надежный брак. Глупо искать себя, когда тебя нашли, как говорится, на помойке те, кто сильнее и лучше знают, как тебе жить. Но героиня, как рыба, норовит сорваться

с крючка — и в финале картинно плывет. Только это не бассейн, и заплыв грозит оказаться последним.

Но так в книге Шипиловой выглядит свобода. Минимальная ставка счастья, за которую героиням приходится и благополучие, и жизнь положить. Положительная по всем характеристикам Марина, крушащая свой дом по пьяни Русалка, сбегающая от мужа в заржавевшее прошлое Алина делают одно и то же: пытаются вывести себя из списка «кроме», толкаются лбом в невидимую дверь, пытаются найти в жизни своё.

Мы всё время говорим о героинях — и это логично: книга Шипиловой встраивается в ряд сильных женских высказываний новой литературы, и темы домашнего насилия в отношении женщин, беззащитного материнства, женской уязвимости в патриархально настроенной среде здесь задают тон. Но, если читать не по верхам, легко выстроить и образ мужского героя Шипиловой. И автоматический настрой на женскую оптику слетает, как ещё один предрассудок. Мужская уязвимость в сборнике подсвечена иронией: мужчина наталкивается на своё бессилие каждый раз неожиданно, с наскока, разогретый ожиданиями, возложенными на него средой.

Герои-мужчины в книге Шипиловой продают ворованные мотоциклы («На живую нитку»), открывают бизнес по продаже душевых кабин («Вместо»), придумывают себе богатых родителей («Дети отца Ярослава»), мечтают отстроить семейный дом на родине предков («Домой»), учатся самостоятельности в школе-интернате («Социальное государство»). Всё это в той или иной степени перспективные занятия, выдающие желание выжить, занять существенное место в среде. Стать мужиком.

Если героинь поначалу ведет какая-то личная эмоция, сердечный интерес: влюбленность, материнский инстинкт, — в героях-мужчинах личное подавляется. Об этом в том числе рассказ «Социальное государство», где нет такого уж мрачняка и насилия, но тошно от казенщины, истребляющей следы домашней, личной жизни в воспитаннике интерната. Об этом и рассказ «Домой», где герой выбирает между долгом перед родом — и любовью.

Герои рвутся стать мужиками — а выглядят неудачниками. Это переворот социальных ролей, который в среде предпочитают не замечать. Героиня рассказа «Дети отца Ярослава» жалуется на возлюбленного, который не пришел проводить её, уезжающую вожатой в детский лагерь. «А когда он на сборы уезжал, я к нему приезжала в часть в Кострому зимой, каждый день готовила домашнюю еду и носила в контейнерах».

Женщины в прозе Шипиловой, как и в жизни, готовы ради отношений на многое. Отношения с мужчиной — сверхценность для многих героинь этой книги. Это остроумно общувивает рассказ «Растущая луна» — о том, как поймать мужика через обряд приворота.

Но не до шуток становится, когда добираться до ритуальной подпорки пресловутого неравноправия, на которое заведомо соглашаются женщины, чтобы остаться в отношениях с мужчиной. В рассказе «Послушная девочка» об этом говорит директор школы, хотя она сама женщина и к женщине — матери пострадавшей от хулигана девочки — обращается: «Неужели не простим мальчику? У нас и так мало мальчиков в классе, кто же будет страну защищать, да? И за кого будут девочки замуж выходить?» Никого не смущает, не пугает, что девочкам предстоит выходить замуж в том числе за вот такого мальчика, который однокласснице голову разбил. Слишком глубоко укоренилось убеждение, что о девочках «нужно заботиться, а парни одевают, кормят, защищают и платят за жильё» («Русалка»).

Но это вожатая ездил с домашней едой в Кострому, чтобы кормить своего, как она думала, будущего защитника и мужа. И это на деньги жены горе-бизнесмен из рассказа «Вместо» хочет покрыть убытки и построить наконец отдельный от родителей дом. И за продажу краденых мотоциклов в рассказе «На живую нитку» перед судом отвечает девушка, которую подставляют её же парень и его друг под предлогом, что к ней-то суд окажется снисходительнее.

Тут разгадка, почему образ даже благополучного брака овеян в книге тревогой. Брак показан как плод компромисса, игра по стереотипам среды. Брак не равен любви, которая в книге раскрывается совсем романтически — это выглядело бы карамельно, если бы не обрывалось так быстро. Рай первой любви: в гараже из рассказа «Линия обрыва», на турбазе в рассказе «Домой», в студенческой вольнице из рассказа «На живую нитку», у костра на даче в рассказе «Рита», — показывает женщину и мужчину в состоянии ещё не полной принадлежности, не предъявленности среде. Это идеал любви, который не стыкуется с требованиями общества, где мужчине предстоит добиваться и любой ценой утвердиться, женщине — уворачиваться и любой ценой мужчину удерживать.

«Он знает, что нужно быть аккуратным и нежным», — говорится о возлюбленном в рассказе «Линия обрыва». Хочется дописать: и поэтому он сгинет. Аккуратные и нежные возлюбленные не выживают в среде — не вписываются. А почему? Не дело писателя — снабжать нас готовыми ответами. И мы можем хоть немного утолить свой внутренний вопль «доколе?» выводами из рецензии Александра Малиновского, далеко выходящими за пределы литературы: «Детали ее (Анны Шипиловой. — *В.П.*) рассказов несут в себе точный социальный диагноз. Принесение всего в жажду наживе, уничтожение производства, образования, культуры открыли простор для роста дремучей архаики, торопливо притоптанной в советскую эпоху. Стереотипы которой, впрочем, тоже никуда не делись»¹.

Рассказы Анны Шипиловой показывают то, что все видят, но не хотят замечать, и предлагают путь, который каждый в глубине души ведает, но не решается выбрать.

Закончить разговор о двух книгах хочется ещё одной цитатой. Дмитрий Горшенев в отзыве на сборник Аллы Горбуновой выделяет в современной российской прозе «два подхода»: «Первый — алгоритмический. Это там, где в нужных местах конфликт, поворотное событие, развитие персонажей, Воглер, Пропп, Кэмпбелл. Приверженцы этого подхода хотят сделать читателю приятно. Они стремятся обеспечить ему комфорт (как вариант — контролируемый дискомфорт). <...> Второй подход — это отсутствие подхода, сбой в алгоритме, другой узор. Когда открываешь текст, а там ветер свистит атональный мотив, солнце смеется гурьбой, летающий котенок торопится на почту отправить открытку поросенку, а вокруг враги, масоны, капиталисты и смерть — нас пожирает листопад. Для такого подхода комфорт читателя не является определяющим фактором, в фокусе другие ощущения. Если читателю приятно — хорошо, а если грустно, трудно и больно — что же, так тому и быть, он это заслужил. Эту школу можно назвать Бюро Горбуновой, в честь писательницы, практикующей подобный метод»².

Это разделение очень четко ориентирует писателей в задачах литературы. Но, к счастью для литературы самой, вариаций прозы, которая делает приятно, и прозы, которой безразлично, удобно ли читателю, гораздо больше двух. Книга Анны Шипиловой выглядит куда более понятной, «алгоритмичной», чем книга Аллы Горбуновой. Но и её проза — не беллетристика, она пишет всерьёз. В книге Шипиловой, как и в книге Горбуновой, с читателем не договариваются заранее об условиях игры. Шипилова, как и Горбунова, ничего не обещает, за комфорт и дискомфорт оставляя ответственным читателя.

Полезно прочитать столь по-разному устроенные книги, чтобы прочувствовать широту возможностей литературы. И главное — её непринужденность.

Можно идти к художественной правде — путём летающего котенка. А можно — по пятам так и не сделавшей карьеры девушки-полицейского. Об этом ведь обе книги: о ловушке предопределенности. И о том, что во власти всякого человека — однажды хотя бы решиться из неё выйти.

¹ Александр Малиновский. Ад — это повседневность // «Горький» от 27.05.2024. <https://gorky.media/reviews/ad-eto-povsednevnost/?ysclid=m4o7fybq6v952789335>

² Публикация на канале «Рембодлер» от 14.10.2024. <https://t.me/rembodler/580>

Евгений Абдуллаев

Двадцатые: третья перезагрузка

Движение, в которое пришел литературный (и не только) ландшафт, стало замедляться. Можно присесть на камень, отряхнуться от поднятой пыли и попытаться подвести итоги. Хотя бы предварительные.

В движении литературы бывают периоды, когда почти на глазах меняются формы литературной жизни. Возникают новые институты, исчезают или трансформируются прежние. Перетасовываются литературные иерархии. Расширяются возможности для вхождения в литературу новых авторов.

Лет сорок назад, в пору ещё не окончательно выдохшегося диамата, такой период назвали бы *диалектическим скачком*. Тридцать лет назад, когда в моде была синергетика, — *точкой бифуркации*. Сегодня, в эпоху информационных технологий, назову его *перезагрузкой*. Третьей по счету, которую мне довелось наблюдать.

Условным началом первой, самой очевидной, можно считать 1987-й, когда была ослаблена цензура и хлынула прежняя «запрещёнка», а её авторы стали получать известность. А концом — 1993-й. Год, когда пик общественного интереса к литературе прошел, тиражи начали стремительно падать, а цены — столь же стремительно расти.

Написано и наговорено об этой, первой, перезагрузке изрядно; перечислю лишь моменты, важные для понимания последующих двух. Итак.

Ослабление государственного патронажа, почти до полного исчезновения. Государство уходит из литературы. Коллапс прежней системы организации литературного процесса через союзы писателей и связанные с ними издательства. Уцелели лишь толстые журналы — наименее идеологически обусловленная часть прежнего литпроцесса. И наиболее ориентированная на читательский спрос.

Полная реабилитация той части русской литературы, которая прежде находилась в «серой» зоне (не попадала по цензурным соображениям на страницы советской печати), а то и в «чёрной» (была запрещена). Более того. Именно авторы этой части литературного поля начинают играть в литературе последующего десятилетия наиболее активную роль.

И не только в силу своего «либерализма», созвучного с политической повесткой 90-х. Главное, авторы прежнего самиздата и тамиздата обладали опытом *самоорганизации*, накопленным в предшествующий период. Опыт запусков собственных проектов — новых журналов, объединений, премий — и привлечения под них средств. Чем выгодно отличались от большинства прежних союзписовских авторов, привыкших к системе госрегулирования и господдержки. И с крушением этой системы оказавшихся вроде рыб, выброшенных на берег.

Так продолжалось вплоть до второй перезагрузки.

Происходит она с конца 1990-х до середины 2000-х. В отличие от первой, «перестроечной», внимания она привлекла меньше и пока почти не осмыслена.

Условным её началом можно считать несколько важных событий и процессов.

Стремительное распространение интернета. В результате значительно облегчился доступ к текстам современной русской литературы, затрудненный в 90-е коллапсом прежней книготорговой сети и слабостью (и жесткой коммерциализацией) новой.

С новыми изданиями стало возможно знакомиться почти сразу после их появления, часто — бесплатно. С книгами — в «Библиотеке Максима Мошкова» на lib.ru (с конца 1998-го); с толстыми журналами — в «Журнальном зале» «Русского журнала» (с 2001-го). В «Русском журнале» появляется и первая литературная интернет-периодика.

Возникает интерес к современной русской литературе со стороны крупного книжного бизнеса. С конца 90-х «Вагриус» (серия «Современная русская проза»), а затем и другие крупные издательства начинают издавать серьезную (а не только развлекательную) российскую (а не только переводную) современную (а не только классическую) прозу.

Затронула вторая перезагрузка и поэзию. Проведение Первого международного поэтического биеннале в Москве (1999) положило начало активному литературно-фестивальному движению 2000-х — начала 2010-х. А благодаря возникшему в тот же год «Проекту О.Г.И.» (гибриду книжного магазина с кафе и литературно-музыкальным клубом) на глазах оживилась программа поэтических чтений в столице; аналогичные проекты стали возникать и в других городах.

Last but not least, в литературу возвращается государство. Через поддержку литературных проектов: изданий, фестивалей, совещаний и, особенно, премий. В 2005-м возникают сразу три крупные премии: «Большая Книга», «Поэт» и «Русская премия». На средства благотворителей, однако так или иначе связанные с государственными структурами. Тем самым государство обозначило своё присутствие в литературе, хотя и в режиме «мягкой силы».

После этого, вплоть до начала 20-х, серьезных изменений в литературном процессе не наблюдалось. Шли медленные, постепенные. Дефрагментация литературного поля, распадение его на почти никак не связанные между собой группы, группки, группочки. Усиление цензуры. Развитие электронного книгоиздания. Вытеснение фикшена нон-фикшеном. Закрытие, из-за отсутствия финансирования, премий, изданий, фестивалей.

В 2022-м начинается третья перезагрузка.

Формально её можно начать отсчитывать с конца 2020-го, когда было объявлено о создании Ассоциации писателей и издателей России (АСПИР). Возникла, наконец, организация, через которую должна была осуществляться государственная поддержка литературы; аналоги давно существуют в других странах: Немецкий литературный фонд в Германии, Фламандский литературный фонд в Бельгии... Где-то год ушел на разогрев, и активно АСПИР заработала с начала 2022 года.

Это почти совпало с началом других, более масштабных событий, повлиявших и на конфигурацию литературного поля. Возникли новые демаркационные линии. Между теми литераторами, кто поддержал СВО, и теми, кто не поддержал; а внутри вторых — между теми, кто после начала СВО эмигрировал из России, и теми, кто остался... А внутри оставшихся — между теми, кто выразил свое отношение к СВО публично, и теми, кто этого не сделал. А внутри первых — на тех, для кого это не имело правовых последствий, и на тех, для кого эти последствия имели место; и опять же, различной степени жесткости...

Сложная получается картина. И сама по себе, и для своего объективного, оценочно ненагруженного понимания. А именно такое понимание является целью и этого очерка, и остальных наших «барометров». Смотреть на всё, по возможности, *sine ira et studio*. Громокипящих комментариев хватает и так.

При этом прежние внутрилитературные расхождения, разногласия и противоречия никуда не делись; новые, политические, лишь обострили их. Градус взаимной ненависти и подозрительности дошел до точки плавления металла. Особенно со стороны наиболее непримиримо настроенной части «уехавших» и наиболее радикальной части «поддержавших».

Впрочем, военные действия (и отношение к ним) стали индикатором и катализатором раскола, но не причиной. Раскол внутри литературы назревал все

десятилетия. К концу десятилетия сформировалось новое ядро, активно использующее патриотическую риторику и позиционирующее себя в качестве главного проводника государственной политики в литературе. И стремящееся повлиять на её — этой политики — формирование.

Ядро это не едино, и литераторы, составляющие его, различаются. И уровнем таланта, и взглядами, и степенью вовлеченности в эту деятельность. Одни довольно активно призывают к возрождению цензуры и к репрессиям в отношении тех литераторов (и литературных институтов), которые, по их мнению, настроены (или устроены) недостаточно патриотично. Другие разделяют подобные настроения лишь отчасти; третьи присутствуют там скорее номинально, из желания примкнуть к «сильным».

О реальной силе этого ядра, говорить, впрочем, сложно. Властные структуры пока не спешат делегировать этой группе особые полномочия в области литературной политики. Ни каким-то исключительным образом их продвигать и вознаграждать.

Единственным заметным бонусом стало создание в прошлом году под эгидой Союза писателей России премии «Слово». Финансируемой уже не частными благотворителями, а государством. Сконструированной по образу и подобию «Большой книги» — во многом, чтобы «перебить» её влияние. Недовольство «либерализмом» «Большой книги» давно уже стало в этой части литературного поля общим местом¹.

Как писал года полтора назад Павел Басинский: «Другой, в общем хороший литературный критик, но решивший, что он не только критик, но и крутой идеолог, пишет: “Считаю, что ‘Большую книгу’ надо разогнать, а после создать принципиально новые премиальные институции”. Старик (так обращались писатели к писателям в советские годы), я понимаю, что ты хочешь Большую Большую книгу. Ну такую Большую Большую, чтобы её получили ты и твои литературные друзья»².

Теперь такая «Большая Большая», похоже, возникла.

При анонсировании «Слова» было, правда, сказано немало разумного и обнадеживающего. Николай Иванов, председатель жюри премии (и Союза писателей России), продекларировал и её «внепартийность».

«Здесь не должно быть только белых или только красных. Русская литература в лучшие свои времена не была плоской, и сегодня нам крайне необходимо показать весь литературный и духовный спектр нашего общества»³.

15 декабря состоялась церемония объявления и награждения лауреатов «Слова».

Никогда не обсуждал лауреатов тех или иных премий; не буду и сейчас. Наградили, и хорошо. Но одно могу сказать точно: ничего даже отдаленно похожего на «весь литературный и духовный спектр» список призеров не отражает. Особенно за прозу. Всё более-менее одного цвета.

Красного, белого или какого другого — не знаю. Но — одного.

Это, впрочем, было уже понятно и до вручения; даже Андрей Рудалёв, непримиримый критик «Большой книги», написал о «Слове» 8 декабря в своем Телеграм-канале: «Ну, не умеют там играть красиво, и всё шито суровыми нитками и административными методами. Поэтому “Большая книга” и останется мейнстримом, а “Слово” — резервацией. Хотя в реальности должно быть наоборот».

Должно ли быть в реальности наоборот или нет — вопрос спорный.

¹ Любопытно, что и сама «Большая Книга» была создана в предыдущую «перезагрузку», не в последнюю очередь, с целью «перебить» влияние «Русского Букера», который несколько лет до этого спонсировал фонд Ходорковского (внесен Минюстом РФ в список иноагентов).

² Павел Басинский — о главной задаче культуры. «Мы должны ценить наши русские таланты, даже если мы не совпадаем с ними идеологически» // Сайт «Год литературы». 3 октября 2023 г. (URL: <https://godliteratury.ru/articles/2023/10/03/glavnaia-zadacha-kultury-obedinenie-liudej-gaznyh-slozhnyh>)

³ Васюнов М. «Слово»: для чего в России запускается новая литературная премия // Сайт «Год литературы». 11 июля 2024 г. (URL: <https://godliteratury.ru/articles/2024/07/11/dlia-chego-v-rossii-zapusketsia-novaia-nacionalnaia-literaturnaia-premiia>).

Пишу это не для того, чтобы «попиарить» «Большую книгу» (в работе экспертного совета которой участвую); она в этом и не нуждается. У меня у самого, кроме того, к ней немало вопросов. Премия не идеальная; но идеальных премий и не бывает. И пока ей удастся идти «срединным царским путем», играя интегрирующую роль на расколоте и фрагментированном литературном поле. Со всеми неизбежными издержками этой «срединности». Кроме того, нынешняя перезагрузка затронула и «Большую книгу». Обновился совет экспертов, бывший до этого с момента создания премии почти неизменным. Обновился и состав «большого жюри».

Наконец, стоит упомянуть ещё об одной премиальной метаморфозе. Закрытие в 2022-м созданного в предыдущую «перезагрузку» «Национального бестселлера» и его реинкарнация в 2023-м в виде «Главкниги». Отличий между «Нацбестом» и «Главкнигой» не так уж много. Чуть-чуть изменилась структура премии, чуть-чуть победнее стал сайт; правда, победителю теперь вручают прямо на сцене слиток золота. Это, конечно, лихо задумано, по-купечески... Главное, пожалуй, — состав жюри и совета экспертов. Он, если сравнить с аналогичными структурами в «Нацбесте», стал более стабильным и более правоконсервативным. Что, в общем, логично. Какое время, такие и премии.

Я неслучайно столько места отвел разговору о крупных премиях: на них влияние нынешней перезагрузки особенно заметно. Премии остаются и наиболее существенным источником вознаграждения литературного труда и привлечения медийного внимания. Но стоит, хотя бы тезисно, указать ещё на как минимум две приметы нынешней перезагрузки. Снова, как и во время предыдущей, крупные издатели стали охотно печатать современную серьёзную прозу. Вот, для сравнения, две цитаты.

Одна из статьи Вадима Левенталя, год 2018-й.

«Несколько лет назад отказались от современной русской литературы московское издательство Ad Marginem и питерская “Амфора”. Была соответствующая серия в «Азбуке», да быстро прекратилась. Каким-то чудом жив ещё “Лимбус”, но своих средств у него катастрофически мало. Ничего не слышно про “Лениздат”, который ещё два года назад казался одним из главных продюсерских центров для начинающих писателей. Этот “список кораблей” можно было бы и продолжать»¹.

А вот недавняя реплика Ивана Родионова в «Литературных итогах 2024 года» на «Формаслове».

«...Крупные отечественные издательства снова начали ставить на серьёзную русскую прозу. <...> Ещё недавно условно премиальную прозу активно печатали, навскидку, РЕШ и “Городец”, немного — “НЛО” и Corpus. <...> Сейчас что-то сдвинулось — во многом благодаря первопроходцу, импринту “Альпина. Проза”. Вернулись к русской прозе “Азбука” и “Рипол”, больше худлита стал выпускать Individuum, в АСТ появилась редакция “КПД”»².

Разница ощутима. Хотя безусловным лидером остается РЕШ, остальные редакции тоже подтягиваются. Особенно в отношении дебютантов. Результат: снова, как в начале нулевых, расширяется пространство вхождения в литературу новых авторов, появления новых имен.

Современная русская проза стала, наконец, востребована и российской киноиндустрией. Ещё шесть лет назад, в том же 2018-м, я сам сетовал на то, что современные серьёзные авторы почти не экранизируются («Новая Юность», 2018, № 4). Сегодня и Водолазкин, и Яхина, и Данилов, и Сальников, и Вагнер, и многие другие прозаики вполне успешно экранизированы.

Время окончательных итогов пока не пришло. Я сознательно уклонился и от названия (за небольшим исключением) каких-либо имен и книг. От разговора о роли АСПИР. О толстых журналах. Все в один короткий очерк не вместишь. Перезагрузка продолжается, будем следить, будем пытаться понять.

¹ Поскольку ссылка (<http://www.natsbest.ru/award/2016/comment/large/>), видимо, из-за закрытия «Нацбеста», неактивна, цитирую по своей статье «Букеровская пауза» («Дружба народов», 2018, № 10).

² Литературные итоги 2024 года. Часть 1 // Сайт «Формаслов». 15 декабря 2024 г. (URL: <https://formasloff.ru/2024/12/15/literaturnye-itogi-2024-goda-chast-i/>).

Борис Минаев

Время Тартюфа

Никогда не любил я «Тартюфа», с тех пор как услышал или увидел пьесу (в детстве по советскому радио или телевидению, скорее всего, а потом пришлось прочесть уже по «зарубежке»).

Во-первых, там грубо и примитивно разводят хороших, ну, по крайней мере, совершенно безобидных людей. Разводят долго, нудно и целенаправленно. Это неприятно. Во-вторых, сам Тартюф с этими бесконечно слащавыми и лицемерными речами — как же они ему верят? Это же кошмар. И в-третьих, концовка — вот этот пресловутый «бог из машины». Их всех уничтожили, того и гляди закуют в кандалы и отправят во французскую Сибирь, как вдруг является госслужащий и важно объявляет: вы прощены, с вами всё в порядке, а вот этого прощелыгу мы как раз и арестуем.

Понятно, что Мольер был вынужден создавать хэппи-энд, боялся цензуры, боялся короля, боялся церкви, ну а нам-то, сидящим в зале, что делать?

Тоже идти на уступки?

...На сайте Театра Наций нашел объявление: «Сергей Самойленко расскажет об истории появления самой знаменитой комедии Мольера, о её сложном пути на сцену, мировой популярности вечно живого героя пьесы, русских переводах «Тартюфа» и самых знаковых постановках...»

Да, совсем забыл: основным препятствием к «настоящему Тартюфу» был именно язык пьесы. Мрачный, тяжеловесный, архаичный — как будто земля трясется от шагов железного человека. Сами посудите.

Высоконравственна и впрямь сия персона.
Но какова была она во время оно?
Ей старость помогла соблазны побороть.
Да, крепнет нравственность, когда дряхлеет плоть.
Встарь, избалована вниманьем и успехом,
Привержена была она к мирским утехам.
Однако время шло. Угаснул блеск очей,
Ушли поклонники, и свет забыл о ней.
Тут, видя, что, увы, красы её увяли,
Оранта сделалась поборницей морали.

Так вот, автор нового перевода «Тартюфа», Сергей Самойленко, на мой взгляд, остроумного и, действительно, современного, этих «железных шагов» умудрился

избежать. Именно этот текст и поставлен недавно на сцене Театра Наций режиссёром Евгением Писаревым.

Но, конечно, новый «Тартюф» имеет отношение не столько к прежним трактовкам и постановкам, не к «наследию». Если пьесу вновь ставят (а сейчас в Москве сразу две большие премьеры «Тартюфа» — в Театре Наций и в Театре Моссовета), значит, время его пришло.

А время для «Тартюфа» всегда подступает незаметно, долго-долго как-то все без него спокойно обходятся, а потом вдруг раз — и пожалуйста: Тартюф стучится в дверь.

Потому что история про святошу — это ведь не совсем история про святошу.

На сцене — богатый европейский дом.

Слуги, богатый стол, сияющая мебель, лестница на второй этаж, огромный телевизор с французскими новостями. Мы внимательно вглядываемся в экран — нет, там ничего знакомого, куски хроники из разных эпох современной Франции: погода, культура, ток-шоу, новости — из каких-то не сегодняшних дней. Словом, абстрактная Европа второй половины прошлого века.

И есть во всём этом что-то притягивающее, завораживающее: вот хозяйка дома Эльмира (Аня Чиповская), в длинном шелковом халате, с медленными кошачьими движениями, красивая и как будто ещё не проснувшаяся, вот её дочь-подросток с наушниками на смешных косичках, Марианна (Мила Ершова), у неё в жизни страстная любовь и ненависть к родителям, вот горничная, которая на самом деле всем здесь управляет, Дорина (Анастасия Лебедева), в строгом офисном брючном костюме, — всё какое-то до боли узнаваемое: как будто включил сериал, из нашей, а может, из ненашей жизни, это даже неважно... И погружаешься в него, чтобы забыть обо всём: о том, что происходит за окном, в мире, по телевизору...

Да и сама история — про странного человека, которого привели в дом, и он так проник в голову хозяину Оргону (Игорь Гордин), что это вызывает у всех тревогу: кто он, этот странный незнакомец, чего он хочет, почему живет у них? — эта история тоже как будто «сериальная», разматывающийся клубок отношений, нарастающая тревога (хоррор? саспенс?), условный, придуманный мир, но такой уютный и заманчивый, что хочется в нём жить. «Семейное драмеди» — обозначил выбранный им жанр режиссёр, мол, не подумайте, что тут какая-то идеология, или политика, или, не дай бог, сатира.

И происходит всё это безобразие где-то там, в условной Европе, в смикшированной из разных десятилетий «Франции», вообще ни разу не у нас.

Не о чем волноваться.

А если даже вы узнаете в персонажах типичную семью русского олигарха (имена-то тоже все условные, мир классической пьесы — Оргон, Эльмира, Валер и так далее), то и что нам до этих олигархов? Они нам никто, да и мы им тоже — они по ту сторону экрана, в своём условном сериальном мире, мы по эту, в настоящем...

Но всё меняется с появлением Тартюфа (Сергей Волков). При первых звуках его голоса с нас слетает это сладкое оцепенение, странное чувство гипноза, как будто ты сидишь перед красивым аквариумом.

Наверное, самый необычный Тартюф, какого я мог себе представить, — такова сила харизмы, глубина характера, таков его актёрский темперамент. Сергея Волкова я увидел на сцене впервые, это очень мощный актёр (Писарев пробовал его на роль князя Мышкина в спектакле, который по неизвестным причинам не дошел до сцены, и это, конечно, далеко не случайный выбор).

Забегая вперед, хочу сказать, что блеск актёрской игры и удовольствие от нее — это то, что в спектакле, может быть, подкупает больше всего. Давно я такого не видел — режиссёр и его концепция не мешают, а помогают этим краскам, деталям, этой актёрской музыке, что сейчас довольно редко увидишь.

Так вот, Тартюф, живущий в доме Оргона, с первых шагов и слов, первых звуков своего могучего оперного голоса, длинных страшных пауз, навязчивой попытки от всех, включая зрителей, отвернуться, как бы что-то спрятать — ставит вопрос о самом существовании этого маленького семейного мирка.

Имеет ли этот мирок, такой привычный и родной, право на существование?

Ну конечно же нет!

Избалованные, раздражительные, эгоистичные, погрязшие в несправедном и нечестном уюте, в мире привилегий, непомерного потребления и наследственного богатства, — они обречены в столкновении с чем-то «настоящим».

А то, что Тартюф — «настоящий», об этом и в тексте прямо говорится, да и мы сразу попадаем в эту привычную, узнаваемую со школьных книг дилемму: настоящее — искусственное, правдивое — ложное, ну и так далее.

Да, но что же Тартюф собирается с ними сделать? Обличить, перевоспитать, сделать их более искренними, моральными, «настоящими»?

Нет. Он хочет их съесть. Сожрать.

Именно эта задача шаг за шагом обнаруживается в его поступках, в его внутреннем приговоре. Постепенно, медленно, без спешки и суеты он разрушает этот маленький, спрятавшийся от современной жизни мир.

Впрочем, можно сформулировать иначе: люди эти обречены именно потому, что они продолжают жить мирной жизнью, продолжают цепляться за мирную жизнь, с её правилами, привычками, с её устоявшимся бытом.

А Тартюф — воин, он на войне. С чем и с кем война? Ну вот с этим миром. С рутинной жизнью. Он представитель новой морали, новой жизни, новой страны.

Он не может оставить всё как есть...

В общем, «Тартюф» — это не просто история про святошу.

Это, прежде всего, история про человека, который манипулирует нами с помощью высоких чувств.

И если опять приходит время Тартюфа — то есть время новых его постановок, — значит, манипуляция достигла высокого градуса и манипулируют уже целыми классами, целыми странами, а то и целым человечеством.

Сами «высокие чувства» могут меняться вместе с эпохой.

Это может быть социализм, коммунизм, патриотизм, православие, самодержавие, народность, американская мечта или европейская идея.

Ему, Тартюфу, это уже не так важно. Идея для него является лишь инструментом.

Целью является сам человек. Можно даже сказать: «человечинка». Звучит страшно, но, по сути, примерно так и есть.

И впрямь, что может быть современной этой коллизии — дубина ценностей (патриотизма, морали, религии, новой или архаичной этики), которая крушит мирную жизнь, крушит человека, отчаянно цепляющегося за прежнее понимание своего бытия: дом, семья, близкие, мир...

Она крушит человека, который не хочет воевать, ни за эту новую мораль, ни за другие «высокие чувства», он боится её.

Сам святоша, как нам известно, тоже поскальзывается на этой коллизии, то есть обнаруживает в себе слишком много человеческого, поддается страсти, уступает

чувству, становится уязвимым, и здесь мы видим, что это и впрямь какой-то новый для нас, незнакомый, не классический Тартюф — знакомый в детства фарс оборачивается вдруг всамделишной трагедией.

Но «святоша» ли Тартюф? Вот вопрос.

Да нет, он просто человек из нового мира, из новой реальности. Новая, так сказать, элита общества. Легко и просто убирающая со сцены старую элиту.

Когда Оргона и всех его близких уже ожидают практически неизбежные репрессии, в дом вдруг является представитель государства. Он сообщает хозяину, что он, имеющий тесные связи с заговорщиками, диссидентами, врагами короля, — вдруг прощен. Потому что... король мудр и справедлив.

Радует ли мы этому фиаско Тартюфа? Тому, что ничего у него не вышло? Интрига развалилась, «путч» не удался...

Ну, наверное, когда-то мы радовались — собственно, как радуются зрители бессмертной комедии уже триста шестьдесят лет. Всё-таки «хороший конец». «Торжество справедливости». Должно же оно быть...

Хотя бы и такое — не из чего не вытекающее.

Но в этом «Тартюфе» — нет, почему-то не радуемся. Этих обывателей, испуганных и подавленных, с их устаревшими человеческими привычками, да ещё и замешанных в «политике», — вытаскивает из страшных лап правосудия совсем не «торжество справедливости», а просто-напросто... другой Тартюф. Для чего-то это ему нужно. Пока.

Вот он, выступает по телевизору перед Национальным собранием Франции (дело же происходит во Франции). Отец нации. Высшее божество.

И почему-то никакого облегчения не наступает.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Дружба народов»

можно выписывать с любого месяца во всех отделениях Почты России.

Подписной индекс в каталоге «ГАЗЕТЫ. ЖУРНАЛЫ» — **70250**

Подписной индекс в зеленом каталоге «ПРЕССА РОССИИ» — **91826**

Электронную версию «ДН» можно купить на <http://дружбанародов.com>

Журнал продается в московских магазинах:

«**Фаланстер**» (Москва, ул. Тверская, 17, вход с Малого Гнездниковского
переулка)

«**Бункер**» (Покровка, 17; ежедневно с 12 до 22)

Также журнал можно приобрести через интернет-магазин **Лабиринт.ру**
в любом городе страны.

Вёрстка: Елена ЖИРНОВА

Корректурa: Елена ЛАПШИНА

Дизайн обложки: Степан ЛУКЪЯНОВ

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО ФОНДА ГУМАНИТАРНОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ СНГ
И ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

Евгений Винокуров

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

ДОРОГИ

*Мечтают все о счастье,
все рвутся к небесам.
А я?.. Ну что ж, отчасти
я в том повинен сам...
Одна была забота:
вперёд и наугад!..
Бескрайняя свобода
мой ослепляла взгляд!
Я выпренне глаголю,
а сам, однако, мал!
Но счастье я, как волю
одну лишь понимал.
Мерцали идеалы.
Один завет: лети!
Но страшные провалы
чернели на пути.
Но мир не в нашей власти.
Наш мир предельно строг!..
Какое ж это счастье
без прочности дорог?*

«ДН» 1975, №3

